

ЭПО- ДЕЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИКЪ

№ 3
1922
ДЕКАБРЬ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ:

АНДРЕЯ
БЪЛАГО

ГЕЛИКОНЪ
МОСКВА-БЕРЛИНЪ

Эта книга отпечатана въ январѣ 1923 года
въ типографіи Sinaburg & Co., G. m. b. H.
для книгоиздательства „Геликонъ“
Обложка работы Л. Лисицкаго

Э П О П Е Я

литературный ежемѣсячникъ

подъ редакціей

АНДРЕЯ БѢЛАГО

№ 3

МОСКВА ★ БЕРЛИНЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГЕЛИКОНЪ“

1 9 2 2

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

ПО ПОВОДУ 30-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

Мы знаемъ, что Горькій — писатель, стоящій, быть можетъ, далеко отъ группы ближайшихъ сотрудниковъ «Эпопей». Но внутренно близокъ онъ намъ: не случаенъ; вѣдь онъ — «эпопеенъ».

Онъ — вѣщій.

А «Эпопея» въ ядрѣ устремленій своихъ обращена не къ готовымъ теченіямъ, лозунгамъ, школамъ, а ко всему, что вываривается въ огненной, въ клокочущей подосновѣ извнѣ оформленнаго. Горькій — клокочущій весь: весь чреватый еще.

Вспомнимъ, сколько лозунги объявляли себя выразителями современности въ недавніе годы. И — гдѣ эти лозунги? Сколько изъ писателей, возникавшіе вслѣдъ за Горькимъ, уже износились; и — костенѣютъ въ гробахъ ими скованныхъ формъ, утѣшая себя академическимъ ореоломъ; а Горькій — еще не готовъ: незаконченъ, не конченъ; онъ — длится: и — «нудит с я». Съ трудностью терпкое дѣло его; проваривается русская современность въ культуру, которой формъ мы предвидѣть не можемъ. Про сколькихъ намъ ясно: «Отъ этого можно ждать этого: и — нельзя ждать вотъ этого». Про Горькаго ничего такого не

скажешь: онъ — сложенъ, невнятенъ, противорѣчивъ и стремителенъ. Вглядываясь въ напряженіе чертъ облика Горькаго, восклицаешь невольно: «Такой молодой!» Молодой — не лѣтами; онъ — жизнь, не имѣющая ни конца, ни начала; и въ этомъ смыслѣ — природа творимой культуры Россіи: онъ весь: и — природа сознанія нашего.

Да, сознаніе неизмѣряемо формулами: лишь потокомъ въ ассоціаціяхъ перегоняющихъ другъ друга образовъ. Творческія проявленія Горькаго уподобляемы потоку сознанія: они — противорѣчивы, но — живы и вѣчны: въ нихъ нѣтъ совершенства гармоніи; но и — нѣтъ остановокъ: нѣтъ старости.

Ждемъ эпохальныхъ твореній; и — останавливаемся невольно на тѣхъ, въ комъ — истоки потоковъ грядущей культуры: на «юнонъ» Толстомъ (Львѣ Толстомъ) и «отрокѣ» Горькомъ, въ которомъ ломается голосъ, котораго распираютъ бродящія въ немъ силы «мужества», — только на нихъ: отъ Тургенева, Чехова, Брюсова, Мережковскаго и другихъ, молодыхъ, мы не ждемъ съ такой точностью просвѣтовъ въ будущее; а отъ Горькаго, не молодого годами, мы — ждемъ, будемъ ждать, потому что мы знаемъ, что будущее искусство не отъ законченныхъ (и тѣмъ — ограниченныхъ), а отъ — безгранныхъ, внѣгранныхъ, какимъ былъ, есть, будетъ намъ Горькій; не отъ художниковъ только, а отъ художественнаго выявленія себя въ жизни мы ждемъ плодовъ чаемаго нами будущаго: продолженія «Эпопеи» исторіи.

Горькій — огромный художникъ; но онъ — человекъ (сколькоіе художники передъ нами—«не люди», и потому-то «но»): человекъ современности; подъ современностью разумѣемъ мы не ея «злободневные» отбросы: въ Горькомъ нѣтъ вовсе для насъ

злобы дня; а мы давимся злобою дня; оттого-то такъ злобны мы; и такъ мудро не злобенъ онъ; современность его коренится, конечно же, въ вѣчномъ, въ всегда становящемся будущемъ; и м ъ, этимъ будущимъ, онъ современенъ для насъ.

Есть фигуры, художественно завершенныя; изъ моральной фантазіи ихъ и изъ ихъ біографіи не возникаетъ для насъ ничего «эпопейнаго»; есть художники, переплетающіе свою біографію въ творчество (и — обратно); воспоминаніе о нихъ «эпопейно»: развертываетъ героическій эпосъ; такимъ былъ намъ Блокъ; и такимъ остается намъ Горькій.

Да, дѣятельность его — «эпопея». И таковы — юбилейные дни его: воспоминаніе о намъ дорогой «эпопеѣ». Редакція «Эпопеи» съ особеннымъ чувствомъ переживаетъ дни эти, соединяясь въ горячихъ пожеланьяхъ своихъ, обращенныхъ къ юбиляру, со всѣми тѣми, кто Горькаго несетъ въ себѣ, какъ кусокъ дорогой намъ Россіи!

Не юбилеевъ, не чествованій мы волимъ, а — продолженія «Эпопеи», которая — въ Горькомъ и съ Горькимъ.

Редакція.

СВѢТОВОЙ ЛИВЕНЬ

ПОЭЗИЯ ВѢЧНОЙ МУЖЕСТВЕННОСТИ

Эренбургу

Передо мной книга Б. Пастернака «Сестра моя Жизнь». Въ защитной обложкѣ, отдающей сразу даровыми раздачами Юга и подачками Сѣвера, дубоватая, уютная, вся въ какихъ-то траурныхъ подтекахъ, — не то каталогъ гробовыхъ издѣлій, не то послѣдняя ставка на жизнь какого-нибудь подыхающаго издательства. Такой, впрочемъ, я ее видѣла только разъ: въ первую секунду, какъ получила, еще раскрыть не успѣвъ. Потомъ я ея уже не закрывала. Это мой двухдневный гость, таскаю ее по всѣмъ берлинскимъ просторамъ: классическимъ Линдамъ, магическимъ Унтергрундамъ (съ ней въ рукахъ — никакихъ крушеній!), брала ее в Зоо (знакомиться), беру ее съ собой къ пансіонскому обѣду, и — въ концѣ концовъ — съ распахнутой ею на груди — съ первымъ лучомъ солнца — просыпаюсь. И такъ, не два дня, — два года! Право давности на два слова о ней.

Пастернакъ. — А кто такое Пастернакъ? — («Сынъ художника» — опускаю). Не то имажинистъ, не то еще какой-то... Во всякомъ случаѣ, изъ новыхъ... Ахъ да, его усиленно оглашаетъ Эренбургъ. Да, но вы вѣдь знаете Эренбурга? Его прямую и обратную фронду!.. И, кажется, и книгъ то у него нѣтъ...

Да, господа, это его первая книга (1917 г.) — и не показательно ли, что въ наше время, когда книга, имѣющая быть написанной въ 1927 г., проживается уже въ 1917 г., книга Пастернака, написанная въ 1917 г., запаздываетъ на пять лѣтъ. — И какая книга! — Онъ точно нарочно далъ сказать все — всѣмъ, чтобы въ послѣднюю секунду, недоумѣннымъ жестомъ — изъ грудного кармана блокъ-нотъ: «А вотъ я... Только я совсѣмъ не ручаюсь...» Пастернакъ, возьмите меня въ поручители передъ Западомъ — пока — до появленія здѣсь Вашей «Жизни». Знайте, отвѣчаю всѣми своими недоказуемыми угодами. И не потому, что Вамъ это нужно, — изъ чистой корысти: дорого побывать въ такой судьбѣ!

Стихи Пастернака читаю въ первый разъ. (Слышала — изустно — отъ Эренбурга, но отъ присущей и мнѣ фронды, — нѣтъ, позабыли мнѣ въ люльку боги даръ соборной любви! — отъ исконной ревности, полной невозможности любить вдвоемъ — тихо упорствовала: «Можетъ быть и геніально, но мнѣ не нужно»). — Съ самимъ Пастернакомъ я знакома почти что шапочно: три-четыре бѣглыхъ встрѣчи. — И почти безмолвныхъ, ибо никогда ничего новаго не хочу. — Слышала его разъ, съ другими поэтами, въ Политехническомъ Музеѣ. Говорилъ онъ глухо и почти всѣ стихи забывалъ. Отчужденностью на эстрадѣ явно напоминалъ Блока. Было впечатлѣніе мучительной сосредоточенности, хотѣлось — какъ вагонъ, который не идетъ — подтолкнуть... «Да ну-же...», и такъ какъ ни одного слова такъ и не дошло (какіе-то бормотанія, точно медвѣдь просыпается) нетерпѣливая мысль: «Господи, зачѣмъ такъ мучить себя и другихъ!»

Внѣшнее осуществленіе Пастернака прекрасно: что-то въ лицѣ заразы и отъ араба и отъ его коня: настороженность, вслушивание, — и вотъ-вотъ... Полнѣйшая готовность къ бѣгу. — Громадная, тоже конская, дикая и робкая рѣдкость глазъ. (Не глазъ, а око). Впечатлѣніе, что всегда что-то слушаетъ, непрерывность вниманія и — вдругъ — прорывъ въ слово — чаще всего довременное какое-то: точно утесъ заговорилъ, или дубъ. Слово (въ бесѣдѣ) какъ прерваніе исконныхъ нѣмотъ. Да не только въ бесѣдѣ, то-же и съ гораздо большимъ правомъ опыта могу утвердить и о стихѣ. Пастернакъ живетъ не въ словѣ, какъ дерево — не явственностью листы, а корнемъ (тайной). Подъ всей книгой — нѣкимъ огромнымъ кремлевскимъ ходомъ — тишина.

«Тишина, ты лучше

Изъ всего, что слышалъ...»

Столь-же книга тишинъ, сколь щелчковъ.

Теперь, прежде чѣмъ начать о его книгѣ (цѣломъ рядѣ ударовъ и отдачъ) два слова о проводахъ, несущихъ голосъ: о стихотворномъ его дарѣ. Думаю, даръ огроменъ, ибо сущность, огромная, доходитъ цѣликомъ. — Даръ, очевидно, въ уровень сущности, рѣдчайшій случай, чудо, ибо почти надъ каждой книгой поэта вздохъ: «Съ такими данными...» или (неизмѣримо рѣже) «А доходитъ же все-таки что-то...» Нѣтъ, отъ этого Богъ Пастернака и Пастернакъ насъ — помиловалъ. Единствененъ и недѣлимъ. Стихъ — формула его сущности. Божественное «иначе нельзя». Тамъ гдѣ можетъ быть перевѣсъ «формы» надъ «содержаніемъ», или «содержанія» надъ «формой», — тамъ сущность никогда и не ночевала. — И подражать ему нельзя: подражаемы только одежды. Нужно родиться вторымъ такимъ.

О доказуемыхъ сокровищахъ поэзіи Пастернака (ритмахъ, размѣрахъ, и пр.) скажутъ въ свое время другіе — и навѣрно — не съ меньшей затронутостью, чѣмъ я — о сокровищахъ недоказуемыхъ.

Это дѣло специалистовъ поэзіи. Моя же специальность — Жизнь.

— «Сестра моя Жизнь!»! — Первое мое движеніе, стерпѣвъ ее всю: отъ перваго удара до послѣдняго, — руки настезь: такъ, чтобъ всѣ суставы хрустнули. Я попала подъ нее, какъ подъ ливень.

— Ливень: все небо на голову, отвѣсомъ: ливень впрямь, ливень вкось, — сквозь, сквознякъ, споръ свѣтовыхъ лучей и дождевыхъ, — ты не при чемъ: разъ ужъ попалъ — расти!

— Свѣтовой ливень. —

Пастернакъ — большой поэтъ. Онъ сейчасъ больше всѣхъ: большинство изъ сушихъ были, нѣкоторые есть, онъ одинъ будетъ. Ибо, по настоящему, его еще нѣтъ: лепетъ, щебетъ, дребезгъ, — весь въ Завтра! — захлебываніе младенца, — и этотъ младенецъ — Міръ. Захлебываніе. Задохновеніе. Пастернакъ не говоритъ, ему некогда договаривать, онъ весь разрывается, — точно грудь не вмѣщаетъ: а — ахъ! Нашихъ словъ онъ еще не знаетъ: что-то острожитянски-ребячески-перворайски невразумительное — и опрокидывающее. Въ три года это привычно и называется: ребенокъ, въ двадцать три года это непривычно и называется: поэтъ. (О, равенство, равенство! Сколькихъ нужно было обокрасть Богу вплоть до седьмого колѣна, чтобы создать одного такого Пастернака!).

Самозабвенный, себя не помнящій, онъ вдругъ иногда просыпается и тогда, высунувъ голову въ форточку (въ жизнь — съ маленькой буквы) — но, о чудо! — вмѣсто осіяннаго трехлѣтняго купола — не чудаковатый ли колпакъ марбургскаго философа? — И голосомъ заспаннымъ — съ чердачныхъ своихъ высотъ во дворъ, дѣтямъ:

Какое, милые, у насъ
Тысячелѣтье на дворѣ?

Будьте увѣрены, что отвѣта онъ уже не слышитъ. Возвращаюсь къ младенчеству Пастернака. Не Пастернакъ — младенецъ (ибо тогда онъ росъ бы не въ зори, а въ сорокалѣтнее упокоеніе, — участь всѣхъ земно-родныхъ дѣтей!) — не Пастернакъ младенецъ, это міръ въ немъ младенецъ. Самого Пастернака я бы скорѣй отнесла къ самымъ первымъ днямъ творенья: первыхъ рѣкъ, первыхъ зорь, первыхъ грозъ. Онъ созданъ до Адама.

Боюсь также, что изъ моихъ безпомощныхъ всплесковъ доходитъ лишь одно: веселость Пастернака. — Веселость. — Задумываюсь. Да, веселость взрыва, обвала, удара, наичистѣйшее разряженіе всѣхъ жизненныхъ жилъ и силъ, нѣкая раскаленность до бѣла, которую — издалека — можно принять просто за бѣлый листъ.

Думаю дальше: чего нѣтъ въ Пастернакѣ? (Ибо если бы въ немъ было все, онъ былъ бы жизнью, т. е. его бы самого не было. Только путемъ нѣтъ можно установить наличность да: отдѣльность). Вслушиваюсь — и: духа тяжести! Тяжесть для него только новый видъ дѣйственности: сбросить. Его скорѣй видишь сбрасывающимъ лавину — нежели гдѣ-нибудь въ заваленной

снѣгомъ землянкѣ стерегущимъ ее смертный топотъ. Онъ никогда не будетъ ждать смерти: слишкомъ нетерпѣливъ и жаденъ — самъ бросится въ нее: лбомъ, грудью, всѣмъ, что упорствуетъ и опережаетъ. Пастернака не обокрадешь. Бетховенское: *Durch Leiden — Freuden*.

Книга посвящена Лермонтову. (Брату?) Осіянность — омраченности. Тяготѣніе естественное: общая тяга къ пропасти: пропасть. Пастернакъ и Лермонтовъ. Родные и врозь идущіе, какъ два крыла.

Пастернакъ поэтъ наибольшей пронзаемости, слѣдовательно — пронзительности. Все въ него ударяетъ. (Есть очевидно и справедливость въ неравенствѣ: благодаря Вамъ, единственный поэтъ, освобожденъ отъ небесныхъ громовъ не одинъ человѣческой куполь!) Ударъ. — Отдача. И молніеносность этой отдачи, утысяченность: тысячегрудое эхо всѣхъ его Кавказовъ. — Понять не успѣвъ! — (Отсюда и чаще въ первую секунду, а часто и въ послѣднюю — недоумѣніе: что? въ чемъ дѣло? — ни въ чемъ! Прошло!)

Пастернакъ — это сплошное настежь: глаза, ноздри, уши, губы, руки. До него ничего не было. Всѣ двери съ петли: въ Жизнь! И вмѣстѣ съ тѣмъ его болѣе чѣмъ кого-либо нужно вскрыть. (Поэзія Умысловъ). Такъ, понимаешь Пастернака вопреки Пастернаку — по какому-то свѣжему — свѣжѣйшему! — слѣду. Молніеносный, — онъ для всѣхъ обремененныхъ опытомъ небесъ. (Буря — единственный выдохъ неба, равно, какъ небо — единственная возможность быть бурѣ: единственное ристалище ея!)

Иногда онъ опрокинуть: напоръ жизни за вдругъ распахнутой дверью сильнѣй, чѣмъ его упорный лобъ

Тогда онъ падаетъ — блаженно — навзничь, болѣе дѣйственный въ своей опрокинутости, нежели всѣ задыхающіеся въ эту секунду — карьеромъ поверхъ барьеровъ — жокеи и курьеры отъ Поэзіи¹⁾.

И озареніе: да просто любимецъ боговъ! И — сзаченіе зорчайшее: да нѣтъ, — не просто, и не любимецъ! Не любимецъ, изъ тѣхъ юнцовъ, нѣкогда громоздившихъ Пеліонъ на Оссу.

Пастернакъ: растрата. Истеканіе свѣтомъ. Неизсякаемое истеканіе свѣтомъ. На немъ сбывается законъ голоднаго года: только не бережа — не избудешь. Итакъ, за него мы спокойны, но о насъ, передъ лицомъ его сущности, можно задуматься: «Могущій вмѣститъ — да вмѣститъ». —?—

Но довольно захлебываній. Попытаемся здраво и трезво. (Не страшно, уцѣлѣетъ при наибѣлѣйшемъ днѣ!) Кстати, о свѣтовомъ въ поэзіи Пастернака. — Свѣтопись: такъ бы я назвала. Поэтъ свѣтлѣтъ, (какъ иные, напримѣръ, темнѣтъ.) Свѣтъ. Вѣчная Мужественность. — Свѣтъ въ пространствѣ, свѣтъ въ движеніи, свѣтовые прѣрѣзы (сквозняки), свѣтовые взрывы, — какія-то свѣтовые пиршества. Захлестнутъ и залить.

¹⁾ Въ послѣднюю секунду слѣдующихъ двѣ достовѣрности: 1. «Сестра моя Жизнь» вовсе не первая его книга; 2. Названіе первой его книги не болѣе и не менѣе, какъ «Поверхъ барьеровъ». — Такъ или иначе, но барьеръ этотъ — въ «Сестрѣ моей Жизни» — взятъ.

И не солнцемъ только: всѣмъ, что излучаетъ, — а для него, Пастернака, отъ всего идутъ лучи.

Итакъ, выработавшись, наконецъ, изъ сонныхъ водовертей толкованій — въ явь, на трезвую мель тезисовъ и цитатъ!

1. Пастернакъ и быть.
2. Пастернакъ и день.
3. Пастернакъ и дождь.

П а с т е р н а к ъ и б ы т ь

Быть. Тяжкое слово. Почти какъ: быкъ. Выношу его только, когда за нимъ слѣдуетъ: кочевниковъ. Быть, это — дубъ, и подъ дубомъ (въ кругъ) скамья, и на скамьѣ дѣдъ, который вчера былъ внукъ, и внукъ, который завтра будетъ дѣдъ.—Бытовой дубъ и дубовый быть. — Добротнo, душно, неизбежно. Почти-что забываешь, что дубъ, какъ древо, посвященное Зевесу, чаще другихъ удостоивается его милости: молніи. И, когда мы это совсѣмъ забываемъ, въ послѣднюю секунду, на выручку, — молніей въ наши дубовые лбы: Байронъ, Гейне, Пастернакъ.

Первое, что въ круговой порукѣ пастернаковскихъ первизнъ насъ поражаетъ: быть. Обиліе его, подробность его — и: «прозаичность» его. Не только примѣты дня: часа!

— Распахиваю. — «Памяти Демона».

...Отъ окна на аршинъ,
Пробирая шерстинки бурнуса,

Клялся льдами вершинъ:
— Спи, подруга, лавиной вернуся!

Дальше, въ стихотвореніи «Сестра моя Жизнь»:

...Что въ грѣзу лиловы глаза и газоны,
И пахнетъ сырой резедой горизонтъ.
Что въ маѣ, когда поѣздовъ расписанье
Камышинской вѣткой читаешь въ купѣ...

(Намѣренно привожу и сопутствующія строки: установить сосѣдство.)

Дальше, про плетень:

Онъ незабвененъ тѣмъ еще,
Что пылью припухалъ,
Что вѣтеръ лускалъ сѣмечки,
Сорилъ по лопухамъ...

Дальше, про вѣтеръ:

Вѣтеръ розу пробуетъ
Приподнять по просьбѣ
Губъ, волосъ и обуви,
Подоловъ и прозвищъ...

Дальше, про дачу:

Все еще намъ лѣсъ — передней,
Лунный жаръ за елью — печью,
Все, какъ стиранный передникъ,
Туча сохнетъ и лепечетъ.

Дальше, о степи:

Туманъ отовсюду насъ моремъ обстигъ,
Въ волчцахъ волочась за чулками...

— Одну секунду! — «Наборъ словъ, все ради повторяющагося «ча»... Но, господа, неужели ни съ кѣмъ изъ васъ этого не было: репя, вгрызающіеся въ чулки? Особенно въ дѣтствѣ, когда мы всѣ въ короткомъ. Да, здѣсь вмѣсто репей: волчець. Но развѣ «волчець» не лучше? (По хищности, цѣпкости, волчиной своей сути?)

Дальше:

На желобахъ,
Какъ рукава сырыхъ рубахъ,
Мертвѣли вѣтки...

(здѣсь-же:)

Въ запорошенной тишинѣ,
Намокшей, какъ шинель...

(Это стихотвореніе «Еще болѣе душный разсвѣтъ» — руки горятъ привести его здѣсь цѣликомъ, какъ — вообще — изодравъ въ клочья эти размышленія по поводу пустить по книжнымъ рынкамъ Запада самое «Сестру мою Жизнь». — Увы, рукъ — мало!)

Дальше:

У мельницъ — видъ села рыбачьяго:
Сѣдя сѣти и корветы...

Затѣмъ, въ чайной:

Но текутъ и по ночамъ
Мухи съ дюжинъ, паръ и порцій,
Съ крученаго паныча,
Съ мутной книжки стихотворца,
Будто это бредъ съ пера...

Подъѣзжая къ Кіеву:

Подъ Кіевомъ — пески
И выплеснутый чай,
Присохшій къ жаркимъ лбамъ,
Пылающимъ по классамъ...

(Чай, уже успѣвшій превратиться въ потъ и просохнуть. — Поэзія Умысловъ! — «Пылающимъ по классамъ», — въ III жарче всего! Въ этомъ четверостишіи все совѣтское «за хлѣбомъ».)

«У себя дома»:

Съ солнца спадаетъ чалма:
Время мѣнять полотенце,
(— Мокнетъ на днищѣ ведра.)

Въ городѣ — говоръ мембранъ,
Шарканье клумбъ и куколъ...

Дальше, о вѣкахъ спящей:

Милый, мертвый фартукъ
И високъ пульсирующій...
Спи, Царица Спарты,
Рано еще, сыро еще.

(Вѣко: фартукъ, чтобы не запылится праздникъ:
прекрасный праздникъ глазъ!)

Дальше, въ стихахъ «Лѣто»:

Топтался дождикъ у дверей,
И пахло винной пробкой.

Такъ пахла пыль. Такъ пахъ бурьянъ.
И, если разобратъся,
Такъ пахли прописи дворянъ
О равенствѣ и братствѣ...

(Молодымъ виномъ: грозой! Не весь-ли въ этомъ
«Serment du jeu de raume»?)

И, наконецъ, господа, послѣдняя цитата, гдѣ уже
кажется вся разгадка на Пастернака и быть:

И когда къ колодцу рвется
Смерчъ тоски, то — мимоходомъ
Буря хвалитъ домоводство.
— Что тебѣ еще угодно?

Да ничего! Большаго, кажется, самъ Богъ не въ
правѣ потребовать съ бури!

Теперь осмыслимъ. Наличие быта, кажется, до-
казана. Теперь — что съ нимъ дѣлать? Вѣрнѣй, что
съ нимъ дѣлаетъ Пастернакъ, и что онъ — съ Пастер-
накомъ? Во-первыхъ, Пастернакъ его зорко видитъ:
схватить и отпустить. Быть для Пастернака — что
земля для шага: секунды придержъ и отрываніе.
Быть у него (провѣрьте по цитатамъ) почти всегда въ
движеніи: мельница, вагонъ, бродячій запахъ бродя-
щаго вина, говоръ мембранъ, шарканье клумбъ, выхле-
стнутый чай — я вѣдь не за уши притягиваю! — про-
вѣрьте: даже сонъ у него въ движеніи: пульсирующей
високъ.

Быта, какъ косности, какъ обстановки, какъ дуба
(дубовая, по объявленію, столовая, столь часто под-
мѣняемая поэтами — павловскими и екатерининскими
палисандрами) — быта, какъ дуба, вы не найдете
вовсе. Его быть на свѣжемъ воздухѣ. Не осѣдлый: въ
сѣдлѣ.

Теперь о прозаизмѣ. Многое тутъ можно было бы сказать — рвется! — но уступимъ дорогу еще болѣе рвущемуся изъ меня: самому Пастернаку:

...Онъ видитъ, какъ свадьбы справляютъ вокругъ,
Какъ спаиваютъ, просыпаются,
Какъ общелягушечью эту икру
Зовутъ, обрядивъ ее, — паусной.

Какъ жизнь, какъ жемчужную шутку Ватто
Умѣютъ обнять табакеркою,
И мстятъ ему, можетъ быть, только за то,
Что тамъ, гдѣ кривятъ и коверкаютъ,

Гдѣ лжетъ и кадитъ, ухмыляясь, комфортъ,
Гдѣ трутнями трутся и ползаютъ...

Прозаизмъ Пастернака, кромѣ природной зоркости, это святой отпоръ Жизни — эстетству: топору — табакеркѣ. — Цѣннѣе цѣннаго. Гдѣ на протяженіи 136 страницъ вы найдете хоть одну эстетствующую запяту? Онъ такъ же свободенъ отъ «обще-поэтическихъ» лунъ-струнъ, какъ отъ «крайне-индивидуальныхъ» зубочистокъ эстетства. За сто верстъ на кругъ обойденъ этой двойной пошлостью. Онъ человѣченъ — durch. Ничего, кромѣ жизни, и любое средство — лучшее. И — не табакерку Ватто онъ топчетъ, сей бытовой титаненокъ, а ту жизнь, которую можно вмѣстить въ табакерку.

Пастернакъ и Маяковскій. Нѣтъ, Пастернакъ страшнѣй. Однимъ его «Послѣсловіемъ» съ головой покрыты всѣ 150 милліоновъ Маяковского.

Смотрите конецъ:

И всѣмъ, чѣмъ дышалось оврагамъ вѣка,
Всей тьмой ботанической ризницы,

Пахнетъ по тифозной тоскѣ тюфяка
И хаосомъ зарослей брызнется.

Вотъ оно — Возмездіе! Хаосомъ зарослей — по
разлагающемуся тюфяку эстетства!

Что передъ Гангомъ — декретъ и штыкъ!

Быть для Пастернака — удержи, не болѣе, чѣмъ
земная примѣта (прикрѣпа) удержать (удержаться).

Ибо исконный соблазнъ такихъ душъ — несомнѣнно — во всей осіянности: Гибель.

Пастернакъ и день

Не о днѣ вселенскомъ, предвѣщаемомъ денницей, не
о бѣломъ днѣ, среди котораго все ясно, но о стихіи
дня (свѣта).

Есть другой день: злой (ибо слѣпъ), дѣйственный
(ибо слѣпъ), безотвѣтственный (ибо слѣпъ) — дань на-
шей бренности, дань-день: сегодня. — Терпимый лишь
потому, что еще вчера былъ завтра и завтра уже бу-
детъ вчера: изъ бренности — въ навѣкъ: подъ вѣки.

Лѣтній день 17-го года жарокъ: въ лоскъ — подъ
топотомъ спотыкающагося фронта. Какъ же встрѣ-
тилъ Пастернакъ эту лавину изъ лавинъ — Революцію?

Достовѣрныхъ примѣтъ семнадцатаго года въ книгѣ
мало, при зорчайшемъ вслушиваніи, при учитываніи ти-
шайшихъ умысловъ — три, четыре, пять такихъ при-
мѣтъ.

Начнемте. (Въ стихотвореніи «Образецъ»):

...Былые годы за поясъ
Одинъ такой заткнетъ.

Всѣ жили въ сушь и впроголодь,
Въ борьбѣ ожесточась.
И никого не трогало,
Что чудо жизни — съ часъ.

Затѣмъ, въ стихотвореніи «Распадъ»:

... И гдѣ привыкъ сдаваться глазъ
На милость засухи степной,
Она, туманная, взвилась.
Революціонною копной...

И — въ томъ-же стихотвореніи — дальше:

— И воздухъ степи всполошень:
Онъ чуетъ, онъ впиваетъ духъ
Солдатскихъ бунтовъ и зарницъ,
Онъ замеръ, обращаясь въ слухъ,
Ложится — слышитъ: обернись!

(не о себѣ-ли?)

Еще, въ стихотвореніи «Свистокъ милиціонера», (съ
естественно отсутствующимъ милиционеромъ):

... за оградою
Сѣверъ злодѣйствъ сѣрѣтъ...

Еще три строчки изъ стихотворенія «Душная
ночь»:

Въ осиротѣлой и безсонной
Сырой, всемірной широтѣ
Съ постовъ спасались бѣгствомъ стоны...

Стихотвореніе Керенскому «Весенній дождь» со слѣдующими изумительными строками:

Въ чьемъ это сердцѣ вся кровь его — быстро
Хлынула къ славѣ, схлынувъ со щекъ...

— Я бы истолковала магіей надъ молодостью слова: Энтузіазмъ, — отнюдь не политическимъ пристрастіемъ.

— И все. —

Изъ приведенныхъ гадательностей ясно одно: Пастернакъ не прятался отъ Революціи въ тѣ или иные интеллигентскіе подвалы. (Не подвалъ въ Революціи — только площадь и поле!). Встрѣча была. — Увидѣлъ онъ ее впервые — тамъ гдѣ-то — въ маревахъ — взметнувшейся копной, услышалъ — въ стонущемъ бѣгствѣ дорогъ. Далась она ему (дошла) какъ все въ его жизни — черезъ природу.

Слово Пастернака о Революціи, какъ слово самой Революціи о себѣ — впереди. Лѣтомъ 17-го года онъ шель съ ней въ шагъ: вслушивался.

Пастернакъ и дождь

Дождь. — Что прежде всего встаетъ, въ дружественности созвучій? — Даждь. — А за «даждь» — такъ естественно: Богъ.

Даждь Богъ — чего? — дождя! Въ самомъ имени славянскаго солнца уже просьба о дождѣ. Больше: дождь въ немъ уже какъ бы дарованъ. Какъ дружно! Какъ кратко! (Ваши учителя, Пастернакъ!) И, поворотомъ лба — въ прошедшее десятилѣтіе. Кто у насъ писалъ природу? Не хочу ворошить именъ (отры-

ваться, думать о другихъ) но — молниеноснымъ пробѣгомъ — никто, господа. Писали — и много, и прекрасно (Ахматова первая) о себѣ въ природѣ, такъ естественно — когда Ахматова! — затмевая природу, писали о природѣ въ себѣ (уподобляя, уподобляясь), писали о событіяхъ въ природѣ, отдѣльныхъ ея ликахъ и часахъ, но какъ изумительно ни писали, все о, никто ее: самоё: въ упоръ.

И вотъ: Пастернакъ. И задумчивость встаетъ: еще кто кого пишетъ.

Разгадка: пронзаемость. Такъ даетъ пронзить себя листу, лучу, — что уже не онъ, а: листъ, лучъ. — Перерожденіе. — Чудо. — Отъ лермонтовской лавины до лебедянского лопуха — все налицо, безъ пропуска, безъ промаху. Но страстнѣе травъ, зорь, выюгъ — возлюбилъ Пастернака: дождь. (Ну и надождилъ же онъ поэту! — Вся книга плыветъ!) Но какой не-осенній, не мелкій, не дождичекъ-дождь! Дождь-джигить, а не дождичекъ!

Начнете:

Сестра моя Жизнь — и сегодня въ разливѣ
Расшиблась весеннимъ дождемъ обо всѣхъ...

Дальше: «Плачущій садъ», (изумительное отъ первой строки до послѣдней. Руки грызу себѣ, что приходится разрывать.)

Ужасный! Капнетъ и вслушается,
Все онъ ли одинъ на свѣтѣ.
(Мнетъ вѣтку въ окнѣ какъ кружевце)
Или есть свидѣтель
(Пропускъ:)

Ни звука. И нѣтъ соглядатаевъ.
Въ пустынности удостовѣрясь,
Берется за старое — скатывается
По кровлѣ, за желобъ, и черезъ...

(Упираю: одиночество дождя, а не человѣка подь
дождемъ!)

Дальше: «Зеркало»
... Такъ послѣ дождя проползають слизи
Глазами статуй въ саду.
Шуршитъ вода по ушамъ...

А вотъ совсѣмъ очаровательное:

У капель — тяжесть запонокъ,
И садъ слѣпитъ, какъ плесь,
Обрызганный, закапанный
Милльономъ синихъ слезъ...

Дальше, въ стихотвореніи «Дождь»:

Снуй шелкопрядомъ туговымъ
И бейся объ окно.
Окутывай, опутывай,
Еще не всклянь темно!..

(и, пропускаю:)

Теперь бѣжимъ сощипывать,
Какъ стонъ со ста гитаръ,
Омытый мглою липовой
Садовый Сень-Готардъ.

Дальше — (руки вправду будутъ изгрызаны!)

На чашечку съ чашечки скатываясь,
Скользнула по двумъ, и въ обѣихъ —
Огромною каплей агатовою
Повисла, сверкаетъ, робѣетъ.

Пусть вѣтеръ, по таволгѣ вѣющій,
Ту капельку мучить и плющить,
Цѣла, не дробится, — ихъ двѣ еще
Цѣлюющихся и пьющихъ...

Дальше, начало стихотворенія «Весенній дождь»:

Усмѣхнулся черемухѣ, всхлипнулъ, смочилъ
Лакъ экипажей, деревьевъ трепеть...

Дальше: («Болѣзни земли»)

Вотъ и ливень. Блескъ водобоязни.
Вихрь, обрывки бѣшеной слюны...

Четверостишіе изъ стихотворенія «Наша гроза»:

У кадокъ пьютъ еще грозу
Изъ сладкихъ шапокъ изобилья.
И клеверъ бурень и багровъ
Въ бордовыхъ брызгахъ маляровъ.

Черезъ нѣсколько страницъ:

Дождь пробѣетъ крыло дробинкой...

Дальше: (начало стихотворенія «Душная ночь»,
одного изъ несказаннѣйшихъ въ книгѣ)

Накрапывало, — но негнулись
И травы въ грозовомъ мѣшкѣ.
Лишь пыль глотала дождь въ пилюляхъ,
Желѣзо въ тихомъ порошокѣ.

Селенье не ждало цѣленья,
Быль макъ, какъ обморокъ глубокъ...

и — давайте уже подь рядъ:

За ними въ бѣгствѣ слѣпли слѣдомъ
Косыя капли...

...Дождикъ куталь
Ниву тихой переступью...

Накрапывало. Налегкѣ
Шли пыльнымъ рынкомъ тучи...

Грянулъ ливень всѣмъ плетнемъ...

Мареной и лимономъ
Обрызгана листва...

...Дождь въ мозгу
Шумѣлъ, не отдаваясь мыслью...*)

(потому-то и дождь (жизнь!) а не размышленія по
поводу!)

и — на послѣдней страницѣ книги:

...въ дождь каждый листъ
Рвется въ степь...

*) Курсивъ мой.

Господа, вы теперь знаете про Пастернака и дождь. Такъ-же у Пастернака: съ росой, съ листвою, съ зарей, съ землей, съ травой... — Кстати, попутное наблюдение: разительное отсутствие въ кругу пастернаковской природы — животного царства: ни клыка, ни рога. Чешуя лишь проскальзываетъ. Даже птица рѣдка. Мірозданіе точно ограничилось для него четвертымъ днемъ. — Допонять. — Додумать. —

Но вернемся къ травѣ, вѣрнѣй шагнемъ за поэтомъ:

...во мракъ, за калитку

Въ степь, въ запахъ сонныхъ лѣкарствъ...
(мяты, ромашки, шалфея)

Шалфея? Да, господа, шалфея. Поэтъ: какъ Богъ, какъ ребенокъ, какъ нищій, не брезгаетъ ничѣмъ. И не ихъ-ли это — Бога, ребенка, нищаго — ужась:

И черезъ дорогу за тынь перейти
Нельзя, не топча мірозданья.

Отвѣтственность каждаго шага, содрогающееся: не нарушить! — и какое огромное — въ безысходности своей — сознание власти! — Если бы поэтъ уже не сказалъ этого о Богѣ, я бы сказала это о самомъ поэтѣ: тотъ —

...кому ничто не мелко...

Земныя примѣты, его гениальное «Великій Богъ Деталей»:

...Ты спросишь, кто велитъ,
Чтобъ августъ былъ великъ,

Кому ничто не мелко,
Кто погружень въ отдѣлку
Кленоваго листа,
И съ дней Экклезіаста
Не покидалъ поста
За теской алебастра?

Ты спросишь, кто велить,
Чтобъ губы астръ и далій
Сентябрьскія — страдали?
Чтобъ мелкій листь ракиць
Съ сѣдыхъ каріатидъ
Слеталъ на сырость плить
Осеннихъ госпиталей?
Ты спросишь, кто велить?

— Всесильный Богъ деталей,
Всесильный Богъ любви,
Ягайловъ и Ядвигъ...

У Пастернака нѣтъ вопросовъ: только отвѣты. «Если я такъ отвѣтилъ, кто-то гдѣ-то очевидно объ этомъ спросилъ, можетъ быть я самъ во снѣ, прошлой ночью, а можетъ быть еще только въ завтрашнемъ снѣ спрошу...» Вся книга — утвержденіе, за всѣхъ и за все: Есмь! И — какъ мало о себѣ въ упоръ! Себя не помнящій...

О Пастернакѣ и мысли. Думаетъ? Нѣтъ. Есть мысль? Да. Но внѣ его волевого жеста: это она въ немъ работаетъ, роетъ подземные ходы, и вдругъ — свѣтовымъ взрывомъ — наружу. Откровеніе. Озареніе. (Изнутри).

...Но мы умремъ со спертостью
Тѣхъ розысковъ въ груди...

Въ этомъ двестишїи можетъ быть главная трагедія
всей пастернаковской породы: невозможность растрати-
тъ: приходъ трагически превышаетъ расходъ:

И сады, и пруды, и ограды,
И кипящее бѣлыми воплями
Мірозданье — лишь страсти разряды,
Человѣческимъ сердцемъ накопленной...

И, безпомощнѣй и проще:

Куда мнѣ радость дѣть свою?
Въ стихи? Въ графленную осьмину?
(А еще говорятъ: нищїе духомъ!)

...Будто въ этотъ часъ пора
Разлетѣться всѣмъ пружинамъ.

Гдѣ? Въ какихъ мѣстахъ? Въ какомъ
Дико мыслящемся краѣ?
Знаю только: въ сушь и въ громъ.
Предъ грозой, въ іюлѣ, — знаю.
(Не взрывъ?)

Какъ въ нѣгѣ прояснялась мысль!
Безукоризненно. Какъ стонъ.
Какъ пѣной, въ полночь, съ трехъ сторонъ
Внезапно озаренный мысь.
(Не озареніе?)

И — послѣднее —

Какъ усыпительна жизнь.
Какъ откровенья безсонны!

— Пастернакъ, когда Вы спите?

Кончаю. Въ отчаяніи. Ничего не сказала. Ничего — ни о чемъ — ибо передо мной: Жизнь, и я такихъ словъ не знаю.

...И только вѣтру связать,
Что ломится въ жизнь, и ломается въ призмѣ,
И радо играть въ слезахъ...

Это не отзывъ: попытка выхода, чтобы не захлебнуться. Единственный современникъ, на котораго мнѣ не хватило грудной клѣтки.

Такъ о современникахъ не пишутъ. Каюсь. Исключительно ревность Ремесла, дабы не уступить черезъ какое-нибудь пятидесятилѣтіе первому бойкому перу — этого кровного своего славословья.

Господа, эта книга — для всѣхъ. И надо, чтобъ ее всѣ знали. Эта книга для душъ то, что Маяковскій для тѣлъ: разряженіе въ дѣйствиі. Не только цѣлебна — какъ тѣ его сонныя травы — чудотворна.

Только довѣрчиво, не сопротивляясь, въ полной кротости: или снесетъ или спасетъ! Простое чудо довѣрія: деревомъ, псомъ, ребенкомъ въ дождь!

— И никто не захочетъ стрѣляться, и никто не захочетъ разстрѣливать...

...И вдругъ пахнуло выпиской
Изъ тысячи больницъ!

Берлинъ, 3-го — 7-го іюля 1922 г.

Марина Цвѣтаева.

ОБЪ АННЕНСКОМЪ

*(Читано въ Петербургскомъ «Домѣ Искусствъ» на
вечерѣ, посвященномъ памяти И. Ѳ. Анненскаго,
14 декабря 1921 г.)*

I

Хорошимъ поэтомъ, мастеромъ, съ нѣкоторыхъ поръ почитается у насъ тотъ, кто умѣетъ наиболѣе цѣльно, отчетливо, опредѣленно «выразить», или «выявить» себя. Что же касается того, что именно «выявляется», какое «я» выражается въ этомъ «себя», — такой вопросъ чаще всего не подымается вовсе. Онъ не въ модѣ. Въ лучшемъ случаѣ требуютъ, чтобы это поэтическое «я» было «оригинально», то-есть не похоже на другія, такъ сказать — сосѣднія «я». Въ конечномъ счетѣ это есть слѣдствіе грубаго, механическаго отсѣченія формы отъ содержанія, при чемъ все вниманіе цѣнителя обращено на форму.

Мнѣ доводилось слышать не мало восторженныхъ сужденій о поэзіи Анненскаго. Но чѣмъ восторженнѣй были поклонники почившаго поэта, тѣмъ больше говорили они о формѣ его поэзіи, тѣмъ меньше — объ ея смыслѣ. Будучи самъ почитателемъ Анненскаго, я не возражалъ противъ самыхъ высокихъ оцѣнокъ. Но, слушая, отчетливо ощущалъ ихъ односторонность. Говорили, не договаривая. Точнѣе — молчали о самомъ главномъ.

Съ поклонниками Анненскаго слишкомъ часто происходитъ то самое, что, откуда онъ живъ былъ, происходило съ его сослуживцами. Глядя на его форменный сюртукъ, говорили они почтительно: дѣйствительный статскій совѣтникъ. Но Анненскій про себя понималъ иначе: поэтъ. Зналъ, что его содержаніе (поэтъ) не равно формѣ (формѣ министерства народнаго просвѣщенія). Содержаніе же разлагало форму, взрывало ее изнутри. Въ стихахъ Анненскаго всего меньше можно угадать лицо директора царскосельской гимназіи. Сослуживцы этого не знали.

Благополучные эстеты (парнасскіе сослуживцы) не видятъ, что значить поэзія Анненскаго, — или не хотятъ видѣть. За его лирикой не слышатъ они мучительной, страшной человѣческой драмы. Что и о чемъ говорить поэзія Анненскаго, — это ихъ, въ сущности, не касается. Они рукоплещутъ «формѣ». Форма у Анненскаго остра, выразительна, часто изыскана. Слѣдственно, Анненскій — мастеръ, «ваше превосходительство», и все обстоитъ благополучно. Однако, и здѣсь, какъ въ жизни Анненскаго, изъ благополучнаго какъ рвется наружу неблагополучное ч т о. Но эстеты вѣрны себѣ. Спокойные, неомрачаемые сомнѣніями вивисекторы жизни (ибо поэзія — жизнь, а поэтъ — человѣкъ), они удовлетворенно констатируютъ, что вотъ у этого человѣка, Иннокентія Анненскаго, превосходнѣйшія голосовыя связки. Реагируя на боль (которая ихъ не касается), онъ проявляетъ всѣ, по ихъ мнѣнію, необходимыя качества мастера, потому что кричитъ чрезвычайно громко и выразительно. Но отъ чего онъ кричитъ — все равно имъ. Что кричитъ — это его частное дѣло, въ которое они, люди прежде всего воспитанные, не вмѣшиваются. Такъ, вѣроятно, не вмѣшивались въ частныя дѣла И. Ѳ. Анненскаго его сослуживцы по мини-

стерству. Между тѣмъ — онъ кричитъ объ ужасѣ, нестерпимомъ и безысходномъ.

Мы поминаемъ сегодня не дѣйствительнаго статскаго совѣтника (хотя бы и отъ литературы) — а поэта, человѣка, «раба Божія». И потому скажемъ нѣсколько словъ объ его ужасномъ страданіи.

II

Толстовскій герой Иванъ Ильичъ Головинъ, членъ судебной палаты, прожилъ всю жизнь совершенно прилично, какъ всѣ: учился, женился, дѣлалъ карьеру, рожалъ дѣтей — и не думалъ о томъ, къ чему онъ все это дѣлаетъ и чѣмъ это кончится. Въ особенности не думалъ онъ о концѣ, о смерти: даже когда заболѣлъ и слегъ. Только подслушавъ разговоръ жены съ шуриномъ, узналъ онъ, что ему, Ивану Ильичу, тоже предстоитъ умереть, какъ всѣмъ прочимъ, — и не когда-то тамъ вообще, а очень скоро. И съ тѣхъ поръ каждая минута его жизни была отравлена мыслью о надвигающейся смерти.

Анненскій былъ не Иванъ Ильичъ. Съ нимъ не случилось такъ, что узналъ онъ о смерти накануне ея, какъ о чемъ-то неслыханномъ. Напротивъ, онъ зналъ и помнилъ о ней всегда: во всякомъ случаѣ—всѣ тѣ годы, которые находятся въ полѣ нашего зрѣнія, будучи отражены его лирикой. Но, будучи, какъ сказать, растворенъ въ -большой дозѣ времени, ядъ этой мысли оказался и для Анненскаго не менѣе сильнымъ, чѣмъ для Ивана Ильича. Поэтъ былъ отравленъ ею не менѣе, чѣмъ толстовскій герой. Онъ былъ ею пропитанъ. Смерть — основной, самый стойкій мотивъ его поэзіи,

упорно повторяющийся въ неприкрытомъ видѣ и болѣе или менѣе уловимый всегда, всюду, какъ острый и терпкій запахъ ціана, вѣющей надъ его стихами. Незвѣстно, когда впервые поразила Анненскаго мысль о смерти. Но несомѣнно, что она — главный и постоянный двигатель его поэзіи. Онъ не сводитъ глазъ съ нея. Еще въ «Тихихъ пѣсняхъ» Анненскій увидалъ смерть, какъ стѣну, которая преграждаетъ путь и все приближается, вырастая предъ нимъ:

А тамъ стѣна, къ закату ближе,
Такая страшная на взглядъ...
Она все выше... Мы все ниже...
«Постой-ка, дядя!» — «Не велятъ».

Эта стѣна была тѣмъ страшнѣе, что лошади могли вдругъ рвануться, въ одинъ мигъ очутиться у самой стѣны: у Анненскаго былъ порокъ сердца¹⁾. Онъ зналъ, что смерть можетъ случиться въ любую секунду, прежде, чѣмъ онъ успѣетъ понять, разобраться, въ чемъ дѣло, и если не осмыслить эту стѣну, то хотя бы привыкнуть не такъ бояться ея. «Постой-ка, дядя!» — «Не велятъ»! Когда читаешь его стихи, то, кажется, чувствуешь, какъ человѣкъ прислушивается къ ритму своего сердца: не рванулось бы сразу, не сорвалось бы. Вотъ откуда и ритмы стиховъ Анненскаго, ихъ внезапныя замедленія и ускоренія, ихъ рѣзкіе перебои. Это — стихи задыхающагося человѣка.

¹⁾ За сообщеніе біографическихъ свѣдѣній объ И. О. Анненскомъ и нещадныхъ стиховъ его приношу благодарность сыну почившаго поэта В. И. Анненскому-Кривичу.

III

Иванъ Ильичъ былъ не глупый, но и не вдумчивый человѣкъ, а главное, просто обыкновенный. Онъ не привыкъ думать о такихъ отвлеченныхъ вещахъ, какъ смерть, да ему и некогда было за разными дѣлами. До подслушаннаго разговора онъ шелъ себѣ жизненнымъ путемъ, и, можно сказать, изъ-за деревьевъ жизни не видѣлъ лѣса смерти. Она поразила его, отняла покой только тогда, когда онъ на нее наткнулся и она стала такой же реальностью, какъ все прочее. А до этой минуты онъ былъ счастливъ.

Анненскій былъ поэтъ, а не обыкновенный человѣкъ, Онъ не могъ не думать о смерти — опять-таки еще и оттого, что она угрожала ему каждую минуту. И онъ былъ несчастенъ. Чтобы быть счастливымъ, ему надо было избавиться отъ мысли о смерти, обрѣсти блаженное незнаніе о ней. Но такъ какъ это было невозможно, то оставалось только одно: искусственно загородиться отъ ужаса, т. е. стать въ положеніе Ивана Ильича, еще не знающаго о смерти. Человѣкомъ необыкновеннымъ, такимъ, о которомъ стоить написать повѣсть, «героемъ» повѣсти, Иванъ Ильичъ сталъ, когда узналъ о смерти. Не-обыкновенный человѣкъ Анненскій, чтобъ не думать, забыть, не знать, пытался сдѣлаться или хотя бы для самого себя притвориться совершенно обыкновеннымъ. Отсюда его склонность къ семейственнымъ, бытовымъ и общественнымъ традиціямъ, его подчеркнутая корректность, его выправка, его истовость въ служебныхъ дѣлахъ, въ исполненіи всякихъ обрядовъ, начиная отъ посѣщенія церковныхъ службъ, и кончая условными формами обращенія съ людьми, вѣжливости, гостеприимства. Все это тѣмъ больше нужно было Анненскому, чѣмъ меньше онъ вѣрилъ въ возможность

дѣйствительно такъ вращи въ бытъ, чтобъ забыть о мучительномъ, постоянномъ *memento mori*. Онъ подчеркивалъ, искусственно усиливалъ свой бытовой укладъ. Въ его домѣ придерживались даже такого старинно-барскаго обихода, который и въ ту пору былъ уже анахронизмомъ. Но, конечно, отъ себя не уйдешь. Если даже въ жизни «обыкновенность» Анненскаго становилась похожей на стилизацію, позу, то въ поэзіи онъ не умѣлъ и не хотѣлъ притворяться. Въ ней нѣтъ ни тѣни «обыкновеннаго человѣка», ни признака благополучія. Это — поэзія излома, надорванности, острыхъ угловъ, рѣзкихъ поворотовъ, часто — капризовъ. Филологъ и классикъ, изслѣдователь античныхъ авторовъ, Анненскій-драматургъ не могъ удержаться, чтобы не модернизировать, не заострить, не надломить даже такую, казалось бы, неприкосновенную для него форму, какъ античная трагедія. «Амира-Киваредъ» — рѣзкій примѣръ этой модернизации. Если для человѣка маской было лицо директора гимназіи, то для поэта такой же маской было лицо филолога и переводчика Еврипида. Въ лирикѣ Анненскаго маска сползала всегда, въ жизни — иногда. И это не дѣйствительный статскій совѣтникъ, а поэтъ иногда прорывался наружу шуточкой, — за столомъ, въ гостинной:

— Простите, Иннокентій Федоровичъ, я, кажется, занялъ ваше мѣсто?

— Пожалуйста, пожалуйста: мое мѣсто — на кладбищѣ.

.IV

«Иванъ Ильичъ зналъ, что онъ умираетъ, но не только не привыкъ къ этому, но просто не понималъ, ни какъ не могъ понять этого.

«Тотъ примѣръ силлогизма, которому онъ учился въ логикѣ Кизеветтера: Кай—человѣкъ, люди смертны, потому Кай смертенъ, казался ему во всю его жизнь правильнымъ только по отношенію къ Каю. То былъ Кай, человѣкъ, вообще человѣкъ, и это было совершенно справедливо; но онъ былъ не Кай и не вообще человѣкъ, а онъ всегда былъ совсѣмъ, совсѣмъ особенное отъ всѣхъ другихъ существо; но онъ былъ Ваня, съ мамà, съ папà, съ Митей и Володей, съ игрушками, съ кучеромъ, съ няней, потомъ съ Катенькой, со всѣми родостями, горестями, восторгами дѣтства, юности, молодости. Развѣ для Кая былъ тотъ запахъ кожанаго полосками мячика, который такъ любилъ Ваня? развѣ Кай цѣловалъ такъ руку матери, и развѣ для Кая такъ шуршалъ шелкъ складокъ платья матери? развѣ онъ бунтовалъ за пирожки въ правовѣдѣніи? развѣ Кай такъ былъ влюбленъ? развѣ Кай такъ могъ вести за сѣданіе?»

«И Кай точно смертенъ, и ему правильно умирать, но мнѣ, Ванѣ, Ивану Ильичу, со всѣми моими чувствами, мыслями, — мнѣ это другое дѣло. И не можетъ быть, чтобы мнѣ слѣдовало умирать. Это было бы слишкомъ ужасно».

Такъ рассказываетъ Толстой о мысляхъ Ивана Ильича. И тутъ есть не только вѣрное жизненное наблюденіе, но и нѣкая правда уже иного порядка. Иванъ Ильичъ подходитъ къ огромной, важнѣйшей мысли, только не умѣетъ додумать ее до конца. Онъ правъ, Каю, дѣйствительно, «правильно умирать», потому что онъ — абстракція, фикція, ничто и никто. Ивана же Ильича отличаютъ отъ Кая его «чувства и мысли», т. е. его личность. Личность — это единственное не общее, не абстрактное, что есть у Ивана Ильича. И эта личность не можетъ, не должна умереть: она — един-

ственная реальность въ пустынѣ абстракцій, спасательный кругъ въ океанѣ смерти. Она — единственная зацѣпка за безсмертіе.

Чего не додумалъ Иванъ Ильичъ, то зналъ Анненскій. Зналъ, что никакимъ директорствомъ, никакимъ бытомъ и даже никакой филологіей отъ смерти по настоящему не загородиться. Она уничтожитъ и директора, и барина, и филолога. Только надъ истиннымъ его «я», надъ тѣмъ, что отображается въ «чувствахъ и мысляхъ», надъ личностью — у нея какъ-будто нѣтъ власти. И онъ находилъ реальное, осязаемое отраженіе и утвержденіе личности — въ поэзіи. Тотъ, чье лицо онъ видѣлъ, подходя къ зеркалу, былъ директоръ гимназіи, смертный никто. Тотъ, чье лицо отражалось въ поэзіи, былъ безсмертный нѣкто. Ник. Т-о—н и к т о — есть безличный дѣйствительный статскій совѣтникъ, которымъ, какъ видимой оболочкой, прикрытъ невидимый н ѣ к т о. Этотъ свой псевдонимъ, подъ которымъ онъ печаталъ стихи, Анненскій разсматривалъ, какъ переводъ греческаго «ὄυτ!ς», никто, — того самаго псевдонима, подъ которымъ Одиссей скрылъ отъ циклопа Полифема свое истинное имя, свою подлинную личность, своего н ѣ к т о. Поэзія была для него закличеніемъ страшнаго Полифема — смерти. Но психологически это не только не мѣшало, а даже способствовало тому, чтобы его вдохновительницей, его Музой была смерть.

V

Съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Ильичъ сталъ бояться смерти, все живое, реальное, и предметы, и люди, — стали казаться ему противными, грубыми. Женѣ ставить

онъ въ упрекъ «бѣлизну и пухлость, и чистоту ея рукъ, шеи, глянецъ ея волосъ и блескъ ея полныхъ жизни глазъ. Онъ всѣми силами души ненавидитъ ее». Такое же ощущеніе вызываетъ въ немъ и дочь съ обнаженными плечами, и прическа, штаны, воротничекъ и перчатки ея жениха, и новенькій мундирчикъ сына. Иванъ Ильичъ оскорбленъ и испуганъ безучастностью жизни къ его страданію, которое теперь составляетъ все его существо. Жизнь для Ивана Ильича — мертвенна, глуха ко всему, полна лжи, пошлости и призрачности.

Точно такой же она представляется Анненскому.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ его стиховъ, разныхъ періодовъ, изданныхъ и неизданныхъ. Они взяты почти на удачу, почти просто оттуда, гдѣ раскроется книга или рукопись. Я ихъ не подыскивалъ, а лишь расположилъ въ извѣстномъ порядкѣ. Ихъ можно привести сколько угодно, и можетъ быть, приводимые мной — далеко не самые выразительные.

Вотъ какимъ видится міръ Анненскому:

Тупые звуки вспышекъ газа
Надъ мертвой яркостью головъ
И скуки черная зараза
Отъ покидаемыхъ столовъ,

И тамъ, среди зеленолицыхъ,
Тоску привычки затая,
Рѣшатъ на выцвѣтшихъ страницахъ
Постылый ребусъ бытія.

Природа безобразна, кровоточива, гнила. Лунный
глазъ, загорѣвшись,

Видить: парь бѣлесоватый
И, ползеть, и вьется ватой,
Да изъ чернаго куста

Тамъ и сямъ сочатся грозди
И краснѣютъ... точно гвозди
Послѣ снятаго Христа.

Вотъ другой, типичный для Анненскаго, пейзажъ:

Какъ странно слиты садъ и твердь
Своимъ безмолвіемъ суровымъ,
Какъ Ночь напоминаетъ Смерть
Всѣмъ, даже выцвѣтшимъ покровомъ!

Эта безжалостная, безучастная, безобразная жизнь,
заживо разлагающаяся, — упирается въ безжалостную,
безсердечную смерть:

Вотъ она — долина,
Глуше нѣтъ угла.
Ель моя елинка!
Долго жъ ты жила...
Старость не пушинка,
Ель моя елинка...
Бѣдная... Подруга!
Пусть имъ солнце съ юга,
Молодымъ побѣгамъ...
Намъ съ тобой, елинка,
Забытье подъ снѣгомъ.

Или еще жесточе. Жить — это значить

Скормить помыканьямъ и злобамъ
И сердце и силы до дна — ,

Чтобъ дочь за глазетовымъ гробомъ,
Горбатая, съ зонтикомъ шла.

Жизнь — это

накопленное бремя

Отравленныхъ ночей и грязно-блѣдныхъ дней!

Но она еще издѣвательски дурманитъ человѣка своей пестротой, смѣшной, своимъ грубымъ азартомъ. Человѣку грозитъ самый страшный ужасъ, смерть, — а его, «какъ жертву наканунѣ гильотины», «дурманяť картами и въ каменномъ мѣшкѣ».

Пока не прійдетъ смерть, человѣкъ изнываетъ въ одиночествѣ, скукѣ, тоскѣ. Ему «ложе стелеть скука». Ему все представляется безнадежными вѣчными буднями, «тоскою вокзала»:

О, канунъ вѣчныхъ будней,
Скуки липкое жало...
Въ пыльномъ зноѣ полудней
Гуль и краска вокзала.

Полумертвыя мухи
На забитомъ кіоскѣ,
На пролитой известкѣ
Слѣпы, жадны и глухи.

Флагъ линияло-зеленый,
Пара бѣлые взрывы,
И трубы отдаленной
Безъ отзыва призывы.

И эмблема разлуки
Въ обманувшемъ свиданьѣ —

Кондуктѡръ однорукай
У часовъ въ ожиданьѣ...

Есть ли что-нибудь нуднѣй,
Чѣмъ недвижная точка,
Чѣмъ дрожанье полудней
Надъ дремотой листочка...

Что-ни будь, но не это...
Подползай, ты обязанъ;
Какъ ты жарокъ, измазанъ,
Все равно — ты не это!

Уничтожиться, канувъ
Въ этотъ омутъ безликой,
Прямо въ одурь дивановъ,
Въ полосатые тики!..

Вокзалъ — жизнь. И такъ нестерпима ея тоска, что отъ нея — хоть въ смерть, въ «измазанный» поѣздъ, въ духоту, «прямо въ одурь дивановъ, въ полосатые тики». Онъ готовъ съ отчаяньемъ торопить свой «поѣздъ»: «Подползай, ты обязанъ». Лучше уничтожиться, чѣмъ жить здѣсь, въ такой безобразной скукѣ, потому что —

Вѣдь если вслушаться въ нее,
Вся жизнь моя — не жизнь, а мука.

Но на эту мучительную реальность еще давить грузъ постоянныхъ страховъ, кошмаровъ, ужасовъ, порою переходящихъ въ бредъ:

Сила Господня съ нами,
Снами измученъ я, снами...

Снами, гдѣ тѣни не вьются,
Звуки не плачутъ, а слезы —
Даже и слезы не льются,
Снами, гдѣ нѣтъ даже грезы...
Снами, которымъ названья
Даже подобья не знаю,
Снами, гдѣ я расставанье
Съ жизнью порой начинаю.

Такъ безсмыслица реальная сквозитъ безсмыслицею кошмаровъ. Но жизнь все не унимается, шебаршитъ, бормочетъ. Вотъ начало одной изъ «Пѣсенъ съ декорацией»:

«Глухая дорога. Колокольчикъ въ зимнюю ночь рассказываетъ путнику свадебную исторію:

Динь-динь-динь,
Дини-дини...
Дидо Ладо, Дидо Ладо,
Лиду Диду ладили,
Дида Лидѣ ладили,
Ладили, не сладили,
Дѣду надосадили.
День дѣлали,
Да день не дѣлали,
Дѣла не додѣлали,
Головы да цѣлы ли?
Ляда Диду надо ли —
Диду баню задали.
Динь-динь-динь-динь-динь...
Колокѡлы-балаболы,
Колокѡлы-балаболы
Накололи, намололи,
Далѣ болѣ, далѣ болѣ...
Накололи, намололи —

Колоколы-балаболы.
Лопотуньи налетали,
Болмоталы навязали,
Лопотали, хлопотали,
Лопотали, балмотали —
Лопоталы поломали!
День!

И т. д., и т. д. — до звона въ ушахъ, до одури, цѣлая исторія, въ которой насилу добьешься толку сквозь лопотанье и балмотанье; исторія безъ конца, безъ начала, — одни бессмысленные балаболы заматавагося колокольчика. А вѣдь это еще сравнительно веселая, утѣшительная исторія: свадебная. Жизнь балмочеть свое, не останавливаясь, не слушая, не обращая вниманія на путника, который, быть можетъ, уже и «уснулъ» подъ нее.

Вотъ до такой тоски, до такого ужаса, до такого почти сладострастнаго умѣнія не только услышать безсмыслицу жизни, но и расчленивъ ее на какіе-то аллитеративные ряды, — Иванъ Ильичъ не доходилъ. Жизнь касалась ему грубой, но не страшной. Боялся онъ только смерти. Анненскій не меньше смерти боится жизни. И не знаетъ: въ жизни ли, въ мундиръ ли прятаться ему отъ смерти, — или ужъ прямо, не вынеся ужаса ожиданія, — броситься въ смерть отъ жизни: въ безмозглую вѣчность, «въ одурь дивановъ», въ безконечную смѣну полосъ на тикѣ.

Но въ концѣ концовъ осиливаетъ страхъ смерти.

VI

Когда Иванъ Ильичъ понялъ, что онъ пропалъ, что пришелъ конецъ, онъ принялся кричать.

«У! уу! у! — кричалъ онъ на разныя интонаціи. Онъ началъ кричать «не хочу» и такъ продолжалъ кричать на букву «у».

Когда читаешь Анненскаго, все слышится, будто онъ тоже кричитъ свое непрекращающееся «не хочу».

И тоже на разныя интонаціи, подлежащія изученію съ точки зрѣнія поэтики.

«Не хочу!» — кричитъ онъ. — «Не хочу! У! уу! у!»

Собственно говоря, смерть пугаетъ его почти тѣмъ же, чѣмъ жизнь: неизвѣстностью, непонятностью, развѣ только болѣе неподвижными и молчаливыми. И — безобразіемъ, мѣщанскою прозаичностью. Мысль о ней почти всегда сопряжена для Анненскаго съ представленіями о грубой, мишурной, убого-помпезной обрядностью панихиды или погребенія, съ этимъ «маскарадомъ печалей», лишній разъ подчеркивающимъ безжалостную, равнодушную безучастность всего живого, остающагося здѣсь, къ мертвецу, уходящему «туда».

Смятыя подушки, лѣкарства, кислородъ, изломанные цвѣты, вѣнки, трауръ, ленты, свѣчи, гроба, копящіе фонари, клячи, дроги, цилиндры, галоши, гробовщики, — постоянные спутники смерти у Анненскаго. Ихъ ненужность говоритъ о бессмыслицѣ жизни. Ихъ грубая реальность отгѣняетъ непостижимую сущность смерти, ея жуть. И не безобидный псаломщикъ, а самъ Страхъ, лично, Страхъ съ большой буквы, съ пояснымъ поклономъ раздаетъ свѣчи на панихидѣ.

Въ своемъ мучительномъ страхѣ Анненскій не перестаетъ признаваться. Когда директоръ гимназіи остается одинъ, онъ пишетъ стихи объ ужасѣ.

Страхъ же принимаетъ у него различныя формы: то облекается въ отвращеніе къ процессу распада, гніенія, гдѣ бы и въ чемъ бы ни выражался онъ; то въ острую,

щемящую грусть; то въ скуку; то, наконецъ, дойдя до отчаянія, Анненскій раздражается проклятіями:

Будь ты проклята, левкоемъ и феноломъ
Равнодушно дышащая Дама!

Но всего сильнѣе, быть можетъ, выявляется этотъ страхъ въ томъ, что не любя жизни, Анненскій все же каждый разъ цѣпляется за нее, когда ощущаетъ смерть слишкомъ близко. Какъ ни сильна въ немъ оторопь передъ жизнью, страхъ смерти всегда еще сильнѣе. Въ стихотвореніи «То и это» онъ прямо говоритъ, что сердце готово принять что угодно, какія угодно муки, самый черный кошмаръ, — если это еще только кошмаръ, а не уже смерть. Сквозь всю его муку, всю боль прорывается вопль:

Только бъ жить, дольше жить, вѣчно жить!

Міръ для Анненскаго — тюрьма. Сердце въ немъ бьется и ходитъ, какъ маятникъ въ тѣсномъ футлярѣ стѣнныхъ часовъ. Но, толкая остановившійся маятникъ и снова пуская часы, поэтъ обращается къ сердцу:

О, сердце! Когда леденѣя,
Ты смертный почувствуешь страхъ,
Найдется ль рука, чтобы лиру
Твою также тихо качнуть
И міру, желанному міру
Тебя, мое сердце, вернуть?..

VII

Въ ужасѣ передъ смертью, Иванъ Ильичъ видѣлъ ее передъ собой, какъ черную дыру, въ которую его

всовываютъ. И это понятно. Онъ же былъ обыкновенный человѣкъ, который по своему зналъ и по своему любилъ жизнь. Жизнь — это была его семья, служба, квартира. А что такое смерть, онъ не зналъ. Понималъ только, что въ ней уже нѣтъ ни семьи, ни квартиры, ни службы. Слѣдственно, это пустота, черная дыра, совершенно невѣдомая.

Анненскій былъ человѣкъ необыкновенный, поэтъ. Но вотъ подите же: тутъ, въ послѣднемъ и окончательномъ рѣшеніи онъ сходится съ Иваномъ Ильичемъ. Можно, конечно, поэтически персонифицировать смерть въ образъ равнодушной Дамы, или еще какънибудь, но въ концѣ концовъ приходится назвать ее прямо и попросту «люкомъ въ смрадную тюрьму». «Черная дыра», «люкъ въ смрадную тюрьму», въ этихъ опредѣленіяхъ разница только словесная. Словесной она оставалась и тогда, когда въ разговорахъ своихъ Анненскій, словами Свидригайлова, называлъ смерть «баней съ пауками». Сущность же опредѣленій у Ивана Ильича и у Анненскаго одна, какъ одинъ у нихъ мучительный, на всѣ лады повторяемый крикъ: «Не хочу!»

Что же, однако, заставляетъ этихъ двухъ людей, такихъ разныхъ обыкновеннаго и необыкновеннаго, одинаково бояться, не хотѣть и не понимать эту черную дыру (или смрадную тюрьму — называйте какъ угодно)? Для такого общаго слѣдствія должна же быть общая причина.

И она имѣется. Для Анненскаго, какъ для Ивана Ильича, смерть страшна тѣмъ, что она «омутъ безликій», уничтоженіе личности — или того, что они принимали за личность, т. е. ихъ мыслей и чувствъ, ихъ человѣческаго «я». Иванъ Ильичъ совершенно правильно, инстинктомъ угадывалъ, вѣрнѣе чувствовалъ,

что спасеніе отъ черной дыры лежитъ гдѣ то возлѣ этихъ его «мыслей и чувствъ». Но видѣлъ и то, что ихъ однихъ мало, что они — только первичная завязь какого-то растенія, какой-то разрывъ-травы, могущей высвободить его. Но какъ выростить это растеніе, какъ заставить его цвѣсти, онъ не зналъ.

Точно такъ же цѣплялся за свои чувства и мысли, за свои лирическіе порывы Анненскій — и точно такъ же зналъ, что они его не спасутъ, что этого мало для побѣды надъ смертью, надъ этимъ безличьемъ, надъ этой диванной одурью.

Это они оба знали. Не знали же они того, что для осмысленія смерти, надо осмыслить жизнь. Безъ этого осмысленія всѣ мысли и чувства Ивана Ильича остаются тяжелымъ воспоминаніемъ, паутиной психологизмовъ, безмысленнымъ грузомъ, который связываетъ, а не освобождаетъ его движенія, когда приходится пролѣзть въ дыру. Безъ этого осмысленія, вся лирическая отзывчивость, тонкость, сложность Анненскаго — пустое, безмысленное, дурмающее мельканіе синематографа, кошмаръ, миражъ, чепуха, балмотаніе колокольчика: вѣдь такой ему и казалась жизнь.

Осмыслить же свою жизнь значитъ найти для нея нѣкое высшее мѣрило, и высшій подвигъ, нежели простое накопленіе «мыслей и чувствъ» (у Ивана Ильича) и нежели эстетическое любованіе ими (у поэта Анненскаго). Больше того, для осмысленія жизни, своей жизни въ частности, эта частная, личная жизнь должна быть не только пересмотрѣна, а и подчинена такому высшему императиву. Маленькое «я» надо сжечь, чтобъ изъ пепла встало иное, очищенное и расширенное.

Обыкновенный человѣкъ Иванъ Ильичъ, не задумывался объ этомъ, потому что ему было некогда. Не-

обыкновенный человекъ Анненскій всю жизнь думалъ о своемъ «я» и не могъ изъ него выбраться. «Я» дурманило Ивана Ильича психологіей, Анненскаго — лирическимъ хмѣлемъ. Сѣмя разрывъ-травы упало въ Иванъ Ильичъ на каменистую почву, въ Анненскомъ на добрую. Но онъ оказался плохимъ садовникомъ. Вырастилъ огромное, пышное растеніе своей лирики, но цвѣтка выгнать не сумѣлъ. Растеніе зачахло, не принеся плода.

Разорвать малое «я» могла бы въ Анненскомъ, какъ въ Иванъ Ильичъ, любовь къ человеку или къ Богу. Но ни у того, ни у другого этой любви не было. По отношенію къ людямъ оба «честно исполняли свой долгъ» — и только. По отношенію къ Богу — такъ же исполняли церковные обряды, Иванъ Ильичъ безразличнѣе, Анненскій — истовѣе, исправнѣе. Но дѣйствительной, религіозной жизни у нихъ не была одинаково.

Расширеніе «я» могло произойти лишь чудомъ, котораго они не знали и въ которос не вѣрили.

VIII

Но съ Иваномъ Ильичемъ оно произошло. И Толстой описываетъ это, именно какъ внезапное чудо.

Не оцѣнивая свою жизнь ни съ какой «высшей» точки зрѣнія, Иванъ Ильичъ былъ почему-то увѣренъ, что она была хорошая. И вотъ это признаніе своей жизни хорошей мѣшало ему «пролѣзть» въ черную дыру — осмыслить и принять смерть. Но — «вдругъ», говоритъ Толстой, какая-то сила толкнула его въ грудь, въ бокъ, еще сильнѣе сдавило ему дыханіе, онъ провалился въ дыру, и тамъ, въ концѣ дыры, засвѣтилось что-то. Съ нимъ сдѣлалось то, что бывало съ

нимъ въ вагонѣ желѣзной дороги, когда думаешь, что ѣдешь впередъ, а ѣдешь назадъ, и вдругъ узнаешь настоящее направленіе. «Да, все было не то, — сказалъ онъ себѣ, — но это ничего. Можно, можно сдѣлать «то». Что-жъ «то»? спросилъ онъ себя и вдругъ затихъ. Это было... за два часа до его смерти. Въ это самое время гимназистикъ тихонько прокрался къ отцу и подошелъ къ его постели. Умирающій все кричалъ отчаянно и кидалъ руками. Рука его попала на голову гимназистика. Гимназистикъ схватилъ ее, прижалъ къ губамъ и заплакалъ. Въ это самое время, Иванъ Ильичъ провалился, увидѣлъ свѣтъ, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить. Онъ спросилъ себя: что же «то»? и затихъ, прислушиваясь. Тутъ онъ почувствовалъ, что руку его цѣлуетъ кто-то. Онъ открылъ глаза и взглянулъ на сына. Ему только жалко его».

Въ этихъ словахъ описано именно чудо, его постепенный восходъ, какъ восходъ солнца. Оно неожиданно: Толстой дважды говоритъ: «вдругъ». Оно начинается съ толчка, провала и замерцавшего вдали свѣта. И когда Иванъ Ильичъ увидалъ этотъ свѣтъ, «ему открылось». Открытіе уже было въ томъ, что мгновенно переоцѣнилъ онъ свою жизнь, прикинулъ ее на новыхъ вѣсахъ. А вѣсы эти подалъ ему гимназистикъ, сынъ. Звались же они — любовь и жалость. Ему стало жалко мальчика. Въ первый разъ пожалѣлъ онъ — не себя.

Чудо же продолжало первую фазу цвѣтенія. Послѣ сына, Иванъ Ильичъ пожалѣлъ — полюбилъ — жену. И еще фаза: онъ почувствовалъ свою отдаленность отъ нихъ, свое себялюбіе — и ощутилъ это, какъ вину. И опять, въ первый разъ, понялъ онъ, что не только предъ нимъ виноваты, но и онъ виноватъ. Онъ хотѣлъ попросить прощенія, но съ непривычки не вышло. Онъ

сказаль «пропусти» и «не въ силахъ уже будучи поправиться, махнулъ рукой, зная, что пойметъ тотъ, кому надо». Это и была третья фаза чуда, важнѣйшая: онъ поняль, что спросить прощенія не ради себя, не ради своихъ отношеній съ женой (уже ему не было важно, поняла ли она) — но ради того, кто пойметъ, «кому надо» понять. И самая оговорка коснѣющаго языка приобрѣла важный смыслъ, «прости», сказанное женѣ, оказалось другимъ словомъ — «пропусти», сказаннымъ тоже «тому, кому надо». Тутъ онъ «пролѣзалъ» изъ маленькаго «я» «чувствъ и мыслей» — въ большое, другое «я». Его «пропускали», онъ избавляль другихъ отъ страданій и избавляль самъ. «Какъ хорошо и какъ просто, подумаль онъ».

Тутъ онъ прислушался къ физической боли. Она продолжалась, но онъ и ее принималъ: «Ну что жъ, пускай боль. А смерть, гдѣ она? Онъ искаль своего привычнаго страха смерти и не находиль его. Гдѣ она? Какая смерть? Страхъ никакого не было, потому что и смерти не было. Вмѣсто смерти былъ свѣтъ.»

Чудо совершилось. Когда до Ивана Ильича донеслось слово доктора: «кончено», онъ повториль это себѣ по иному: «Кончена смерть, — сказаль онъ себѣ. — Ея нѣтъ больше.»

И онъ умеръ.

Смерть и страхъ смерти кончились, когда кончилось маленькое «я».

Анненскій умеръ внезапно. «Дядя» не сдержаль лошадей, они подхватили, и поэтъ очутился у страшной стѣны раньше, чѣмъ успѣль осмыслить, принять и преодолѣть ее въ своемъ творчествѣ. Мы не знаемъ, какъ встрѣтилъ смерть Анненскій-человѣкъ. Мы можемъ хотѣть, и хотимъ, чтобы чудо совершилось и надъ нимъ въ его послѣднія минуты, о которыхъ почти ничего не-

извѣстно. Что думалъ онъ за два часа до смерти, когда, прійдя въ гости, почувствовалъ себя дурно и легъ на диванъ? Зачѣмъ, бросивъ дѣла, поспѣшилъ онъ на царскосельскій вокзалъ? Не хотѣлъ ли ѣхать домой — и если да, то зачѣмъ? Мы ничего не знаемъ— и вотъ, можемъ, значитъ, судить лишь о томъ, что сказалъ онъ въ своей поэзии. И можемъ сказать, что съ Анненскимъ-поэтомъ чуда не совершилось.

IX

Сравнивая Анненскаго съ Иваномъ Ильичемъ, мы не омрачаемъ память дорогого намъ всѣмъ, прекраснаго поэта. Иванъ Ильичъ не образчикъ никчемнаго, глупаго и пошлаго человѣка. Такъ не надо судить о немъ. Онъ-человѣкъ, просто человѣкъ, какъ всѣ мы люди, — онъ обыкновенный. Повѣсть о немъ — повѣсть о человѣкѣ. Повѣсть объ Анненскомъ, какъ она развертывается передъ нами, отраженная его лирикой, есть та же повѣсть, лишь осложненная тѣмъ, что Анненскій не обыкновенный чиновникъ, а поэтъ. И это понятіе, поэтъ, брошенное на вѣсы, почти всегда перевѣшивало, давало Анненскому преимущество: онъ оказывался лучше, значительнѣй, тоньше, умнѣй, чѣмъ Иванъ Ильичъ. Но чудо случилось съ обыкновеннымъ человекомъ, а не съ поэтомъ.

Человѣкъ живетъ, печалится, радуется, страдаетъ, бываетъ счастливъ, «чувства и мысли» водятъ его по страшнымъ мытарствамъ, онъ высоко восходитъ и низко подаетъ. Онъ покрытъ грязью и кровью жизни, и смотря на жизнь, ужасается, и предвидя смерть — ужасается, потому что не знаетъ, во имя чего же вся грязь, мишура жизни и страхъ смерти. И самое страш-

ное — страхъ смерти и надвигающаяся безобразная, смрадная тюрьма. Онъ въ ужасѣ — и мы, зрители, тоже въ ужасѣ. Но совершается осмысленіе жизни; тѣни, призраки и уродства прячутся предъ разсвѣтомъ, жизнь освѣщается, понятая по новому; бывшая страданія, страсти, чувства и мысли приобрѣтають иной смыслъ; старое, малое «я» распадается, — смерти нѣтъ, потому что нечему умирать; поэтому и она чиста теперь тоже. Это и есть очищеніе, катарсисъ, то, что завершаетъ трагедію, давая ей смыслъ религіознаго дѣйства. Осмысленіе — очищеніе. Оно наступаетъ иногда очень поздно, но никогда не «слишкомъ поздно». Такъ было съ Иваномъ Ильичемъ.

Драма есть тотъ же ужасъ человѣческой жизни, только не получающій своего разрѣшенія, очищенія. Занавѣсъ падаетъ раньше, чѣмъ герои успѣли осмыслить свои страданія, принять и благословить ихъ. Драма ужаснѣе трагедіи, потому что застываетъ на ужасѣ. Такъ было съ Анненскимъ-поэтомъ. Дай Богъ, чтобы судьба его, какъ человѣка, была иная. Но драма, развернутая въ его поэзіи, обрывается на ужасѣ — передъ бессмысленнымъ кривляніемъ жизни и бессмысленнымъ смрадомъ смерти. Это — ужасъ, приоткрывающій перспективу — опять-таки въ ужасѣ. Два зеркала, отражающія пустоту другъ друга.

Такъ изъ повѣстей объ Иванѣ Ильичѣ и объ Анненскомъ узнаемъ мы, что иногда ч е л о в ѣ к у дается то, чего не дано п о э т у. Въ этомъ есть грозное предостереженіе. Какъ впрочемъ, во всемъ, что совершается вокругъ насъ и въ насъ.

13. XII. 1921
Петербургъ.

Владиславъ Ходасевичъ

КЪ ТЕОРИИ КОМИЧЕСКАГО

Долженъ ли быть анекдотъ смѣшнымъ?

Чѣмъ отличается смѣшное отъ трагическаго?

Я не знаю.

Счастливы люди, которые знаютъ, сколько мыслей было у нихъ въ головѣ, за кого нужно голосовать на избирательныхъ компаніяхъ, знаютъ, что Бѣлинскій и Ивановъ-Разумникъ русскіе критики. Я думаю, что они знаютъ даже, что скажутъ люди надъ ихъ могилами. Я же не знаю даже, чѣмъ отличается смѣшное отъ трагическаго. Въ воспоминаніяхъ Бекетовой объ Александрѣ Блокѣ есть любопытное мѣсто: А. А. Блокъ со своей будущей женой, Л. Д. Менделѣевой, выступалъ въ деревенскомъ театрѣ. «Зрители относились къ спектаклю болѣе чѣмъ странно. Я говорю о крестьянахъ. Во всѣхъ патетическихъ мѣстахъ, какъ въ Гамлетѣ, такъ и въ «Горе отъ ума» они громко хохотали, иногда за-глушая то, что происходило на сценѣ».

Это производило непріятное впечатлѣніе.

Не знаю.

Много разъ слышалъ этотъ смѣхъ въ 1919-20 году въ петербургскихъ театрахъ. Смѣялись въ самыхъ драматическихъ мѣстахъ. Напримѣръ, когда Отелло душилъ Дездемону. А между тѣмъ ходили въ театръ, любили театръ, говорили о театрѣ въ казармахъ.

Воспріятіе трагическое и комическое ближе другъ къ другу, чѣмъ это полагаютъ.

Вещь можетъ быть задумана, какъ трагическая и воспринята, какъ комическая, и наоборотъ.

Антонъ Чеховъ писалъ своему другу: «Пишу веселый фарсъ». — Это были «Три сестры».

На «Трехъ сестрахъ» канонично плачуть.

У меня на рукахъ былъ блоковскій автографъ «Незнакомки».

Вы помните?

«По вечерамъ надъ ресторанами...»

Автографъ этотъ хранится у Зиновья Исаевича Гржебина.

Присланъ онъ былъ въ «Адскую почту» — юмористическій журналъ, издаваемый Гржебинымъ.

На углу рукописи помѣтка Г. Чулкова: «набрать мелкимъ шрифтомъ».

У Марка Твэна есть въ «Простодушные у себя дома и за границей» описаніе его первой юмористической лекціи. Твэнъ не вѣрилъ въ свои силы и озаботился подыскать клакеровъ. Пригласилъ здоровыхъ молодцовъ съ дубинами, пригласилъ даму, которая смѣялась особенно заразительно, на улицѣ встрѣтилъ героя своихъ повѣстей Тома Сойэра, — пригласилъ и его.

Уговоръ былъ такой. Когда Твэнъ улыбнется, дама должна была хохотать, Томъ подхватывать, а молодцы съ палками стучать и апплодировать.

Лекція удалась блестяще.

Всѣ смѣялись безъ всякихъ клакеровъ.

Въ серединѣ лекціи было серьезное мѣсто, патетическое мѣсто, которое такъ часто вводятъ въ свои произведенія юмористы (вспомните мѣсто въ «Шинели» Гоголя о молодомъ человѣкѣ... «и закрывалъ себѣ лицо руками молодой человѣкѣ» и т. д.). Залъ замеръ. Твэнъ читалъ и посмотрѣлъ на даму въ ложѣ, и отъ

удовольствія, которое онъ испытывалъ, отъ ощущенія напряженности зала — улыбнулся.

Дама приняла улыбку за сигналъ и засмѣялась, Томъ Сойэръ захохоталъ, клакеры загрохотали тростями, и залъ загремѣлъ отъ хохота.

Марку Твэну не удалось во всю свою жизнь доказать, что патетическое мѣсто въ его лекціи не было его самой удачной шуткой.

Я въ этомъ ничего не понимаю.

Попробую перейти къ матеріалу анекдотовъ.

Есть анекдотъ.

Нѣмецъ не могъ вспомнить, какъ нужно говорить: — У рыбовъ нѣтъ зубовъ или — у рыбей нѣтъ зубей, или — у рыбъ нѣтъ зубъ.

Анекдотъ производитъ комическое впечатлѣніе тѣмъ, что онъ основанъ на языковой тенденціи сближенія типовъ склоненій.

У рассказчика самого нѣтъ твердаго убѣжденія въ «правильности» формы.

Я напоминаю, что Пушкинъ въ «Домикѣ въ Коломнѣ» употреблялъ слово «зубъ» въ значеніи родительнаго падежа множественнаго числа:

Скажу, рысакъ!.. Парнасскій иноходецъ

Его не обогналъ бы. Но Пегасъ

Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодець

.

Такимъ образомъ, колебаніе и борьба нѣсколькихъ языковыхъ формъ производитъ иногда комическое впечатлѣніе.

Разница въ діалектахъ чаще используется для произведенія комическаго впечатлѣнія, чѣмъ сопоставленія двухъ языковъ.

Акцептирование обычно вызывает комическое впечатление, но может и не давать его. Вспомним Пушкина:

Неправильный, небрежный лепетъ
Неточный выговоръ рѣчей,
По прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей:
Раскаются во мнѣ нѣтъ силы.

Мнѣ галицизмы будутъ милы и т. д.

(тоже въ строфахъ XXVII и XXVIII).

Въ остальныхъ же мѣстахъ «Евгенія Онѣгина» Пушкинъ постоянно пользуется изобиліемъ иностранныхъ словъ, имъ самимъ подчеркнутыхъ:

Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣтъ гораздо меньше-бъ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядываль я встарь
Въ Академическій Словарь.

Комично одновременное воспріятіе нѣсколькихъ диалектовъ, — чѣмъ широко пользовались въ итальянской и французской комедіи.

Языковыя новшества обычно воспринимаются, какъ комическія.

«...ужель сударыня?»

«Сударыня, ха-ха, прекрасно!»

«Сударыня, ха-ха, ужасно!» («Горе отъ ума»).

У Тургенева въ «Наканунѣ»

«Ахъ, ты сочувственникъ, — брякнулъ Шубинъ и разсмѣялся вновь придуманному слову».

Въ обоихъ случаяхъ сами по себѣ слова комическаго элемента не содержатъ.

Я случайно знаю, что слово «Коминтернъ» при его созданіи воспринималось, какъ смѣшное.

Многочисленные совѣтскіе анекдоты — на одномъ ощущеніи комичности новообразованныхъ словъ.

Я присутствовалъ въ Москвѣ на засѣданіи одного лингвистическаго общества, настроеннаго по отношенію къ Совѣтской Власти совершенно не оппозиціонно. Читался докладъ о «совѣтскихъ словахъ». Докладчикъ былъ филологъ-коммунистъ.

И весь вечеръ прошелъ въ веселомъ демонстрированіи различныхъ языковыхъ курьезовъ.

Болѣе сложнымъ является игра съ семантикой слова. Напримѣръ, у Теффи въ одномъ разсказѣ: «У насъ, слава Богу, въ Бога не вѣрятъ»; въ томъ же разсказѣ: «а вдругъ, не дай Богъ, Богъ есть».

Комизмъ здѣсь основанъ на томъ, что въ одномъ случаѣ въ выраженіи «слава Богу» или «не дай Богъ» слово Богъ имѣетъ не то значеніе, какъ въ утвержденіи «Бога нѣтъ» или «Богъ есть».

Это конечно основано на привычности выраженія «Слава Богу», которое воспринимается, какъ одно слово. Попробуйте сказать съ перестановкой: «У насъ Богу слава, въ Бога уже не вѣрятъ», или — «А вдругъ Богъ не дай, Богъ есть» — и ощущеніе комизма исчезнетъ.

Здѣсь комично двойное семантическое осмысливаніе одного фонетическаго знака, въ данномъ же случаѣ, тоже говоря комично, утрата словомъ его первичнаго смыслового значенія.

Перехожу на современный анекдотъ.

«Ночью стоитъ поѣздъ; выходитъ изъ вагона чело­вѣкъ и спрашиваетъ: — Почему стоимъ? — Ему от­вѣчаютъ: — Паровозъ мѣняемъ. — На что мѣняете?

Здѣсь слово «мѣняемъ» имѣеть сперва техническое значеніе замѣны одного предмета другимъ однотипнымъ (какъ о машинахъ пишутъ — «легкая замѣнимость частей»), а въ другомъ — слово «мѣнять» взято въ смыслѣ товарообмѣна.

Для меня сейчасъ, при нѣкоторой привычкѣ платить за товаръ деньгами, анекдотъ не смѣшонъ.

Очень обычны достиженія комическаго впечатлѣнія, черезъ примѣненія къ одной категоріи явленій понятія, связаннаго съ другой.

Беру опять современный анекдотъ.

Въ Москвѣ говорили, что Совнаркомъ приказалъ, въ виду отсутствія топлива, перевести градусникъ на четыре градуса вверхъ.

Въ старинномъ анекдотѣ это дано такъ.

Человѣкъ смотритъ на термометръ и говоритъ: 14, а я въ девять обѣщался женѣ быть дома.

Здѣсь комично сопоставленіе двухъ рядовъ цифръ: часы — градусы. Мотивировка путаницы — опьяненіе.

Въ другомъ совѣтскомъ анекдотѣ два спекулянта, изъ-за боязни Чека, уславливаются на будущее время по телефону называть мильоны не лимонами, а лошадьми. — Нужны два мильона, — говори — пришлите двѣ лошади. — Вечеромъ происходитъ разговоръ:

«Пришлите мнѣ пожалуйста три лошади».

«У меня нѣтъ ни одной лошади».

«Но я не могу жить безъ лошадей».

«Хорошо, я пришлю вамъ полторы лошади».

Анекдотъ не бытовой, такъ какъ, когда нельзя было по телефону говорить о мильонахъ, нельзя было просить и о присылкѣ лошадей.

Вся мотивировка анекдота построена для того, чтобы создать «дробную лошадь».

Рядъ такой: полтора мильона, полтора лимона, полторы лошади.

Значить комиченъ здѣсь не быть, а смысловое противорѣчіе въ словахъ.

Обиліе совѣтскихъ анекдотовъ въ Россіи объясняется не особенно враждебнымъ отношеніемъ къ власти, а тѣмъ, что новыя явленія жизни и противорѣчія быта осознаются, какъ комическія.

Денежно-обезцѣненные мильоны первое время сами по себѣ производили комическое впечатлѣніе.

Потомъ къ нимъ привыкли.

Но начали въ анекдотѣ использовать противорѣчіе между «денежнымъ» и реальнымъ мильономъ.

• Напримѣръ:

«Ужасно! Въ Россіи можетъ быть къ осени вымреть нѣсколько мильоновъ».

«Ну, что такое совѣтскій мильонъ!»

Мы подвигаемся къ все болѣе и болѣе мрачному матеріалу.

Напомню, впрочемъ, одну страницу изъ «Записки изъ Мертваго Дома». Цитирую по памяти. Нѣтъ книги подъ рукой.

У меня многого нѣтъ подъ рукой, напримѣръ — Петербурга, хотя бы вмѣстѣ съ Ирецкимъ и совѣтскими анекдотами.

Друзьямъ же привѣтъ.

Страница эта — слѣдующая. Сѣкутъ арестанта, офицеръ... Нѣтъ, не могу по памяти, пойду въ городъ искать книгу.

«Принесутъ розги, а Смекалову стулъ; онъ сядетъ на него, трубку даже закуритъ. Длинная у него такая трубка была. Арестантъ начинаетъ молить... «Нѣтъ ужъ, братъ, ложись, чего ужъ тутъ...» скажетъ Смекаловъ; арестантъ вздохнетъ и ляжетъ. «Ну-ка, лю-

безный, умѣешь вотъ такой-то стихъ наизусть?» — «Какъ не знать, ваше благородіе, мы крещеные, сыздѣтства учились». — «Ну, такъ читай». — И ужъ арестантъ знаетъ, что читать. И знаетъ заранѣе, что будетъ при этомъ чтеніи, потому что эта штука разъ тридцать уже и прежде съ другими повторялась. Да и самъ Смекаловъ знаетъ, что арестантъ это знаетъ; знаетъ, что даже и солдаты, которые стоятъ съ поднятыми розгами надъ лежащей жертвой, объ этой самой шуткѣ ужъ слышали..., и все-таки онъ повторяетъ ее опять, — такъ она ему разъ навсегда понравилась, можетъ быть, именно потому, что онъ ее самъ сочинилъ, изъ литературнаго самолюбія. Арестантъ начинаетъ читать, люди съ розгами ждутъ, а Смекаловъ даже пригнется съ мѣста, руку подыметъ, трубку перестанетъ курить, ждетъ извѣстнаго словца. Послѣ первой строчки извѣстныхъ стиховъ, арестантъ доходитъ до слова: «на небеси». Того только и надо. «Стой!» — кричитъ воспламененный поручикъ, и мигомъ, съ вдохновеннымъ лицомъ, обращаясь къ человѣку, поднявшему розгу, кричитъ: «А ты ему поднеси!»

И заливается хохотомъ. Стоящіе кругомъ солдаты ухмыляются: тоже ухмыляется сѣкущій, чуть ли не ухмыляется даже сѣкомый, несмотря на то, что розга по командѣ «поднеси» свиститъ ужъ въ воздухъ, чтобъ черезъ одинъ мигъ, какъ бритвой рѣзнуть по его виноватому тѣлу».

(«Записки изъ Мертваго Дома». Т. II, гл. 2)

Здѣсь хорошо дана безкорыстность анекдота, арестантъ смѣется вѣдь не только изъ сочувствія. У него есть и чисто художественное ощущеніе отъ игры словъ.

Интересно отмѣтить, что кощунственныя пародіи на отпѣванія, когда кадило замѣняютъ старымъ лаптемъ, а

Смѣхъ есть одинъ изъ видовъ ощущенія композиціоннаго неравенства.

Ошибка крестьянъ, смѣющихся надъ «Гамлетомъ», того же рода, какъ и ошибка русской критики, плачущей надъ пародійнымъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ».

А «Евгеній Онѣгинъ» пародиенъ насквозь.

Пародійны риѣмы. Выбираю для Заграницы примѣры попроче:

И вотъ уже трещать морозы
И серебрятся средь полей
(Читатель ждетъ ужъ риѣмы розы)
На, вотъ, возьми ее скорѣй.

Пародійны сравненія:

Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
Оно сверкаетъ Ипокреной,
Оно своей игрой и пѣной
(Подобіемъ того сего)
Меня плѣняло.

Пародиенъ сюжетъ и типы
.
Статью свою бросаю, какъ камень въ воду.

Берлинъ, 1 сентября 1922 г.

Викторъ Шкловскій

ВСЕОБЩЕЕ ВОЗСТАНИЕ

ВРЕМЕННОКЪ

АЛЕКСЪЯ РЕМИЗОВА

М Я Т Е Н Ь Е

1/VI—10/VII

1917

I

Судя по проектамъ и письменнымъ распоряженіямъ, можно было бы ждать не такого.

Правда, всю дорогу — отъ Петербурга до Крутъ — въ наше купэ никто не вошелъ, но ѣхать подъ грозой съ дубастаньемъ въ окна и криками —

клюкъ-топъ-дробь-мать

Думалось, ужъ лучше, пожалуй, и безъ всякихъ удобствъ, а по просту, какъ бывало, въ III-мъ классѣ, или совсѣмъ не ворошиться, а сидѣть на Островѣ и ждать погоды.

На крышѣ — разбѣгавшіеся по домамъ солдаты, какъ клюватыя птицы —

мать-дробь-топъ-клюкъ

Когда въ первые дни войны мы возвращались изъ Берлина въ Петербургъ, дорога была такая — я боялся загадывать на завтра и только думалъ на сейчасъ, такъ и теперь, удаляясь за тридевять земель отъ Петербурга, нѣтъ, еще неувѣреннѣй —

клюкъ-топъ-дробь-мать

ладанъ куринымъ навозомъ (Ончуковъ) въ деревнѣ, какъ игру, производили очень религіозные люди.

Богохульство возникаетъ часто изъ потребности игры съ тяжелыми предметами, не связываясь съ отрицаніемъ божества или съ желаніемъ его активно оскорбить.

Это явленіе того же характера, какъ увлеченіе авантюрнымъ романомъ съ преступниками, но въ романахъ мы имѣемъ еще игру, напоминающую раздвоеніе личности при истеріи, — не я, молъ, люблю преступленіе, а этотъ описанный разбойникъ.

То же мы имѣемъ въ сентиментальномъ романѣ. Ричардсонъ эротиченъ, эротична, на примѣръ, сцена обыска Ловласомъ Помелы (но эротиченъ какъ бы не авторъ, а отрицательный герой). Такъ, можетъ быть, написана книга Іова. И такъ будемъ мрачнѣть дальше.

На югѣ Россіи я слыхалъ два анекдота, рассказанные мнѣ не то про бѣлыхъ, не то про красныхъ.

Вѣдь пѣсни бѣлыхъ похожи на красныя пѣсни.

Бѣлые пѣли:

Пароходъ, ближе къ пристани.

Будемъ рыбу кормить коммунистами.

Красные пѣли:

Пароходъ идетъ, вода кольцами.

Будемъ рыбу мы кормить добровольцами

Анекдоты же слѣдующіе:

Ведутъ человѣка на разстрѣлъ. Дождь. Холодно. Онъ говоритъ: «Какая погода плохая».

Конвойный отвѣчаетъ: «Тебѣ ничего, а мнѣ назадъ идти».

Второй. Ведутъ еврея на разстрѣлъ. Онъ спрашиваетъ: «Какой сегодня день? — «Понедѣльникъ». — «Пустяки для меня начинается недѣля.»

На чемъ основанъ комизмъ этихъ анекдотовъ?

Не думайте, что я сошелъ съ ума. Я только совершенно убѣжденъ въ дѣлѣ, которое дѣлаю. Недавно узналъ, что аналогичный анекдотъ существовалъ въ 15 вѣкѣ.

Это анекдоты, кровь въ анекдотахъ не кровава, берутся не вещи, а отношеніе вещей.

Анекдоты основаны въ первомъ случаѣ на сопоставленіи смерти и непріятности, на различномъ отношеніи къ чужой смерти и къ личной непріятности.

Во второмъ случаѣ анекдотъ построенъ на противорѣчии интонаціи обычной поговорочной фразы и трагизмѣ положенія.

Это любопытнѣйшій примѣръ обрабатывающей силы пріема.

Вещи въ анекдотахъ не значать сами по себѣ ничего.

Важно сопоставленіе вещей.

Трагическое отличается отъ комическаго не матеріаломъ, изъ котораго построена композиція, а, главнымъ образомъ, ключемъ, написаннымъ передъ произведеніемъ.

Въ частности, новая форма воспринимается почти всегда, какъ комическая.

Можетъ быть поэтому комическій жанръ в искусствѣ обычно является передовымъ.

Впослѣдствіи, ощущеніе комизма стирается, и мы часто плачемъ тамъ, гдѣ нужно смѣяться.

Трагизмъ образа Донъ-Кихота — явленіе вторичное.

Ислѣдованіе русскаго комическаго стиха покажетъ намъ, что именно здѣсь создавались новыя формы.

Я думаю, что въ смѣхѣ крестьянъ надъ «Гамлетомъ» не было непониманія.

Они восприняли художественную форму драмы, но въ иномъ ключѣ.

«Царская пѣвичка, царь для которой дворець построиль!»

И пошло гулять по селу:

— Царская т е л и ч к а, царь для которой дворець построиль!

Проѣхали лавку — надпись все та же:

*воспрещается лущить семечки
сидиться на прилавокъ если много
людей безъ дѣла не надо входить
въ лавку за непослушаніе будутъ
подвергаться административному
взысканію*

Я встаю въ 9 часовъ. Курю, записываю сны и прибираюсь. Въ 11—12 часовъ пью чай съ хлѣбомъ. Послѣ чаю минутъ на десять выхожу въ садъ. И опять въ комнату и занимаюсь до 3-хъ. Въ 3-и обѣдъ. Послѣ обѣда ложусь съ книгой и читаю до 5-и. Въ 5-ь пью чай, и опять съ полчаса читаю. Потомъ пересаживаюсь къ окну и занимаюсь до половины восьмого. Съ половины восьмого до 8-и (не всякій день) гуляю въ саду по дорожкѣ отъ сливъ до амбара. И домой, зажигаю лампу и занимаюсь до 9-и. Въ 9-ь пью чай. Послѣ чаю читаю газеты или рисую, или опять пишу до 12-и.

Так всѣ дни—и теперъ, и когда случалось раньше попадать лѣтомъ въ деревню.

Когда я выхожу на улицу, вещи убѣгаютъ отъ меня, и подымаются стѣны, гдѣ казалась мнѣ одна ровь и гладь, какія-то лѣстницы безъ периль громоздятся навстрѣчу, на которыя и безъ периль, а изволь лѣзть! — и мосты, которыхъ я боюсь, и хоть на четверенькахъ, а долженъ перейти. И когда все это я продѣлалъ и ужъ подошелъ къ двери — дверь подъ носомъ захлопнулась.

Какъ помню себя, я все дѣлалъ, чтобы обходить улицу. И первая катастрофа въ жизни моей произошла именно потому, что вышелъ я на улицу.

И это вовсе не уродство, а вѣрное чутье мое къ жизни, что какъ помню себя, я всегда что-то выдѣлывалъ надъ собой, обрекая себя на добровольное заточеніе —

съ правомъ выхода, когда хочу.

Затворъ сталъ моей стѣной, моимъ рогомъ, моимъ жаломъ, моей иглой, моимъ копытомъ и моей стихіей.

И вовсе не отъ нелюдимости моей и отчужденности отъ міра.

Я люблю все живое въ мірѣ — а вѣдь все живое, что свѣтитъ, а свѣтитъ все отъ крупныхъ звѣздъ и до мельчайшей песчинки и отъ большого слова до мимолетной мысли.

я люблю солнце, звѣзды, вѣтеръ, землю,

я люблю зарю и дождикъ, камни, деревья, траву и рѣчь, и смѣхъ человѣка,

и горы, и море, и птицъ, и звѣрей, и человѣка,

и все, къ чему прикоснулась рука человѣка — отъ труда человѣка.

Нѣтъ, вовсе не потому, какъ кротъ сижу въ норѣ и, вздрагивая, выхожу на волю.

Безъ норы кротовой — безъ моего затвора я ежъ безъ иглъ, конь безъ копыта, пѣтухъ безъ шпоръ.

И по пути я ужъ всѣми глазами видѣлъ, что война
сама собой кончилась, и нѣтъ такой силы человѣческой
повернуть назадъ, одна есть сила — никакой войны! —
сила нечеловѣческая — войнѣ всякой войны —
революція —

революція — пробужденіе человѣка въ
жестокомъ днѣ,
революція — судъ человѣка надъ человѣ-
комъ,
революція — пожеланія человѣка чело-
вѣку.

красна она не судомъ
— жестокая пора! —
красна озареніемъ
— сѣменной весенній вихрь! —
пожеланіями человѣка человѣку.
Взорвать міръ! — перестроить жизнь! —
спасти человѣчество!
Никогда такъ ярко не горѣла звѣзда —
мечта человѣка
о свободномъ человѣческомъ царствѣ
на землѣ,
Россія въ семнадцатый годъ!
но и никогда такъ и нигдѣ на землѣ
такъ жестоко не гремѣлъ погромъ.

Полямъ было ѣхать хорошо, несмотря на вѣтеръ.
Птицы по прежнему поютъ.
По прежнему земля зеленѣетъ.
Поле чистое — —

По дорогѣ на селѣ собраніе: агитаторъ — изъ пришвинской тучи — разъясняетъ собранію о буржуазіи.

— Говорить надо не буржуа, — учитъ, — а буржуазь.

И въ другомъ селѣ тоже, говоритъ петербургскій, тутъ всѣ петербургскіе «изъ тучи», о интеллигенціи.

— Интеллигенція, — учитъ, — это ненормальное явленіе въ природѣ. Интеллигенція намъ не говоритъ правды. Интеллигенція, если при старомъ режимѣ и бывала откровенна, откровенность ея была продажной. Интеллигенція при катастрофическомъ столкновеніи классовъ должна погибнуть.

Ѣдемъ дальше, третье село — и въ третьемъ селѣ, — въ третьемъ селѣ солдаты:

— Долой царя, да здравствуетъ само-державіе!

За войну отстроили новую каменную церковь.

Старая деревянная съ колонками стоитъ — запустѣла. И старикъ священникъ померъ. Новый на его мѣстѣ, но ужъ въ новой церкви, въ войну опредѣлился, молодой.

— Царская теличка! — ухмыльнулся кучерь, — умора!

Попъ былъ изъ молодыхъ да ранній, и какъ пришла революція, очень испугался: перваго вѣдь будутъ громить попа! Собралъ онъ народъ въ церковь и все, что слышалъ: и былъ и небылъ, и о распутинскихъ чудесахъ, и о подземномъ телефонѣ въ Царскомъ селѣ — изъ Берлина прямо въ Петербургъ! — все вывелъ на чистую воду, а закончить рѣшилъ Кшесинской — самое громкое имя, не даромъ во дворцѣ ея Ленинъ засѣлъ. А какъ сказать: «балерина?» — не поймутъ. Придумалъ: скажу, пѣвичка. И сказалъ:

Вещи, которыя убѣгаютъ отъ меня тамъ, тутъ сами приходятъ ко мнѣ, но какія странныя! — обыкновенныя же долго не держатся: посуда выскальзываетъ изъ рукъ, и сколько я этого добра перебилъ отъ лампы до кувшина и отъ банки съ вареньемъ до цвѣточной вазы! — нѣтъ, не такія, а сучки какіе-то, палочки, какъ рожи, и рожицы, какъ палочки, зайцы, мыши, пауки и ни на что непохожее, вотъ что само приходитъ.

Я помню одного глинянаго конька-свистульку, которую я дарилъ ребятишкамъ — дѣти всегда смотрѣли на эти ни на что непохожія вещи вѣрнымъ глазомъ, какъ на живое, — я дарилъ конька, а онъ возвращался ко мнѣ.

Когда я иду по улицѣ, а передо мной, въ вихрѣ свертываясь, несутся прочь отъ меня вещи и улетаютъ, я иногда съ ужасомъ думаю: а что какъ вдругъ всѣ онѣ станутъ и я, конечно, крѣпко ударюсь и расшибу себѣ лобъ!

И также въ затворѣ моемъ эта мысль вдругъ приходитъ и я настораживаюсь: а что какъ вещи, которыя бѣгутъ отъ меня, хлынуть оттуда ко мнѣ и, конечно, задавятъ меня?

И эта мысль, нѣтъ не мысль, смутное чувство такой мысли держать меня въ постоянномъ напряженіи.

Я иду быстро, но очень бережно, какъ большіе звѣри, а перехожу на другую сторону, какъ заяцъ, кругами.

И отъ cadaго рѣзкаго или случайнаго звука сердце у меня стучитъ, какъ птичье.

И я не могу гулять — какъ это принято и среди людей, и среди рыбъ, и среди звѣрей — я только могу итти зачѣмъ-нибудь, чтобы какъ можно скорѣе забиться въ свою нору, откуда я могу, когда хочу, тогда и выйду.

Въ тюрьмѣ—въ прошломъ моемъ—я не нуждался ни въ какой прогулкѣ и могъ бы не выходить мѣсяцами изъ камеры, въ тюрьмѣ меня тяготило не это, я могъ бы безъ жалобы высидѣть годы, меня мучило насиліе надъ моей волей, принужденіе, я не могъ, когда х о ч у, выйти.

Въ тюрьмѣ, къ моему счастью, я попадалъ всегда въ одиночку, и всего нѣсколько разъ загоняли меня въ общую, а это тоже для меня, что на улицу — въ стихію грозную и безпощадную.

На людяхъ — такъ скажу — я пропаль бы.

На міру — и такъ скажу — потерялся-бъ.

И свидѣтельство мое о всеобщемъ возстаніи въ величайшій годъ русской жизни есть свидѣтельство такъ приспособившагося къ жизни, а иначе и невозможно, что какъ разъ самое кипучее — событія великихъ дней оказались закрыты для глазъ, и осталось одно — дуновение, отсвѣтъ, который выражался въ снахъ, да случайно западавшее слово въ неоглушенное шумомъ ухо, да обрывки событія, подсмотрѣннаго глазомъ, для котораго ничего не примелькалось.

И судъ мой есть судъ тоже человѣка, только забывшагося въ нору, для непрестанной духовной работы, съ сердцемъ — почему не сказать? — птицы, вздрагивающемъ при каждомъ уличномъ стукѣ и стучащемъ отвѣтно со стукомъ сердца всей страды міра.

II

— — пришелъ Пришвинъ на себя не похожъ, разстроенный: хохоль взбить, изъ носу волосъ, изъ ушей волосъ.

— Я каменный мостъ проглотилъ!—сказаль
раздѣльно не своимъ голосомъ, зѣвнулъ и
пропаль.

Въ селѣ Гребенниковкѣ во время молебна одинъ
крестьянинъ разбилъ икону Николы. Крестьяне поста-
новили удалить его на поселеніе и доставили въ тюрьму.
Уѣздный комитетъ вынесъ постановленіе: Гриценко,
разбившій икону, долженъ умереть голодной смертью.
Постановленіе приведено въ исполненіе.

Слушаю пѣніе и какъ-то не вѣрится: всѣ врозь —
и не замѣчаютъ.

Бараны прошли — пыль, какъ дымъ —

по у-ли-цѣ мо-сто-вой

III

— — сѣли обѣдать, Маша объясняетъ, по-
чему она запоздала съ обѣдомъ:

— Ничего еще не готово, только цыплята.
Я запихаль себѣ въ ротъ цѣлаго цыпленка,
давлюсь, рукой помогаю, а никакъ не про-
гложу.

Вижу — Андрей Бѣлый: его подвязываютъ
къ трапеціи и онъ кружится, какъ мельница,
совсѣмъ голый — по тѣлу рѣдкіе волосики
въ родѣ какъ когда курицу ощиплуть.

И я бѣгу изъ Рядовъ — лавки заперты — а сзади пожаръ: около нашего дома горитъ. «Стоило мнѣ, говорю, только выйти, какъ бѣда случилась, и это постоянно!»

IV

— — двѣ церкви московскія стоятъ рядушкомъ: одна — Троица съ огромнымъ иконостасомъ.

— Называется Улей.

А другая:

— Духовская.

Въ церкви служба идетъ.

Сталь и я подпѣвать. И Чехонинъ тоже поетъ.

(Чехонинъ только такъ называется Чехонинъ, на самомъ же дѣлѣ — художникъ Реми).

И попалъ я въ длинную прихожую: мнѣ обязательно надо видѣть Копельмана. Слышу разговоръ: всякій старается показать, что онъ есть самый изъ всѣхъ умный и все знаетъ. Догадываюсь, что это редакція.

И очутился я въ саду у пруда около чудесной яблони.

V

— — сидитъ на камушкѣ Андрей Бѣлый: на немъ германская шапка безъ козырька и солдатская шинель съ эполетами; эполеты —

это два перекрещивающихся шнурка съ маленькими черными орлами на концѣ, подъ орлами красные лоскутки, орлы свѣшиваются съ плечъ. И не въ 9-ой онъ арміи, а въ 8-й офицеромъ. Носъ необыкновенно заостренный, какъ у Гоголя, а смѣется, какъ Шишковъ.

— Что же ты теперь дѣлаешь?

— Солдатъ кормлю! — и улыбається, какъ Шишковъ.

«Ишь, вѣдь, думаю, какъ: Андрей Бѣлый поваромъ сдѣлался!»

Входимъ къ П. Е. Щеголеву.

Тамъ В. А. Ждановъ: онъ такой же, какъ въ Вологдѣ, только совсѣмъ сѣдой.

Андрей Бѣлый здоровається.

— Андрей Сѣрый, — рекомендується Андрей Бѣлый.

— Владимиръ Анатольевичъ Ждановъ.

И они цѣлуются.

И я поцѣловался.

И когда цѣловался, подумаль:

«При встрѣчѣ послѣ долгихъ лѣтъ надо цѣловаться подольше!»

— Какъ вы измѣнились, — говоритъ Ждановъ, — какъ напоминаете вы мнѣ доктора Аусгусса и тутъ въ щекахъ: Dr. Ausguss!

Изъ столовой выглядываетъ Л. Н. Ч.

— А это кто?

— А это, — говорю, — Любовь Николаевна, сестра Надежды Николаевны, вашей жены.

И думаю:

«Что же это онъ не признаеть, неужели спуталь?»

— Аугуссъ! Аугуссъ! — Ждановъ качаетъ головой, посматривая на меня съ удивленіемъ, — какое сходство!

Мы въ длинной комнатѣ, у насъ такой нѣтъ, и я знаю, что это не наша квартира.

Входитъ В. В. Розановъ.

— Покажи мнѣ кого-нибудь изъ 10-й арміи!

— Да кого-жъ я вамъ покажу, Василій Васильевичъ?

— Ну, скорѣй, скорѣй. Дѣло такое важное, я здѣсь и напишу.

А я думаю:

«Кого-жъ бы мнѣ показать: Виктора (моего брата) — ничего отъ него не добьешься, Соколова-Микитова — слова не выжмешь!»

А Розановъ очень волнуется, не присядетъ, а сѣменить такъ нетерпѣливо.

И я понялъ: что-то очень важное происходитъ.

Мы занимаемъ огромную квартиру и живемъ не одни. У насъ есть верхъ, куда ведетъ лѣстница изъ коридора, и внизу кухня. Квартира наша напоминаетъ Версальскій дворецъ. Я говорю швейцару Димитрію:

— Зачѣмъ, говорю, зря горитъ электричество?

А онъ мнѣ тихонько:

— Димитрій Петровичъ Семеновъ-Тяньшанскій мнѣ сказалъ, чтобы я жегъ побольше, а то Иванъ Алексѣевичъ Семеновъ и такъ ничего не платитъ.

— Да позвольте, говорю, вѣдь квартира-то моя, не Семенова!

И поднимаюсь на верхъ.

Тутъ какая-то дама, должно быть, это и есть сама Frau Nelke и съ ней Леонидъ Добронра-вовъ.

— Вамъ Добронраховъ больше всѣхъ изъ писателей нравится?

— Да-а, — я не нахожу, что отвѣтить, — да, онъ хорошо поетъ.

И подаю ноты: написаны рукой и краснымъ, и чернымъ.

— Пожалуйста, обратите вниманіе на это, это Андрей Бѣлый съ войны привезъ.

Добронраховъ поправилъ пенснэ.

— Это маршъ 13-го года.

Сѣли чай пить. С. П. разливаетъ чай.

Вдругъ мнѣ показалось, что съ ней что-то плохо, я бросился внизъ.

Лѣстница и коридоръ, какъ въ банѣ, съ по-толлка течетъ.

Я въ комнату — въ родѣ какъ чуланчикъ.

И вижу, Левъ Шестовъ сидитъ у стола.

«Вотъ, думаю, неожиданно: вернулся такъ рано!»

— Иди, говорю, на верхъ, тамъ дамы: Frau Nelke, Добронраховъ...

А онъ безнадежно:

— Давно этимъ не занимаюсь!

И пошелъ на верхъ.

А я на улицу. Перешелъ на ту сторону. Тамъ Соколовъ-Микитовъ живетъ.

Соколовъ-Микитовъ въ матросскомъ, а по-верхъ золотая венгерка съ красными шну-

рами, а сзади торчитъ препорядочный хвостъ, должно быть отъ барсука отрѣзанъ. Соколовъ - Микитовъ согласенъ, онъ пойдетъ со мной, только я долженъ напередъ телефонъ исправить.

— Коробка испортилась, которая на стѣнѣ виситъ.

Полѣзъ я коробку прочищать и снялъ крышку, продулъ, а надѣть не могу.

А меня торопятъ.

Я и такъ, и сякъ —

— Да скорѣй же!

Нѣтъ, ничего не выходить.

VI

— — рѣшаю купить себѣ всякихъ сластей: продажи больше не будетъ, лавку закроютъ черезъ пять минутъ! Я заторопился. И мнѣ отпускаютъ, да только очень медленно; медленно развѣшиваютъ: въ сахарной пудрѣ какъ крупинки шоколадъ. Боюсь, не успѣютъ. Продавщица на А. Д. Радлову похожа, а помогаетъ ей Бруно Майзельсъ — sanfterer Bruno! — такъ его всѣ называютъ, кротчайшимъ! Пошелъ дождь. Въ лавку набирается народъ.

И вдругъ вижу — и боюсь сказать себѣ — докторъ Нюренбергъ!

Весь онъ, какъ въ волшебномъ фонарѣ, весь истонченный, почти прозрачный и со-всѣмъ молодой: усы не подстрижены, а на самомъ дѣлѣ легкой черной чертой, и цѣлы всѣ

зубы. На немъ легкій сиреневатый пиджакъ и шелковый тончайшій галстукъ.

Онъ прямо подходитъ ко мнѣ и, улыбаясь, трясетъ мнѣ руку. И я вижу по его взгляду: онъ спрашиваетъ, узналъ ли я его, и самъ же безъ словъ утверждаетъ, что это онъ.

— С. П.! — говорю я, — Аронъ Давидовичъ!

С. П. о чемъ-то говоритъ съ нимъ. Онъ очень оживленъ. Но сразу видно, что онъ не здѣшній.

«Какъ это, думаю, никто не замѣчаетъ!»

Срокъ кончился: сейчасъ запрутъ лавку.

Мнѣ завернули небольшой пакетъ.

— 6 рублей, — говоритъ Анна Димитріевна, — 4 за товаръ и 2 за услуги: Брунъ рубль и мнѣ.

«Какія обдиралы!» — подумалъ я и вынимаю деньги.

— Ничего подобнаго! — Анна Димитріевна швырнула мой пакетъ, — вотъ если бы вамъ дали денегъ...

Втроемъ мы вышли изъ лавки.

Идемъ по улицѣ, потомъ по дорожкѣ — будто въ Парижѣ въ Булонскомъ лѣсу, а видно море.

— Мнѣ пора! — сказалъ Нюренбергъ.

«Почему?»

Но я это не сказалъ, онъ и такъ понялъ и только пожалъ плечами. И сталъ вдругъ сурьезный: видно, ему хотѣлось бы сказать, да онъ не могъ. И сталъ прощаться.

Съ жалостью смотрѣлъ онъ въ глаза и долго трясъ руку.

И я замѣтилъ, какъ онъ старается, чтобы рука моя не прикоснулась какъ къ нему, а дѣлаетъ это онъ такъ потому (онъ передалъ это мнѣ безъ словъ взглядомъ) —
— потому что, прикоснувшись, я почувствую скелеть мертвеца, а это очень страшно.

Быль пасмурный любимый день.

Въ одномъ изъ нюрнбергскихъ соборовъ на сѣрой каменной колоннѣ подвѣшена была картина: карта земли — вся война.

Вся война нарисована была кровавой до просачиванія красной и черной дымящейся краской. А около Вѣны небольшой медальонъ, тусклый съ маленькими фигурками, — рисовалъ Кустодіевъ.

Ааге Маделунгъ, датскій писатель, говоритъ мнѣ:

— Стоитъ вамъ вписать свое имя въ этотъ кружокъ, и война кончится!

И вижу, Горькій: переминаясь, поетъ онъ и что-то очень веселое поетъ, а слова какъ «со святыми упокой».

Сидитъ Буцъ, головой трясеть, языкъ высунулъ —

На солнце нашла туча и, какъ снѣжинки, полетѣли лепестки на зеленый дворъ.

Высоко летаютъ коромысла.

Юзефъ косу точитъ, кукуетъ кукушка.

Буцъ улегся.

И какъ, сторожевая трещетка, затрещалъ аистъ.

Больше солнце не выйдетъ, и закатъ будетъ туманный.

VII

— — я долженъ былъ нарисовать декорацию. И началъ ее дѣлать: я нарисовалъ огромную обезьяну. И тутъ я увидѣлъ: лишній кусокъ посередкѣ въ бокъ пошелъ. Тогда я отъ него внизъ еще нарисовалъ обезьяну. И получилось двѣ головы обезьяннихъ.

«Вотъ, думаю, какая ерунда вышла!»

— Да лучшей и не надо! — говоритъ Философовъ, — прямо въ Парижъ къ Дягилеву.

VIII

Сегодня вѣтерокъ подулъ и летитъ, летитъ акація — послѣдніе лепестки.

IX

Легъ поздно изъ-за газеты, и не могъ заснуть.

Ночью стоналъ кто-то, и мнѣ казалось, что это С. П. И я очень затревожился и все лежалъ и курилъ, готовый, если вдругъ что, подняться.

И когда я лежалъ, незамѣтно уходила ночь, и разсвѣтъ выражался въ колебаніи, точно

домъ — корабль,

а ночь — море.

Потомъ я увидѣлъ шторы и услышалъ первые клики птицъ и шаги.

— — умеръ отецъ И. А. Рязановскаго, его несли въ цинковомъ гробу; гробъ закрытъ крышкой, и только голова внѣ гроба поставлена впередъ, какъ на саркофагахъ: сѣдая голова съ длинной бородой.

Я это видѣлъ изъ кондитерской, гдѣ мнѣ сначала не хотѣли отпускать печенье, но потомъ по запискѣ И. А. Рязановскаго выдали. Я взялъ еще граненую бутылку водки. «Для гостей пригодится!»

И увидѣлъ Петра Прокопова: онъ сидитъ у моего брата Николая въ Большомъ Афанасіевскомъ переулкѣ, одинъ, за большимъ столомъ и клюетъ носомъ.

— Петръ Николаевичъ! — бужу его,—какъ вы сюда попали?

А онъ, точно въ рупоръ:

— Я комендантъ Николаевской дороги, сижу на дежурствѣ, билетовъ нѣтъ.

— — переѣзжаемъ на новую квартиру. Сначала я поселился въ какой-то общей комнатѣ «больничной», тамъ стояли «койки»: Б. В. Савинкова, Walpol'я и Williams'a. Потомъ я перенесъ свою кровать куда-то въ противоположный конецъ коридора. Тутъ

ушла у насъ прислуга — я ей и рису даль, просиль остаться, но она ушла. И прислуживаетъ намъ наша старая нянька покойница Прасковья, и служитъ она намъ, невидима для насъ. И опять мнѣ надо тащить мою кровать, и теперь ужъ въ отдѣльную комнату. Оказывается, мы будемъ жить въ комнатѣ, сосѣдней съ Замятинымъ, и платить будемъ 20 руб. въ мѣсяць.

Входитъ Замятинъ: онъ только что вернулся изъ Англии, онъ маленькаго роста, въ цилиндрѣ и совсѣмъ старый, а губы какъ покрашены ярко-лиловымъ; онъ заперъ на всячій замокъ свою комнату, прощается.

— Куда же это вы?

— По нуждѣ, — и, снявъ цилиндръ, раскланялся, — извините!

Наша комната на 6-мъ этажѣ, она въ видѣ театральной ложи, но безъ барьера и полъ очень шаткій, т. е. по просту легкая настилка, которая выходитъ, какъ крыша, надъ партеромъ, и каждую минуту отъ неосторожнаго движенія или просто подъ тяжестью нашей крыша эта провалится, и мы полетимъ въ партеръ.

Вещи наши ужъ летятъ: упаль комодъ, столъ, стулья — —

Но я хочу оправдать наше такое опасное житье:

— У насъ, — говорю — два выхода!

И узнаю, что министромъ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто Авксентьева назначенъ Сергѣй Порфирьевичъ Постниковъ.

— Потому что онъ единственный имѣеть власть.

При этомъ подразумѣвается, что власть вовсе не дается назначеніемъ — вѣдь любое и самое высокое мѣсто можно унизить! — власть это личное качество.

И съ такой прирожденной властью именно и есть Сергѣй Порфирьевичъ Постниковъ.

Такъ увѣряетъ меня К. С. Петровъ-Водкинъ: онъ тоже съ нами на крышѣ и въ рукахъ у него кисточка, которой онъ дирижируетъ.

XI

Много мнѣ сегодня снилось, но память о снѣ спугнули.

Писательское ремесло это ужасно какая вещь недо трога: улитка, ежикъ, котораго никакъ не погладишь.

Пустяки послѣдніе, слово, движеніе могутъ сдуть всю воздушную постройку.

И не знаю, у всѣхъ ли это такъ, но у меня — сущее несчастье.

И вотъ пустяками все разрушено до безпамятства. Одно помню, комаръ зудѣлъ, точно плакалъ.

Когда обвиняють всѣхъ только въ разбоѣ, только въ корысти, хочется наперекоръ обѣлять даже и ту тьму, которая есть.

Обвинители обыкновенно обвиняють сами-то изъ-за своей корысти.

- Чего вы траву мнете?
- Намъ теперь права даны.
- Вѣдь онъ же дерево!
- Изъ-за васъ деревомъ сдѣлался.

ХII

— — Ъхаль я съ Гординымъ въ лодкѣ, лодка закрыта крышкой, крышка, какъ опрокинутая лодка. На одномъ краю стояли мы и очень было страшно: вотъ-вотъ лодка перекувырнется.

Гординъ рассказывалъ, какъ онъ пишетъ романы. Ну, все какъ въ жизни:

— Ночью я занимаюсь романами, а днемъ пишу. А потому мои романы такъ живы, и особенно послѣдній: «Любовь къ тремъ апельсинамъ».

Тутъ появился И. П. Пономарьковъ регентъ и Петръ Прокоповъ и заспорили другъ съ другомъ, долго спорили, и все о философіи, какъ всегда, а потомъ, какъ всегда, запѣли: «Былъ у Христа младенца садъ» — Прокоповъ — тонко, Гординъ — потолще, а самъ Пономарьковъ — толстымъ голосомъ. И, какъ всегда, повторили пѣсню разъ десять.

Очень было страшно.

И вдругъ очутились мы въ автомобильѣ на Каменноостровскомъ и слѣзли около трамвая, и тутъ автомобиль заняли кондуктора, и мы остались съ носомъ.

Было, должно быть, очень холодно. Гординъ попросилъ старуху - торговку пальто

себѣ — тутъ и ларѣкъ ея — и старуха дала ему какое-то пожелтѣвшее драное и стала упрекать.

— Чего захотѣлъ, — ворчала старуха — мало ему печки, затопи улицу!

И я увидѣлъ, что Гординъ въ женскомъ платьѣ, и никто не подозрѣваетъ, что онъ наряженъ.

А старуха такое понесла, не дай Богъ. Гординъ въ слезы.

«Чего-жъ, думаю, не возразить!»

— Ничего, — отвѣчаетъ, — я напишу объ этомъ: я напишу «Любовь къ тремъ апельсинамъ», и поступлю въ женскій батальонъ смерти.

Все по какимъ-то улицамъ ходилъ я. Въ домъ вхожу, на самый на верхъ: тутъ Кузминъ М. А. и Юркунъ, и Зноско-Боровскій, и Сухотинъ, и Святополкъ-Мирскій. И я очутился въ Москвѣ въ Сыромятникахъ. Всѣ лежатъ въ залѣ и Блокъ.

— Александръ Александровичъ, — говорю, — Михаила-то Ивановича министромъ иностранныхъ дѣлъ назначили!

— Господи, что же это такое, — Блокъ очень встревожился, — по дѣлу Бейлиса? Я разыскиваю въ клиникѣ и самъ не знаю кого. Въ сыпномъ отдѣленіи прохожу коридоромъ: всѣ служители, какъ и больные, въ повязкахъ и даже городской.

Очень было страшно.

А когда выбрался, встрѣчаю на Литейномъ мосту Вл. Вас. Гиппиуса, здороваюсь, и въ эту минуту Гиппиусъ сливается съ Курицы-

нымъ, а Курицынъ превращается въ Кондурушкиныхъ.

И все вдругъ истлѣло.

Какъ успокаиваетъ, когда въ теплый лѣтній день слышишь, какъ пилють дрова.

XIII

— — жду очереди сниматься; много насъ ждетъ и П. Е. Щеголевъ. А снимаетъ Д. С. Мережковскій и снимаетъ очень медленно: какой же Мережковскій фотографъ!

Наконецъ и моя очередь: меня усаживаютъ въ кресло, а сзади садится Лундбергъ — всѣхъ такъ и снимаютъ на фонѣ Лундберга. И бѣжимъ мы куда-то и на какомъ-то мосту неизвѣстно зачѣмъ, такъ по-пути, отсѣкъ я голову Тинякову, бросилъ голову и опять бѣгу, стираю кровь съ пальцевъ.

Надо ѣхать въ Эссенуки, — С. П. приѣдетъ потомъ, — насъ четверо: Андрей Бѣлый, В. С. Миролюбовъ, С. С. Прокофьевъ. Багажа у насъ никакого нѣтъ, только ноты. Мы будемъ играть коротенькія пьесы съ музыкой, пѣніемъ и танцами. Осталось мало времени, а собираемся мы изъ Сырмятниковъ.

Я хожу по огороду около Андроніева монастыря, на грядахъ кучи яблокъ — «черное яблоко»

«Черновъ собралъ изъ ломаннаго желѣза!»
И вдругъ откуда ни возьмись, идетъ Тиня-
ковъ — —

★

Когда свинья ѣстъ, она хвостикомъ помахиваетъ.

XIV

— — сегодня мое рожденье: на окнѣ у Шкловскаго на стеклѣ пальцемъ написано. А окно выходитъ въ садъ. Много собралось народу, кого только нѣтъ! И ѣдемъ мы въ трамваѣ — полнымъ полно, висятъ! На мосту трамвай сворачиваетъ съ пути и идетъ около самага краю, периль нѣтъ, того и гляди полетимъ въ воду. Я-то на площадкѣ, выскочу, а вотъ С. П. въ вагонѣ —

и это меня мучаетъ и то еще, что не пригласилъ Шкловскаго: нѣтъ его ни въ вагонѣ, ни на площадкѣ.

— Андрей Бѣлый хвостикъ себѣ переломилъ, — говоритъ Ф. Е., — и теперь онъ какъ ангелъ, *in eine höhere Region hinaufgestiegen!*

И вотъ я одинъ. Сумракъ, дождикъ. Едва различаю дорогу.

Кто-то похожій на Аркадія Зонова тихо:

— А я останусь еще на день, съ Иліодоромъ поговорю.

И вижу подходитъ монахъ.

Должно быть это и есть Иліодоръ! — стараюсь разсмотрѣть лицо, а очень темно.

«Можетъ, и мнѣ остаться?»

И иду дальше.

Два монаха навстрѣчу такіе же, какъ тотъ, Иліодоры.

— Нѣтъ, — говоритъ одинъ, — выходъ есть.

XV

— — рѣчь шла о клятвѣ и присягѣ; въ нарушеніи клятвы и заключалась вся суть событій — вся революція.

И я попалъ въ какое-то училище и тамъ учатъ гимнастикѣ: учитъ Балтрушайтисъ, а распоряжается Брюсовъ.

И меня заставили прыгать черезъ «кобылу». Мнѣ очень трудно, а прыгаю.

И вдругъ появляется Вячеславъ Ивановъ и торжественно объявляетъ:

— Урокъ кончился! Сейчасъ начнутъ дѣлать прививку комариную!

Никакія и самыя справедливѣйшія учрежденія и самый правильный строй жизни не измѣняютъ человѣка, если что-то не измѣнится въ его душѣ—не раскроется душа и искра Божія не взблеснетъ въ ней.

А если искра Божія взблеснетъ въ душѣ человеческой, не надо и головы ломать ни о справедливѣйшихъ учрежденіяхъ, ни о правильномъ строѣ жизни,

потому что съ раскрытой душой само собой не можетъ быть среди людей несправедливости и неправильности.

XVI

— — купилъ я себѣ ботинки очень дорогіе за 100 рублей и еще за 150 на Невскомъ въ табачномъ магазинѣ у Баннова.

Шелъ я къ Александро-Невской Лаврѣ съ Ѳ. И. Щеколдинымъ. Строятъ домъ, какъ игрушечный, раскрашиваетъ Владимиръ Бурлюкъ. Здѣсь же сидитъ и Петровъ-Водкинъ и съ нимъ Клопотовскій: Клопотовскій весь татуированъ.

— Художникъ долженъ поменьше разсуждать, тогда и выйдетъ картина! — сказала Петровъ-Водкинъ и ткнулъ пальцемъ въ Клопотовскаго.

Идемъ дальше —

Ѳ. И. Щеколдину надо къ Нарвскимъ воротамъ. А я совсѣмъ запутался и не знаю, какъ это ему показать.

— Да вонъ налѣво! — говоритъ хозяйка Пришвина Копецъ: вмѣсто брошки у нея обезьяній знакъ, а на рукѣ пришвинскій сюртукъ для продажи.

И я соображаю, что вышли мы къ Покрову — покровскій рынокъ.

Гдѣ-то за городомъ иду — мѣста незнакомыя — рѣдкія постройки, памятники, надпись: «строилъ художникъ Левъ Бруни». Много цвѣтовъ. И я повернулъ назадъ.

Навстрѣчу католическая процессія — одни маленькія дѣвочки. Поютъ Марсельезу по-французски.

«Зачѣмъ же это онѣ поютъ такое?»

— Это святая пѣсня! — говорятъ мнѣ.

И я вхожу въ прихожую и прямо на зеркало.

По сосѣдству въ открытую комнату — я вижу это въ зеркало — входитъ В. Ф. Коммиссаржевская съ мужемъ: мужъ ея инженеръ.

Оба говорятъ мнѣ, чтобы я пришелъ къ нимъ непременно.

И я попадаю на дачу Дурново.

У меня въ рукахъ рукопись: «лирическая проза» — воззваніе, которое написалъ я для К. Ѳ. Залита.

Залитъ сидитъ у стола и чиститъ, какъ картошку, ручныя бомбы.

— Это воззваніе, — говорю, — можно напечатать черезъ мужа Коммиссаржевской и расклеить на Васильевскомъ островѣ!

— Съ добрымъ утречкомъ! — отзывается Залитъ и, не подымая головы, продолжаетъ работу, — *Bleichman ist schon gestorben!*

Танцуютъ.

«Въ такое время танцуютъ!»

И говорю громко:

— Вѣдь это весна!

Среди танцующихъ — И. Гюнтеръ, Шкловскій, Ховинъ, Пуни, Пунинъ и Богуславская. А играетъ Петровъ-Водкинъ.

— Слышу вашъ голосъ, — говоритъ Ком-

миссаржевская, — и думаю: что же это вы не заходите къ намъ!

Я оборачиваюсь и вспоминаю рукопись: «лирическая проза».

И вижу въ зеркалѣ: И. А. Рязановскій въ пожарной каскѣ верхомъ съ портфелемъ ѣдетъ на выборгскую сторону въ «Кресты».

XVII

— — угощаю И. А. Рязановскаго пирожнымъ яблочнымъ: на сковородкѣ прямо ножомъ цѣлые поджаристые круги снимаю.

Слышу, наверху стучать.

Иванъ Александровичъ испугался: кто можетъ стучать?

Тихонечко на цыпочкахъ пошли мы въ кухню — тамъ плотники работали на кухнѣ.

— Климъ! — покликалъ я.

Но никто не отвѣтилъ.

— Климуска! — ужъ пропищалъ какъ-то заискивающе И. А.

Кто-то отозвался:

— Готово, — и опять, — забираемъ!

— Что? — у И. А. дрожали колѣнки.

Да, это, конечно, былъ Климъ.

И мы пошли наверхъ.

— Я говорилъ, что Климъ! — И. А. покраснѣлъ весь: страхъ его прошелъ.

Безъ пиджака, подпрыгивая, шелъ онъ сзади. Оказывается, лопнулъ водопроводъ и вотъ Климъ заколачивалъ стѣну.

Отъ лѣстницы по правую руку стѣна вся въ картинахъ. Нѣкоторыя пришлось опустить и внизу ихъ закрыли бочкой.

— Ольга Михайловна Персиць сказала, чтобы эти яблоки сохранить! — показалъ Климъ на покосившуюся картину, на которой были нарисованы какіе-то собачьи хвосты въ крапивѣ.

Кромѣ Клина со стѣной работали еще три плотника. Климъ имъ что-то рассказывалъ. — А главное произойдетъ въ пятницу! — сказалъ Климъ и, поплевавъ себѣ на руки, ударилъ топоромъ о стѣну.

И. А. присѣлъ, и изъ него вдругъ пошелъ дымъ душистый и ѣдкій — —

А я очутился въ магазинѣ.

Продавщица О. М. Персиць: одна нога утиная, другая куриная. А помогаетъ ей Е. С. Пинесь. Весь магазинъ заваленъ яблоками. На стѣнѣ надпись: «не для продажи».

Въ магазинъ входитъ мальчикъ.

— Glasspapier! — говоритъ онъ.

О. М. завертываетъ что-то, а Пинесь подаетъ счетъ.

Это большой листъ съ картинкой: нарисованы куры, а подписано — «вся власть совѣтамъ». Первая цифра — 1 р. 60 к. и затѣмъ колонкой мелко, не разобрать.

И выходитъ такъ: старыя мои ботинки не починили, а сдѣлали новыя и эти новыя продали, и теперь возвращаютъ мнѣ непочиненныя старыя, и я же долженъ заплатить и за новыя проданныя и за починку.

Я положилъ счетъ въ карманъ:

— Я покажу это въ Совѣтѣ.

— Ради Бога! не дѣлайте!

— Нѣтъ, я это сдѣлаю.

И снялъ я ботинки, швырнулъ въ яблоки и въ однихъ чулкахъ вышелъ.

О. М. догоняетъ меня — одна нога утиная, другая куриная, — схватилась за руку.

— Не ходите!

И вижу: очень взволнована.

— Не ходите! — проситъ, — тамъ озеро, такая глубь, одни раки плаваютъ.

А я никакъ не пойму: куда не ходить, какое озеро, какіе раки?

И вдругъ вспоминаю: «Glasspapier! — и говорю:

— Что же это Ефимъ Семеновичъ давно яблоками торгуетъ?

— Какими яблоками?

И вдругъ, отпрыгнувъ, стала на кочку — одна нога утиная, другая куриная.

.
Въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ стою на галлерей. Тутъ же и Пришвинъ: Пришвинъ самоваръ ставитъ—углей нѣтъ, стружками. Иду внизъ.

— Снимите шапку! — говоритъ кто-то.

И я вижу, всѣ въ шапкахъ и я въ шапкѣ. Снялъ я скорѣй шапку, пробираюсь черезъ народъ къ середкѣ.

А. Г. Горнфельдъ у рѣшетки съ папирсой. — Съ папирсой нельзя въ церкви! — говоритъ Горнфельдъ и мнѣ такъ показываетъ, словно-бъ я курилъ, а онъ не причемъ.

У мощей Ермогена С. Θ. Платоновъ и съ нимъ Д. А. Левинъ.

Кончаютъ молебень.

И мы выходимъ втроемъ.

Около церкви «Двѣнадцати апостоловъ» странникъ раздаетъ книжки. И на одной книжкѣ онъ надписаль что-то. И подаетъ Д. А. Левину.

И тутъ я догадался, что не Левинъ это, а Левинымъ замаскирована какая-то преслѣдуемая великая княгиня, и оттого все лицо ея краской измазано подъ Левина.

У колокольни Ивана Великаго садятся обѣдать. Я отказываюсь. С. Θ. Платоновъ благодарить меня за отказъ, и подвигаетъ себѣ большую миску со столбцами XVII вѣка: они какъ макароны въ сухарикахъ.

— Покажите, — говорю Левину, — книжку мнѣ съ надписью.

— Хорошо, послѣ дождика, — и смѣется, лицо накрашенное.

Въ Успенскомъ Соборѣ стоимъ: много народу. Въ Левинѣ узнали, но не показываютъ виду, только смѣются.

— Мнѣ нужно къ М. М. Исаеву, — говоритъ мнѣ Левинъ.

— Онъ добрый человѣкъ.

— Ну, нѣтъ, я у него въ кухаркахъ служила!

★

По постановленію татарскихъ и лезгинскихъ комитетовъ въ городѣ Закаталѣ, вдовцы и вдовы, имѣющіе дѣтей и внуковъ, обязаны вступать въ бракъ.

Три вдовы, отказавшіяся выйти замужъ, заключены въ хлѣвъ и будутъ содержаться въ хлѣву, пока не согласятся на бракъ.

XVIII

— — З. И. Гржебинъ страшно растерянный.

М. К. къ П. Е. Щеголеву взволнованно:

— Зачѣмъ этихъ дураковъ позвали?

— Да мы сейчасъ партію съ ними устроимъ, Марья Константиновна!

И съ Гржебинымъ раскладываютъ ломберный столикъ.

Въ вагонѣ тѣсно и неудобно. Ёду я, неизвѣстно куда, и зачѣмъ, не знаю, — знаю, долго мнѣ ѣхать.

З. И. Гржебинъ разложилъ картинки:

— Это — вдоль и поперекъ.

— А это — сзади напередъ.

— А это — вверхъ и внизъ.

Одни палочки, а рисовалъ Луначарскій.

— Луначарскаго, — говоритъ Гржебинъ, — въ Городскую думу выбрали; три милліона мужского населенія, не считая переходнаго возраста, женщинъ и дѣтей.

— А Павла Елисеевича, — говорю, — никуда еще не выбрали?

— А это — — Гржебинъ развернулъ еще картинку.

Входитъ старшій дворникъ Антиповъ Иванъ Антипычъ.

— Вы дрова брали? — говоритъ мнѣ.

— Нѣтъ, — говорю, — не бралъ.

— А то, можетъ, брали? Да я такъ спросилъ на счетъ билетиковъ.

— У меня и книжки-то нѣтъ! да и зачѣмъ же я буду скрывать, что вы!

— Интеллигенція, — говоритъ дворникъ, — интеллигенція противъ.

Тутъ какая-то Маша, должно быть отъ уполномоченнаго Семенова, показываетъ мнѣ на столъ.

А на столѣ нарисована рожа и всякіе крендели выведены не то іодомъ, не то тѣмъ желтымъ, чѣмъ письма мазали, цензуруя.

— Это дворникъ, — говоритъ Маша, — дворникъ какъ придетъ съ дровами, такъ рисовать.

И входитъ Бабушка (Брешковская) и съ ней М. И. Терещенко; Терещенко — желтый такой весь...

— Вотъ посмотрите, — Прокофьевъ развернулъ ноты, — мое сочиненіе: Бабушкины сказки!

Пасмурно и свѣжо, вѣтеръ большой.

Ничего не писалось за весь день, только рисовалъ.

Оттого, что былъ дождь, мальчикъ не пойдетъ за газетами, такъ и не узнаемъ, чѣмъ окончилась воскресная демонстрація въ Петербургѣ.

Тучи идутъ валами —

А птицы все-таки поютъ и куковала кукушка.

Все утро по двору конь ходилъ — еще бы, сколько за всѣ эти жаркіе дни всякихъ мухъ перекусило его!

Послѣднюю недѣлю я совсѣмъ не выхожу изъ комнаты, только утромъ послѣ чаю на минутку.

Смотрю въ окно — —

Ничего мнѣ не хочется: ни писать, ни читать.

XIX

— — я залѣзъ на галерею высочайшаго театра.

З. И. Гржебинъ говорилъ мнѣ — «три милліона ступенекъ, не считая приступокъ и заходовъ» — а я насчиталъ однѣхъ приступокъ до милліона.

Мѣста надо занимать съ налету, какъ въ игрѣ «въ свои сосѣди».

Я бросился, куда попало и наскочилъ на Шаляпина.

— Всѣ предки мои до двѣнадцатаго колѣна носили фамилію Шаляпиныхъ, а Гржебинъ опровергаетъ.

— Что-жъ говорить Гржебинъ?

— Да ничего не говорить.

Вступился Горькій:

— Въ нашемъ роду,—сказалъ А. М., — съ незапамятныхъ временъ всегда были Пѣшковы и никакихъ Горькихъ. Дѣло это сухопутное и невооруженнымъ глазомъ не разобрать.

Но тутъ П. Е. Щеголевъ деликатно согналъ насъ съ мѣста и, усѣвшись поудобнѣе, развернулъ газету.

А я попалъ въ Таганку въ Готовъ переулокъ.

Я долженъ ходить за царскими дѣтьми и караулить: ихъ пятеро и всѣ они маленькія, лѣтъ такъ семь — восемь, въ бѣломъ —

«Плохо, думаю, дѣло, какой же я караульщикъ!»

А Ида говоритъ:

— Ничего, мы справимся. У А. А. Архангельскаго сбоку три ноздри выросло.

XX

— — пришелъ въ театръ на оперу и вижу, сидитъ въ первомъ ряду П. П. Сувчинскій, грибы чиститъ, поганки.

Я съ нимъ поздоровался и сѣлъ рядомъ.

— Самъ собиралъ, — сказалъ Сувчинскій, — по новому способу, въ закрытомъ помѣщеніи.

И прохожу я съ Шаляпинымъ къ самой рампѣ.

Поетъ какая-то пѣвица — сдавленный голосъ, а сама улыбается.

Вышла другая —

Шаляпинъ вынулъ тетрадку и пишетъ ноты: краснымъ и чернымъ.

— По новому способу, — говоритъ онъ, — новая опера: «Г е л и к о н ъ».

И напѣваетъ.

Сергѣй (Ремизовъ) рассказываетъ о новой московской квартирѣ: тамъ онъ и помѣститъ насъ.

Мы взяли билеты и поѣхали на вокзалъ. Дорогой заѣхали въ ресторанъ. Тамъ и та актриса — «сдавленный голосъ».

— Намъ надо торопиться на поѣздъ.

И прощаюсь.

Актриса поцѣловала мнѣ руку.

— Не вытирайте, пожалуйста!

И мы попали въ квартиру доктора Срезневскаго.

Приемная въ видѣ фонаря, какъ въ редакціи «Новой Жизни», а въ оконную раму вдѣланъ образъ — «Глава Іоанна Предтечи», а подъ образомъ сидитъ художникъ Егоръ Нарбутъ и куритъ трубку.

Я зачѣмъ-то раздѣваюсь.

А Нарбутъ Владимиръ торопитъ.

И я опять одѣлся.

— Выѣхать очень трудно, — говоритъ онъ, — а главное, нашъ поѣздъ могъ давно ужъ уйти.

Мы идемъ пѣшкомъ и не увѣрены, куда повернуть. И вдругъ видимъ зеленый заборъ. — Святая Софія, — говоритъ художникъ Нарбутъ, — идемъ правильно.

Мы очень обрадовались, перешли по рельсамъ со спуска въ гору и идемъ насыпью.

И вотъ откуда ни взялся мальчишка вороватый, жалуется, на меня показываетъ.

— Этотъ, — показываетъ на меня, — бросилъ коробку съ порошкомъ!

И вижу, народъ собирается.

А мальчишка вертится, жалуется, подстрекаетъ:

— Коробку съ порошкомъ!

— Да это, — говорю, — желтая коробка изъ-подъ банновскихъ папирозъ, въ ней просыпанный зубной порошокъ и карлсбадская соль.

Не вѣрятъ.

И все тѣснѣй окружаютъ меня.

— Коробку съ порошкомъ! — ужъ не вертится, а кружится, какъ волчокъ, мальчишка.

— Хиба! — сказалъ Нарбутъ.

И поѣздъ тронулся.

Послѣ дневного дождя, когда вѣтеръ расчистилъ полосу на закатѣ и ожили птицы, въ первый разъ затрубили жабы на болотѣ.

Когда я на ночь тушу свѣтъ, начинается звонъ — точно гдѣ-то далеко въ набать бьютъ: звонить комарь.

XXI

— — мы были въ Іерусалимѣ, потомъ на Аѳонѣ. И рѣшили дома отслужить всенощную. Изъ Іерусалима у насъ свѣчи, а съ Аѳона забыли.

Въ коридорѣ стоитъ Распятіе и передъ нимъ красная лампадка, я самъ зажегъ эту лампадку.

Ждемъ Верховскихъ со всѣми дѣтьми.

Соколовъ-Микитовъ въ углу сѣти чинить.

Думаю, тѣсно будетъ!

И очутился въ Греціи. Тамъ война. И вижу Елизавету Михайловну Терещенко: вся заплаканная, а чему-то радуется.

И вотъ гдѣ-то, не то въ Пензѣ, не то въ Устьсысольскѣ, въ учительской комнатѣ профессоръ Я. Я. Никитинскій и съ нимъ какіе-то, на А. М. Коноплянцева похожіе.

Идетъ споръ: хотятъ вычеркнуть Гоголя.

И постановленіе вынесли: вычеркнуть!

И вижу Г. В. Вильямсъ въ солдатской шинели, онъ вышелъ на балконъ, поднялъ черное знамя и сказалъ:

— Запрещаю выходить на улицу и собираться въ собранія!

«Какъ же, думаю, всеночную-то служить?»

И вижу: въ коридорѣ Распятіе, красная лампадка, и Сергѣй молится.

Монахъ рассказываетъ мнѣ о чудесахъ аѳонскихъ, какъ его на Аѳонѣ исправили: былъ онъ неспособенъ по рожденію и соблюдалъ...

— А теперь могу сноситься!

Монахъ при этомъ двусмысленно подкашливалъ и подмигивалъ въ уголь, гдѣ сидѣлъ Соколовъ-Микитовъ и чинилъ сѣти.

— Пойдемте, поищемъ! — сказалъ онъ Микитову.

Народу къ службѣ собирается много: Алексѣй Толстой, Ѳ. И. Щеколдинъ, С. М. Городецкій, Яценко въ крылаткѣ.

Кто-то, я не вижу, рассказываетъ, что Сергѣй померъ.

— Совсѣмъ посѣдѣлъ и померъ.

★

Чтобы увидѣть домового, надо въ Великій четвергъ понести ему творогу на чердакъ, — такъ и сдѣлала одна и хоть видѣть его не видѣла, а ощупала таки: мягкій!

Если онъ скажетъ: у-у-у! — это хорошо.

А если: е-е! — это плохо.

Одна баба не велѣла соръ изъ избы выметать, а велѣла заметать все въ уголь. А въ Великій четвергъ, когда осталась одна, надѣла она бѣлую рубаху и плясала на этомъ сору два часа — всю всюнощную. И сталь къ ней по ночамъ прилетать золотой снопъ: прилетитъ и рассыплется!

XXII

— — безулыбная старуха Прасковья Пименова влѣзла въ духовку.

Вошелъ Клюевъ: онъ въ огромной соломенной шляпѣ, въ поддѣвкѣ, но ужъ безъ своего серебрянаго креста.

— Страха ради революціи.

У насъ стоитъ инструментъ: не то это арфа, не то гусли, — и никакъ не подойдешь.

— Не арфа и не гусли, — объясняетъ Клюевъ, — а самопишущее перо Adler, безъ чернилъ пишетъ.

Мы ходимъ вокругъ инструмента, но потрогать нѣтъ никакой возможности.

П. С. Романовъ и И. В. Жилкинъ разсматриваютъ матеріи.

— Революція, — говоритъ А. С. Рославлевъ, — это перекопъ всей земли; она встряхнетъ все до основанія. Надо разбить всѣ стекла,

посшибать съ колоколенъ кресты и по возможности перетасовать все населеніе: первые да будутъ послѣдними и послѣдніе будутъ первыми. И тогда начнется новая жизнь!

А я сижу одинъ и со мною Н., только она гораздо меньше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, она меня слушаетъ, а я ей рассказываю о нашемъ трудномъ житьѣ-бытьѣ.

И начинается словесное: всѣ вещи исчезли, одни слова —

дѣленіе состоянія души.

И я прохожу отъ обыденнаго къ истонченной сложнѣйшей отвлеченности, а въ житейскомъ поднимаюсь съ Земляного вала въ Таганку.

Просыпаюсь, еще ночь — лунная холодная ночь — и слышу поють — —

Это была какая-то вѣдовская пѣсня: женскіе охрипшіе голоса врозь съ мужскими.

Я долго лежалъ, не могъ заснуть, все слушалъ: голоса скакали, крутились, «катали», какъ тутъ говорятъ, пѣли купальскія пѣсни.

XXIII

— — задано два сочиненія: по русскому и по закону Божьему.

Законоучитель Г. Ѳ. Виноградовъ отъ Николы-красный-звонъ читалъ молитву съ особенными удареніями. Всѣ стояли на ко-

лѣняхъ. А я отдѣльно за колоннами и тоже сталъ на колѣни.

Я думалъ, что это затѣяно больше для рекламы, чтобы побольше было разговору, но И. А. Рязановскій, наблюдавшій съ колонны, показалъ мнѣ знаками, что это дѣлается по инструкціи Тинякова и Исаева.

И я сталъ въ очередь: справиться о моей рукописи.

И все не такъ дѣлаю: тѣ, кто стоялъ куда сзади, давно меня перегнали, а я топчусь на одномъ мѣстѣ и ужъ нѣтъ надежды дойти до редакціи.

Вижу падчерицу Розанова Александру Михайловну: она получила отвѣтъ — «принята».

Хозяинъ дома Ф. Ф. Фидлеръ.

Я поднимаюсь по лѣстницѣ — лежатъ на кроватяхъ: Рославлевъ, Андрусонъ, Ленскій, Годинъ, Цензоръ, Муйжель, Яблочковъ, Свирскій и Котылевъ.

— А, — говорятъ, — теперь вы у насъ будете!

— Съ нами! съ нами!

И какъ черти возятся.

Муйжель насадилъ на хвостъ себѣ Година и Рославлева, какъ на коль, потряхиваетъ, а тѣ гогочуть. Котылевъ голый — на голое тѣло смокингъ, распоряжается.

— Съ нами! съ нами!

Иду дальше.

П. А. Митропанъ показываетъ на руку:

— Тайна знака, — говоритъ онъ, — тайный знакъ.

Иду дальше.

М. А. Кузминъ: онъ роста, какъ Рославлевъ, и съ длинной черной бородой, ѣстъ редиску. — Въ школу прапорщиковъ мнѣ нельзя поступить! — говоритъ онъ.

— А какъ же Пясть?

— А Пясть готовится.

«Тайна знака, — вспоминаю, — тайный знакъ.»

— А васъ въ Обуховскую больницу положить на испытаніе.

Спускаюсь внизъ —

«По глазамъ! Зачѣмъ же въ Обуховскую?»

Викторъ (Ремизовъ) объясняетъ: онъ слышалъ, какъ надо это дѣлать.

— Надо натошакъ выпить бутылку коньяку. Но для чего это, — для того ли, чтобы ничего не видѣть, или для общаго ослабленія? — непонятно.

— Да я одинъ не могу выпить бутылку!

И тихонько спустился подъ лѣстницу —

А тамъ И. А. Рязановскій.

Этакую — куда выше шкапа такое сдѣлалъ толстыми кругами и самъ вокругъ ходитъ, какъ котъ, доволенъ —

XXIV

— — примостились на площади въ палаткахъ, площадь длинная — Сухаревка.

Пасмурно — мглистое утро московское.

На другомъ концѣ площади мучаютъ.

— Мучаютъ, — говоритъ кто-то, — казнь особенная.

Особенная издѣвательская казнь: кромѣ всякихъ уколовъ и подколовъ, — это пустяки! — заставляютъ еще дѣлать человѣка такое, что ему особенно трудно и даже противно.

И доводятъ жертву по послѣдняго отчаянія, и ужъ несчастный умоляетъ о смерти.

— Смерть съ удовольствіемъ! — объясняетъ кто-то.

Или лишаютъ человѣка свѣта, а потомъ выведутъ изъ погреба и тотъ свѣту обрадуется и начнетъ благодарить.

— Казнь съ благодарностью! — объясняетъ кто-то.

На другомъ концѣ площади мучаютъ.

— Казнь съ благословеніемъ!

Отнять у человѣка все и потомъ дать ему крупицу, и какъ за эту крупицу будетъ тебѣ благодаренъ, больше, благословить тебя.

Отнять у человѣка и тогда онъ оцѣнить, какое благо имѣлъ онъ и не цѣнилъ.

И самая жарчайшая память и самая глубочайшая благодарность и восторгъ передъ жизнью и благословеніе смерти — все человеческое рожденное, всѣ голоса полногласно звучали на другомъ концѣ площади, гдѣ мучали.

Какъ карандашъ чинятъ, такъ стругали мясо души человеческой.

И негодуя, и возмущаясь, мы пошли домой.

Воскресенская площадь — пустынно, какъ ночью, и мглисто, сѣрый московскій день. Вдругъ откуда-то городовые, и одинъ ко мнѣ:

— У васъ будетъ обыскъ, — говоритъ, — ваши рисунки подсмотрѣли!

И побѣжалъ, и за нимъ другіе.

Я понялъ такъ, что они бѣгутъ на площадь казни, а послѣ обыска и меня погонять туда же.

Но что же такое мои картинки? Какой же я художникъ? И если я нарисовалъ «свободу печати», вѣдь безъ подписи никто не пойметъ, что изнасилованная птица и есть свобода печати!

А Совѣтъ и лозунги я нарисовалъ зеленымъ, и если у меня вездѣ однѣ рожи, но я только и умѣю рисовать рожи — рожицы кривыя.

— Все равно, — говоритъ кто-то, — ты не смѣешь рисовать и кривыя, все равно и твоя участь — площадь. Есть особенная «художественная казнь» — для писателей — это отрывать и разсѣивать, ни на минуту не оставляя въ покоѣ, ни на минуту не давая человѣку сосредоточить мысли.

— Но вѣдь все это я уже разъ пережилъ! — хочу какъ-то выпутаться.

— Все равно, не считается. Да и по дѣлѣ. Въ какомъ-то коридорѣ — похоже, какъ въ Аничковомъ дворцѣ, гдѣ выдавали авторскія за постановки —

Мнѣ предлагаютъ новенькую студенческую шинель.

А есть рваное пожелтѣлое пальто, лосное отъ селенокъ и керосину.

Я взялъ рваное, нарядился и пошелъ домой. Тамъ кровать и около вещи свалены.

— Это Сергѣя (Ремизова) кровать и вещи его, — говорить кто-то, — скоро ему въ дорогу.

И чего-то мнѣ страшно стало, я къ двери — вѣдь это въ Сыромятникахъ, всѣ двери знакомы! — а дверь заперта. Ищу ключъ. Ночь.

Чуть освѣщено — одна кухонная керосиновая лампа съ закоптѣлымъ стекломъ.

Надъ дверью широкое стекло.

И вдругъ вижу: голыя ноги сверху — я ужъ такое видѣлъ разъ въ госпиталѣ, когда въ гробъ клали.

И стѣна разошлась, какъ провалъ — — чуть свѣтаетъ, осеннее утро. Замоскворѣчье въ туманѣ — Ордынка, Полянка, Болото.

Къ Благовѣщенскому собору собирается крестный ходъ.

— Карауль!

— уль!

— уль!

Толчемся въ прихожей у Садовскаго, въ комнаты: онъ не приглашаетъ.

Иду въ нашу новую квартиру.

Оказалось, изъ моей комнаты есть ходъ (стеклянная дверь) прямо на волю.

«Какъ же, думаю, до сихъ поръ мы и не знали про этотъ ходъ!»

Иду за стуломъ черезъ коридоръ мимо чужихъ комнатъ — все стеклянное. Взялъ стулъ и назадъ. Спускаюсь по лѣстницѣ. А за мной какая-то по ступенькамъ на одной ногѣ, напѣваетъ:

— Вѣра Степанова! — Вѣра Степанова!

Обернулся я:

— Гриневичъ? — говорю.

— Нѣтъ, — смѣется, — наша!

— А Лидія Акимовна, — Садовской отъ удовольствія потираетъ руки, — Лидія Акимовна за третьяго вышла. Пришвинъ очень обиженъ: его чести будто бы лишили!

— Ну, что за пустяки, говорю, при чемъ честь!

XXV

— — загорѣлся сосѣдній домъ, пожаръ залили, а у насъ всѣ стекла побиты.

Сосѣди наши нѣмцы, мы зашли къ нимъ — все перевернуто, смотрѣть жалко.

«Ну, думаю, они поправятся, а мы такъ и будемъ съ разбитыми окнами!»

И поѣхалъ я на автомобилъ съ А. С. Смирновымъ — повезъ кукольную пьесу. Тутъ, откуда ни возьмись, Котылевъ.

— Я, говоритъ, — въ каиниты поступилъ. Теперь революція: все на свѣтъ, все вверхъ тормашками!

XXVI

— — каждый изъ насъ долженъ нарисовать проектъ воздушнаго корабля.

И всѣ мы идемъ по очереди со своими проектами — у cadaго въ рукѣ свитокъ.

И летимъ —

И все ничего — мы летимъ и не знаемъ куда, а надо, какъ оказывается, непременно въ Романовъ-Борисоглѣбскъ.

А когда прилетѣли въ Романовъ, оказывается, должны еще дѣлать экскурсіи въ окрестностяхъ.

Летѣть вверхъ — очень тянетъ внизъ, а внизъ — ужасно.

Я сидѣлъ на самомъ днѣ, — весь корабль сдѣланъ былъ изъ тончайшихъ пластинокъ, на еще тонѣйшихъ рельсахъ, безъ мотора. Корабль выплылъ надъ рѣкой и повисъ.

Я выглянулъ на волю: пасмурно.

А кто-то говоритъ про меня:

— Вотъ, поди, душа въ пятки ушла!

И куда бы мы ни прилетали, вездѣ опаздываемъ: поздній часъ, все закрыто, одни туманы.

Мнѣ дали розовое трико, я долженъ его передать, а кому, не знаю. И сижу дуракъ дуракомъ.

Навстрѣчу Аверченко.

— Я давно хочу съ вами познакомиться, — говорю ему, — у васъ есть неподобныя вещи.

— Это не я, — конфузливо отвѣчаетъ Аверченко, — это Петръ Пильскій.

XXVII

— — въ церкви очень свѣтло не отъ свѣчей, а такое устройство.

Служать въ лѣвомъ придѣлѣ. Всѣ молитвы читаетъ Вячеславъ Ивановъ. Служба такая:

священникъ задаетъ вопросы, на которые отвѣчаетъ В. И. Только необыкновенно тоненькимъ голосомъ. Потомъ онъ выходитъ на амвонъ и тамъ читаетъ, и ужъ потолще. Все по-русски.

Похожій на Н. М. Минскаго вертится около столиковъ какъ-то само собой, какъ парикмахеры: щелкаютъ ножницами, какъ кельнера стаканами — само собой.

— Можно достать лаку! — говоритъ онъ мнѣ — и красного, и черного.

И я ясно вижу: онъ весь заросшій чернѣйшимъ японскимъ волосомъ и только на лицѣ три бѣлыхъ полоски — на лбу и по щекамъ.

— Я также знаю, — говоритъ Н. М. Минскій, — вѣрное средство красить волосы.

Входитъ учитель географіи докторъ Геровскій и предлагаетъ заняться всеобщей гимнастикой.

XXVIII

— — на Васильевскомъ островѣ, на 14 линіи въ домѣ Семенова-Тяньшанскаго есть галерея съ садомъ. И такъ какъ очень жарко, я туда на ночь и ухожу.

Швейцаръ Димитрій сказалъ мнѣ, что это стоитъ большихъ денегъ, но я ничего не плачу.

Тутъ же живетъ и Н. К. Рёрихъ. Я заглянулъ къ нему — объдаетъ, много варенья на столѣ.

Встрѣчаю какого-то маленькаго красненькаго, въ родѣ Беленсона.

— Не хотите ли, — говорить, — сняться?

— Что-жъ, давайте.

— Я снимаю только нагишомъ.

И — входятъ музыканты, а впереди Пришвинъ съ трубой.

— Wetterprophet! (предсказатель погоды) — заявляетъ о себѣ Пришвинъ и обращаясь къ музыкантамъ, — интернаціональ!

XXIX

— — Рошаль и Коллонтай назначили меня и Блока на какую-то театральную должность: не то при Ал. Ил. Зилотти находится, не то Ал. Зилотти при насъ находится — «на усмотрѣніе др. А. Л. Зандера» — такъ написано въ бумагѣ.

Мы поѣхали въ Кіевъ и съ нами Ольга Михайловна и Тамара Михайловна Персиць.

Начинается всенощная, поетъ тысячный хоръ подъ управленіемъ Кошица:

Благослови, душе моя, Господа.

Но мы стоимъ не въ церкви, а на Кіевскомъ мосту подъ деревомъ № 1072.

XXX

— — у меня съ живота снялась какая-то шкурка и я почувствовалъ необыкновенную легкость.

Докторъ Аѳонскій сказалъ, что такое случается, какъ въ частной жизни, такъ и въ общественномъ организмѣ.

— И совершается неизбежно и безболѣзненно.

Я сѣлъ на океанскій пароходъ — трубы, страсть и глядѣть, и все вычищено, какъ зеркало. Я ходилъ по палубѣ, а когда задумалъ спуститься въ каюту, попалъ въ такое мѣсто, откуда только и есть, что прыгай въ воду. Пояса и лѣстницы тутъ же, все свалено въ кучу, но мнѣ кричать:

— Прыгай въ воду!

Я не рѣшался, я стоялъ, не зная, что дѣлать, видѣлъ воду — узкій пролетъ и воду, зеленую и быструю.

И пошелъ опять на палубу.

Кто-то сказалъ, что я индѣецъ.

И тотчасъ выскочили индѣйцы и окружили меня.

Я иду по улицѣ съ Сергѣемъ (Ремизовымъ), мимо малиновой церковки съ синей, золотыми звѣздами, главой — открытый алтарь, около царскихъ вратъ священникъ — «предсказываетъ!» — волоса у него всѣ въ шпилькахъ для завивки. Передъ нимъ какая-то женщина.

Сергѣй подошелъ первый, я за нимъ.

Священникъ посмотрѣлъ на меня, и вижу недоволенъ.

— Посмотрите, — сказалъ онъ, — сколько внѣшней скорби и исканія, а на самомъ дѣлѣ индѣецъ!

Тутъ я вспомнилъ, что на пароходѣ я былъ индѣйцемъ, дѣйствительно, стало быть, все знаетъ, и мнѣ стало очень неловко.

И слышу, какъ говорить онъ С. П.

— Вотъ, эта настоящая!

И я понялъ до отчетливости разницу между «индѣйцемъ» и настоящимъ.

И идемъ мы съ В. В. Розановымъ къ часовнѣ Боголюбской — къ Боголюбской невѣсты ходятъ передъ вѣнцомъ — а мы по бѣло-снѣжному-то пути грязищу тащимъ свою индѣйскую, ободранные индѣйцы, «неблагородные», какъ говорилъ Розановъ, подразумѣвая это «индѣйство» свое и мое.

А далеко еще часовня и жалко мнѣ Розанова.

— Сердце-то какое черствое, — говорить онъ, захлебываясь, — хоть немножечко бы теплоты. Давай покуримъ.

А навстрѣчу черномазый: это и Тиняковъ, и Пимень Карповъ вмѣстѣ.

— Между нами было одно неприятное недоразумѣніе, которое всегда оставалось. Теперь я сдалъ экзаменъ, и вотъ говорю вамъ. Теперь я свободенъ.

XXXI

— — на вышкѣ въ лѣвомъ углу отгороженный тоненькой щелястой переборкой рисуетъ А. Я. Головинъ и еще два художника съ нимъ. По сосѣдству пожаръ. А они, не обращая вниманія, рисуютъ. И только когда задымилась стѣна, они выскочили.

— Что-жъ это вы, — говорю имъ, — отъ васъ все видно и вы такъ поздно спохватились, вѣдь, тамъ же вещи, все теперь сгорить!

Мы спустились внизъ.

Тамъ проходы, какъ на Николаевскомъ вокзалѣ.

Говорятъ, что огонь проникъ и въ нижнее помѣщеніе.

А внизу мои книги и рукописи, но туда никакъ не пройти.

Ө. И. Щеколдинъ съ Н. П. Рузскимъ у столика чай пьютъ и о чемъ-то разсуждаютъ, и къ нимъ подсаживается А. И. Зилотти.

— Петербургъ, — говоритъ Зилотти, — неприступная крѣпость. И взять его могутъ только свои.

Я вхожу въ нашу комнату: однѣ обгорѣлыя стѣны.

«И Лейла, думаю, пропала и Табакъ, а вѣдь могли бы спасти! Сосѣди успѣли все вынести!»

Въ сосѣдней комнатѣ М. Н. Бялковскій объясняетъ что-то по картѣ П. Е. Щеголеву. Щеголевъ слушаетъ съ недовѣріемъ. И я это ясно вижу, а Бялковскій не догадывается и во всю старается.

— Петербургъ неприступная крѣпость, — слышу, — и взять его нельзя, только... свои. Входитъ А. М. Горькій, а за нимъ З. И. Гржебинъ.

Гржебинъ въ ночномъ колпакѣ съ аистами. — Это мнѣ изъ Германіи Вейсъ привезъ! — и прихорашивается.

— Педагогическое средство, — говорить Горькій, — только нѣмцы такое и могли сочинить.

— А я Алексѣю Толстому подарилъ московскій колпакъ вязанный безо всего, жалованный колпакъ.

Обѣдать надо, а на столѣ одни обезьянны хвосты.

«Доктору Владыкину Менеликъ, негусъ абиссинскій, подарилъ, — вспоминаю, — Толстова еще судили за это!»

— А зачѣмъ хвостъ обрѣзалъ?! — говорить Горькій.

— Это не Толстой, это все Копельманъ! — Гржебинъ закусилъ отъ хвоста кончикъ, и какъ надъ спаржей трудится, а хвостъ крѣпкій, не поддается.

— И все погорѣло, всѣ книги и рукописи, одни хвосты остались!

А я не знаю, что и сказать:

— Вотъ, — говорю, — Алексѣй Максимовичъ, у Андрея Бѣлаго хвостикъ отпалъ.

А Горькій хмурый, только губами ѣжитъ; и весь-то въ заплатахъ, а пиджакъ новенькій.

— Надо поговорить съ Ладыжниковымъ, Иванъ Павловичъ въ курсѣ дѣла. Слѣдуетъ издать. Бесплатное приложение.

Прохожу по коридору. Народу, какъ на вокзалѣ. Заглянулъ я на себя въ зеркало — на головѣ красный колпакъ съ кисточкой, а лицо заостренное, лисичье, какъ у «Демьяныча», а росту съ Пинкевича.

☆

Проходили нищіе по селу съ кобзой, пѣли старинную думу о Почаевѣ.

Какой степью повѣяло половецкой!

Какой свѣтъ — угрскими звѣздами!

XXII

— — прицѣнивался къ старинной рукописной книгѣ съ миниатюрами, украшенной, какъ Годуновская псалтырь, тончайше золотомъ, 50 рублей просили.

Когда раскроешь книгу, голоса слышатся, сначала урчанье, а потомъ явственно, и цѣлый хоръ поетъ подъ органъ.

Купилъ книгу Я. П. Гребенщиковъ, я ему 25 рублей далъ.

И два раза я возвращался къ Я. Г. Новожилову, все мнѣ хотѣлось себѣ какую-нибудь такую книгу купить, но сколько ни рылся, ничего нѣтъ, одни сочиненія Шебуева.

Идемъ по Москвѣ, я хочу показать Сергѣю (Ремизову) церковь Николы въ Толмачахъ. На заборахъ «Заемъ свободы». И не можемъ никакъ найти.

«Какъ же такъ, думаю, не можетъ найти!»

И сижу я въ комнатѣ, вотъ ужъ 35 дней сижу въ заточеніи.

И слышу, зоветъ кто-то.

И подъ самымъ окномъ какъ прыгнетъ черезъ заборъ.

И вижу Неглинный проѣздъ, подъ венеціанскимъ балдахиномъ весь въ серебрѣ съшитыми львами идетъ Б. К. Зайцевъ, пол-

няя горсти сѣмечекъ, самъ кланяется, на-
лѣво-направо кожуркой поплевываетъ.

— Удивительная вещь, — говоритъ И. А. Рязановскій, онъ съ процессіей, на головѣ его бѣлая чалма и цвѣты въ рукахъ, — видѣлъ я во снѣ, вышелъ изъ меня калъ, а дѣвать его некуда, завернулъ я въ газетную бумагу, ну, никакого-то признака, и понесъ, зашелъ за памятникъ Сусанину. А Петровна и говоритъ: «Боюсь я, Ванечка, съ тебя еще пошлину возьмутъ!»

— Это къ деньгамъ, — говорю, — что калъ во снѣ, что грязь видѣть — къ деньгамъ.

А народъ идетъ и идетъ — и всѣ на Красную площадь.

Проѣхалъ верхомъ на слонѣ Жилкинъ, про-
скакалъ на пожарной кишкѣ летчикъ Ва-
силій Каменскій, протащили на аписахъ
Брюсова, въ золотомъ башлыкѣ проплылъ
Вишнякъ съ Кожебаткинымъ—черныя пти-
цы, хвосты рублены. Пронесли на пурпурѣ
Куприна, за Купринымъ Бунина. А вотъ и
Шестовъ — ведутъ дружка! — тридцать
и пять араповъ ведутъ подъ руки.

— Ей, — брычатъ, — чай такъ чай!

И опять слышу, зоветъ кто-то.

Неизвѣстной дамой пущенъ былъ слухъ:

«Разъѣзжаетъ по Кіеву въ собственномъ автомо-
билѣ начальникъ штаба Вильгельма!»

Толпа повѣрила. И арестовали борзенскаго помѣ-
щика Тукалевскаго съ кабаномъ.

— — Ольга Михайловна Персицъ съ кулаками наскочила на меня: отдай ей ручку!

— Да вы, — говорю, — мнѣ подарить хотѣли!

— Мало ли что хотѣла!

— Ольга Михайловна, какъ же это...

— Да такъ, отдавайте!

Не даетъ и слова сказать.

А лежала на столѣ какая-то сломанная, огрызокъ.

— Ладно, — говорю, — сейчасъ!

А самъ этотъ огрызокъ бумагой и прикрылъ.

— Не завертывайте!

А я ужъ завернулъ и подаю —

И вижу, Лариса Михайловна Рейснеръ, хочу сосчитать деньги — у меня ихъ вотъ какая пачка!

Донесъ я до самой двери и около двери, гдѣ сидитъ ночной сторожъ, и, какъ это случилось, не знаю, потерялъ.

— Не положилъ ли я вамъ случайно въ карманъ? — спрашиваю сторожа.

Сонъ былъ прерывень и тревоженъ: понаѣхали гости и одинъ ночевалъ по сосѣдству. Поздно легъ, а заснулъ и того позже. Получены газеты съ описаніемъ Петербурга отъ 3—5 VII, все живо представилъ себѣ.

XXXIV

— — Ивановъ Разумникъ написалъ какую-то статью, статья очень понравилась Шестову. Я объ этомъ рассказываю Иванову-Разумнику.

Мы въ Москвѣ, въ лавкѣ, я жду лимона. А мнѣ даютъ брусничной эссенціи.

— Погнали на войну! — кричатъ, — всѣхъ! всѣхъ! всѣхъ!

— Разумникъ Васильевичъ, — говорю, — спасайся кто можетъ!

Да скорѣй изъ лавки на улицу.

А по улицѣ и все верхомъ на коняхъ гимназисты.

XXXV

— — пріѣхалъ къ намъ изъ Петербурга Н. Н. Сухановъ съ докладомъ о событіяхъ 3—5 іюля. Онъ очень помятый и встрепанный, все на часы смотритъ: боится опоздать. Нарядили меня въ студенческой мундиръ и заставили играть, но я не могу суфлера слушать и все свое. Наконецъ, надо же уходить.

И слышу апплодисменты.

Вышелъ, раскланялся и прохожу по коридору.

Это баня, а содержитъ Е. А. Ляцкій.

— Самая гигиеничная, — объясняетъ Ляцкій, — М. К. Лемке всякую субботу посѣщаетъ, лучшіе итальянскіе мастера зафик-

сировали въ памятникахъ искусства, не баня,
а золотая баня.

Я занялъ номеръ, и еще номеръ для Д. Д.
Бурлюка.

И вдругъ выходитъ — Господи! — одинъ
зубъ — одинъ зубъ по середкѣ.

Разговоръ зашелъ о захватахъ: что все началось
съ захвата — революція и есть захватъ! — и что
вотъ Курлушкина Богъ наказалъ.

А я подумалъ: о захватахъ вообще лучше помал-
кивать, кто не грѣшенъ? — и о наказаніи Божьемъ не
судить человѣка, вѣдь, завтра придетъ и твой чередъ
и ты будешь наказанъ, нѣтъ, о наказаніи, какъ и о
всякой бѣдѣ, надо принимать сердцемъ, не злорадствуя,
а жалѣя.

XXXVI

— обѣдали съ Ю. К. Балтрушайтисомъ на
Курскомъ вокзалѣ.

Тутъ былъ и Гершензонъ, и Бердяевъ, и
Шестовъ — весь столпъ московскій.

А потомъ попали въ какой-то домъ — и по-
лѣзли на верхъ, ужъ лѣзли, лѣзли, едва ноги
идутъ, а поднялись на какую высоту — не
знаю, очень высоко! а спустились сразу.

А намъ говорятъ:

— Вы попали въ публичный домъ!

Вотъ тебѣ и разъ!

1917 — 1922, 17 VII

Breitbrunn a. Ammersee.

ВОСПОМИНАНІЯ О БЛОКѢ

ГЛАВА 6-ая

„Ты въ поля отошла безъ возврата“

БАЛАГАНЧИКЪ

Въ февралѣ я — опять въ Петербургѣ; за день до отъѣзда въ Москвѣ, у меня — аргонавты; меня провожаютъ: какъ будто совсѣмъ уѣзжаю; тутъ — Эллисъ, Петровскій, Сизовы, два брата, Владиміровъ, отъѣзжающій въ Мюнхенъ, С. М. Соловьевъ, Поливановъ, Н. М. Малафѣевъ, М. Эртель, П. Батюшковъ, кто-то еще. Очень грустно: дѣйствительно, — точно простились; не помню, чтобъ такъ собирались, — потомъ; мы — разстались; и — оказались въ различныхъ теченіяхъ; не было молодого задора, какъ прежде; у всѣхъ обнаружались — драмы; переживали и раздѣленіе «Астровскаго» кружка; С. М. Соловьевъ, Поливановъ испытывали охлажденіе къ Астрову; да, мы прощались.

Приѣхавши въ Питеръ, остановился на Караванной я, въ меблированныхъ комнатахъ, игнорируя Мережковскихъ, которые не могли мнѣ простить нападательный тонъ мой въ «Вѣсахъ». Петербургскія устремленія были связаны съ Блоками; въ первый же день по приѣздѣ увидѣлъ въ окнѣ магазина я кустъ пышной, блѣднѣющей, великолѣпной гортензіи — голубой; послалъ ее Блокамъ; боялся: за эту посылку — «влетитъ»; не влетѣло; Л. Д. лишь сказала:

— «Такой не видала!»

Александра Андреевна посмѣивалась:

— «Ну конечно должны были вы этотъ кустъ намъ прислать».

— «Все какъ слѣдуетъ...»

— «И понятно: сердится — за что?»..

Было холодно какъ-то въ гостиной съ зелеными креслами; куталась въ красную тальмочку Александра Андреевна; сердце у ней расшалилось; она говорила:

— «Вы знаете, какъ припадокъ, такъ дѣлается — не то: это — знаете?»

— «Знаю».

— «Такъ знайте же: это — отъ сердца...»

Впослѣдствіи, въ схваткахъ невроза, я — понялъ, что чувствовала Александра Андреевна:

— «Все то, да — не то...»

Мнѣ запомнились эти слова, потому что они выражали какую-то смутную мысль; эти бѣлыя стѣны, въ которыхъ сидѣли недавно съ уютомъ — не тѣ; и холодныя: въ комнатахъ—холодно; А. А.—тотъ же; и—нѣтъ: не декабрьскій; и тоже поступокъ съ гортензіей; что не хорошаго, — полюбилась гортензія; я и послалъ; вышло — какъ-то не такъ; Александра Андреевна, хваля мнѣ гортензію, точно старается: оправдать; мнѣ не разъ говорила Л. Д., что во мнѣ — вкусовые дефекты; и частое перечисленіе драгоценныхъ камней въ моихъ строчкахъ не нравилось:

— «Саша не сдѣлаетъ такихъ промаховъ».

Разъ же сказала она:

— «Посоветовала бы вамъ галстухъ носить другого оттѣнка; оттѣнокъ, который вы носите, какъ-то безвкусенъ...»

И вотъ я почувствовалъ, что посылка гортензіи всѣхъ покорила; но — пощадили; самолюбіе — за-

говорило: замкнулся («не такъ меня встрѣтили: не на это я бросилъ Москву...»)

— «Нѣтъ, не то!»

Я позволилъ себѣ аритмію вторую: прочелъ имъ статью мою о «Трилогіи» Мережковскаго для «Золотого Руна», пожелавшаго угодить Мережковскому, поручившаго мнѣ ее, какъ приверженцу; эту статью написалъ архаически-риторическимъ стилемъ, гдѣ Гоголь и Карамзинъ проплелися стилемъ епископа Иллариона; и вышла — безвкусица; я — ощутилъ ее въ чтеніи; А. А. забавлялся:

— «Ну, думаю Дмитрій Сергѣевичъ стилистическихъ упражненій — не пойметъ; и восприметъ статью, какъ пародію... Самъ ты ихъ знаешь, такіе они...»

Стало холодно; сталъ я высказывать мысли, сплетая съ цвѣтами; привелъ имъ градацію тусклостей и Л. Д. поднялась; и — ушла; я не понялъ — зачѣмъ; — но обидѣлась явно; потомъ уже выйдя сказала:

— «Ну что, — перестали ругаться?»

Дѣйствительно, въ тусклой градаціи — отразилось во мнѣ что-то, схожее съ недовольствомъ, я самъ — не примѣтилъ; Л. Д. поняла: я ругался цвѣтами. Прощался и видѣлъ: ярчайшіе апельсиновые оттѣнки зари.

Блоки скоро меня посѣтили; и снова — «не то»; и — неловкость; коснѣли въ безвкусицѣ номера — около столика; подали чай; А. А., дѣлая видъ, что ему хорошо, — улыбался любезнѣй; я сдѣлался — словоохотливѣй, а Л. Д. — не любезнѣй, чѣмъ надо; а косныя стѣны стояли, насъ гнали; и намъ говорили:

— «Не то!»

Неудачился вечеръ; А. А. выпускалъ папиросный дымокъ и свой юморъ: да, да, ждетъ меня распеканіе: «Зина» и «Дима» въ присутствіи «Таты» и «Наты» меня таки да, — за статью.

— «Ты-ка, спрячься пока: не ходи! попадешься, — влетитъ» — говорилъ онъ, вставая, похаживалъ въ стѣны, садился опять; и искорка юмора блекла; и взглядъ становился далекимъ; и дѣлалось вяло: И с ѣ р о - л и - л о в а я , с ѣ р о - з е л е н а я атмосфера какая-то разливалась вокругъ; принимался ихъ потчивать сладкими пирожками, А. А. — улыбался:

— «Нѣтъ, лучше оставь: не умѣешь...»

Такъ было въ тотъ вечеръ; я ѣхалъ, переселялся, можетъ быть, навсегда; и Л. Д., и А. А. вызывали меня; а пріѣхавъ — увидѣлъ: необходимости пріѣзжать-то и не было; тутъ въ Петербургѣ — ихъ жизнь; я — съ Москвой; выходило: я здѣсь состою адъютантомъ какимъ-то; и Блоки, такъ звавшіе, сами не знали, на что я теперь, осознавъ, что — не нуженъ, — испытывали недовольство собою (и — мною); какъ будто судьба моя попала имъ въ руки; такъ тяжело, которую вызывались нести, потому — что довѣрился зову; звать значило — къ нимъ; а имъ было тяжело самимъ, углубились межъ ними различія; было труднѣе имъ вмѣстѣ; влеченіе лишней судьбы — осложняло; чего то во мнѣ испугались; А. А. былъ подгнетомъ передавшимся: и — въ заботахъ: экзамены (государственные) предстояли ему; не до меня тутъ; а я появился; и — требовалъ точно чего-то.

Но суть не въ экзаменахъ, а въ желаньи А. А. отмахнуться отъ всѣхъ, съ А. А. бывали періоды, переходящіе просто въ угрюмость; она развивалась въ позднѣйшихъ годахъ; для меня же отмѣтилась только въ этомъ періодѣ; періоды онъ убѣгалъ отъ людей; мнѣ позднѣе случалось спрашивать:

— «Что Блокъ?»

— «Блокъ — мраченъ: невидимъ...»

И иногда прибавляли:

— «Онъ — пьеть»

.

А. А. чувствовалъ: сломъ путей приближался: темно, безотраднѣе; л и л о в ы й оттѣнокъ, манившій его въ н о я б р ѣ — повелъ въ ночь; сталь — чернѣть, обволакивая; щеголяніе въ пышностяхъ цвѣтовыхъ онъ разсматривалъ маскарадомъ; доселѣ въ быту онъ держался и милымъ, и свѣтскимъ, очаровательнымъ черезъ силу; разъ я увидѣлъ его перепуганнымъ, встрепаннымъ: въ Шахматовѣ. А теперь его кризисъ облекъ въ постоянное выраженіе скорби и строгости, воспринимаемое глухотою какою-то; часто сидѣлъ онъ въ глубокихъ тѣняхъ, изъ которыхъ торчалъ удлинившійся носъ, и видѣлся мнѣ изогнувшійся ротъ; желтовато-несвѣжій оттѣнокъ худѣвшаго лица, мѣшки подъ глазами, круги, — это все говорило безъ словъ:

— «Не понимаю!»

— «Не то...»

Натолкнешься на этотъ невнемлющій взоръ: и — толкаешься въ душу:

— «Пойми!»

Ужъ и злилъ меня видомъ, упорствомъ, глухонѣмой безотзывностью; прежде отзывный, теперь — какъ стѣна; зналъ: Блокъ — умница; видъ идиотскій — капризъ и протестъ: противъ словъ; если бъ былъ передъ нимъ Мережковскій, Бердяевъ, Булгаковъ, — я понялъ бы; а вѣдь тутъ — я; и замѣтивши, что Блокъ — глухарь, невнимающій внутренне, очень бѣсился: не могъ допустить, чтобъ А. А. относился ко мнѣ, какъ къ другимъ. Возмущался я строчками:

И сидимъ мы, дурачки,
Немочь, нежить водъ:

Зеленѣютъ колпачки
Задомъ напередъ.

Это что же? Глуменение? Видя Блока капризникомъ непонимающимъ внятности — думаль:

— «Разыгрываетъ роль дурачка...»

Вспоминался С. М. Соловьевъ, восклицавшій:

— «У Блока — есть строки, которыя принимаются за особо глубокія: это — невнятица...»

Возмущался С. М. одной строчкой «И р а з в ѣ я л и . . . ф л а г ѣ». Онъ доказывалъ: «флагъ — не при чемъ; никакого здѣсь флага не надо; а всё — принимаютъ. А. А. водить за-нось.... И я раздраженно себѣ говорилъ:

«Ну, меня водить за-нось — не будешь!»

Такой вотъ аспектъ въ лицѣ Блока отчетливо выступилъ въ памятный вечеръ; было втроемъ — неудобно; Л. Д. — поблѣднѣла въ томъ черномъ, обтянутомъ платьѣ, въ которомъ я видѣлъ ее во снѣ (годъ назадъ). И вотъ, — точно я вошелъ въ сонъ; или — сонъ этотъ вышелъ; внимала какъ будто бы звукамъ судьбы, охватившей такъ скоро; А. А. не поддерживалъ нашъ разговоръ (вывозилъ его — я). Заговорили о Рябушинскомъ, редакторѣ «Золотого Руна» и о пиршествѣ въ «Метрополѣ», смѣшныхъ инцидентахъ; Л. Д. отмѣчала:

— «Москва»...

Что на ея языкѣ означало:

— «Провинція»...

Мнѣ доставалось:

— «Москвичъ!»..

Это значило:

— «Галстухъ не тотъ...»

И глубокая разность «москвой» природы отъ «такта», въ которой рядилась Л. Д., поднималась межъ нами; А. А. поправлялъ положеніе; но — зналъ; онъ съ Л. Д.

— Говорилъ: — «у васъ такъ это, а у насъ, въ Петербургѣ, — не такъ».

Онъ очень съ юморомъ представлялъ «москвича» Рябушинскаго съ розой въ петлицѣ. Рассказывалъ мнѣ: Мережковскій, откликнувшись на приглашеніе «Руна», сбывъ плохую поэму; и — охладѣлъ къ Рябушинскому; и кряхтѣла Редакція, взявши плохую поэму; Л. Д. тутъ зѣвнула:

— «Пора: очень хочется спать!»

Рѣшено было встрѣтиться — вскорѣ: А. А. прочитаетъ написанный имъ «Балаганчикъ». И Блоки ушли; еще долго шагаль, ударяясь въ стѣны, а стѣны сказали:

— «Не то!»

И хотѣлось — въ Москву: было бѣ лучше! Но я — не уѣхалъ.

Вотъ — чтеніе «Балаганчика» или ударъ тяжелѣйшаго молота: въ сердце; пришелъ еще рано, — въ приподнятомъ настроеніи: вѣдь написана геніальная вещь; вѣдь писала Л. Д. «Балаганчикъ — хорошій»; «хорошій» связался съ мыслью, что драма — «мистерія»: для постановки въ Интимномъ Театрѣ, котораго волили Блоки, Ивановъ и я; тутъ мнѣ видѣлись важныя дѣйствія вмѣстѣ; то — утвержденіе любви коллектива, котораго жизнь по Владиміру Соловьеву — сизигія.

Собралися въ зеленой гостиной; пришелъ Городецкій и Пясть, и еще юноша, стянутый въ свой сюртучекъ — преторжественно, точно на праздникъ; и Е. П.

Ивановъ, столь чтимый у Блоковъ, котораго Мережковскіе называли «рыжакъ», косолапо рыжѣлъ онъ, гудѣлъ между креслами; кто-то еще; Л. Д. съ взвинченной аффектаціей, стремительно принимала гостей, (наблюдалъ, удивляясь ея экспансивности, новой въ ней) каменный и угловатый А. А. дѣловито потаптывался, раскрывая гостямъ портсигаръ; былъ сюртукъ въ этотъ вечеръ поношенъ на немъ.

Всѣ разсѣлись на мягкія кресла; А. А., монотонно читалъ себѣ въ нось:

Истекаю я клюквеннымъ сокомъ.

Нелѣпые мистики, ожидающіе Пришествія, дѣвушка, косу (волосяную) которой считаютъ за смертную косу, которая стала «картонной невѣстой», Пьеро, Арлекинъ, разрывающій небо, — все бросилось издѣвательствомъ, вызовомъ: поднялъ перчатку! Назвать «Балаганчикъ» хорошимъ — не могъ; и его написалъ — А. А. Блокъ?

О, конечно, онъ — изгнанный изъ придѣла Іоаннова: такъ я подумалъ; и нѣчто, подобное смерти, переживалъ; я не понялъ страданія, продиктовавшаго строки; но — понялъ я: даже радостная импровизація, о которой шла рѣчь — погибнетъ; и вмѣсто души у А. А. разглядѣлъ я «дыру»; то — не Блокъ: онъ въ моемъ представленіи умеръ; пусть видѣли — великолѣпнѣйшее произведеніе искусства; произведеніе исполнено силы, — я видѣлъ; но думалъ: какою цѣной покупалась она?

Здѣсь ресторанъ, какъ храмъ, свѣтель

И храмъ, какъ ресторанъ, открытъ.

Молодежь — восхищалась; нѣмѣющей Пясть ничего не сказалъ; и спросили:

— «Ну что?»

Я отвѣтилъ:

— «Да, знаете, — замѣчательно...»

И весь вечеръ старался держаться, какъ если-бы все было — «т о».

Мы съ А. А. никогда не бесѣдовали о «Б а л а г а н ч и к ѣ»; разъ онъ повелъ меня самъ: посмотрѣлъ на него. Посмотрѣли мы молча.

Зачѣмъ не уѣхалъ въ Москву? Продолжалъ посѣщеніе Блоковъ; ходилъ — не къ А. А., — а къ Л. Д.; потерявъ въ А. А. брата, привязанность къ «к о л л е к т и в у» я перенесъ на нее; а граница межъ мной и А. А., переходящая во взаимное недоверіе, просто оформилась тѣмъ обстоятельствомъ, что А. А. предстояли экзамены: я же — не буду «м ѣ ш а т ь»; говорили объ этомъ не разъ мы съ Л. Д., съ Александрой Андреевной.

Просиживали съ Л. Д. вечерами; и изъ рассказовъ ея выяснялся размѣръ перелома въ душѣ у А. А. и — подробности личной жизни, мнѣ чуждыя: другой Блокъ! Но Л. Д. говорила, что нужно беречь его; что въ немъ — много больного и дѣтскаго; но и другіе — суть дѣти (что дѣтское было — доказываетъ пристрастіе Блока къ картинкамъ; онъ, взрослый, вырѣзывалъ ихъ, чтобы наклеить въ тетрадь); говорила Л. Д.: ей порой съ А. А. трудно; она — утомляется въ роли: быть нянькой.

А. А. не присутствовалъ при разговорахъ о немъ, а сидѣлъ въ смежной комнатѣ: съ книгой; потомъ выходилъ и съ натянуто-недоумѣнной улыбкою, сквозь которую проступала отчетливо хмурость, искалъ онъ предлогъ насъ покинуть: разсѣяться послѣ занятій.

Казалось, что А. А. недоволенъ бесѣдами, подозрѣвая вмѣшательство въ личную жизнь; но — молчалъ; и неискренность эта меня раздражала; вѣдь самъ — отдалился: и создалъ межъ нами — молчаніе; стало несносно сидѣть намъ — втроемъ, вчетверомъ; и когда собирались вмѣстѣ, то чувствовалъ: А. А. думаетъ, что я думаю, что онъ думаетъ; каждый такъ думалъ; и легкость былого общенія перемѣнилась въ непереносную тяжесть; лишь изрѣдка силился я попрежнему пооткровенничать, чтобъ вмѣстѣ понять, разобратъ, но онъ видомъ показывалъ:

— «Фальшь...»

— «Нѣтъ, не выйдетъ...»

— «Давай ужъ молчать...»

— «Говори себѣ съ мамой и съ Любой...»

И стало казаться, что нѣтъ «коллектива», а — рядъ замыкаемыхъ отношеній, въ которыхъ не все безмятежно; разладъ — углублялся: межъ каждымъ и каждымъ; и — новыя отношенія строились: ясно лишь было, что о быломъ, о совмѣстномъ, не можетъ быть рѣчи.

Да, эти недѣли окрашены: совершеннымъ отсутствіемъ на моемъ горизонтѣ А. А.: онъ сидѣлъ — въ смежной комнатѣ; и — выходилъ, проходя; начинаются частыя исчезновенія Блока изъ дому; окрѣпъ въ немъ шатунъ.

Что я пережилъ очень бурно и лично по отношенію къ А. А., выступаетъ позднѣе въ рецензії на второй томъ стиховъ. Считаю: оцѣнка моя замѣчательной книги — несправедлива; перепечатаваю ее, какъ необходимый, увы, документъ отношеній моихъ къ его міру поэзії.

„НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ“.¹⁾

Блокъ — одинъ изъ виднѣйшихъ современныхъ русскихъ поэтовъ. Поклонники могутъ его восхвалять. Враги — бранить. Вѣрно — одно: съ нимъ необходимо считаться. Рядомъ съ именами Мережковскаго, Бальмонта, Брюсова, Гиппиусъ и Сологуба въ поэзіи мы неизмѣнно присоединяемъ имя Александра Блока. Первый сборникъ стиховъ поэта появился только въ 1905 году. Тѣмъ не менѣе есть уже школа Блока...

Даже поверхностное разсмотрѣніе поэзіи А. Блока убѣждаетъ насъ въ несомнѣнномъ вліяніи на него Лермонтова, Фета, Вл. Соловьева, Гиппиусъ и Сологуба. Изъ иностранныхъ поэтовъ больше всего вліялъ на него Мэтерлинкъ. Если бы мы не боялись историко-литературныхъ опредѣленій, мы могли бы назвать его русскимъ Мэтерлинкомъ, безъ аристократизма, свойственнаго этому поэту, но съ большею близостью къ истокамъ души народной. Впрочемъ, мы не стоимъ за это сравненіе.

Каково идейное содержаніе высокочтимаго поэта? Но тутъ приходится остановиться, потому что второй сборникъ стиховъ А. Блока выдвигаетъ совершенно новые для поэта мотивы. «Стихи о Прекрасной Дамѣ» окрашены опредѣленнымъ и весьма значительнымъ содержаніемъ. Въ неувимыхъ и нѣжныхъ строчкахъ поэтъ воспѣваетъ приближеніе «вѣчно женственнаго начала» жизни. Здѣсь онъ является продолжателемъ цѣлаго ряда именъ. Въ ароматный вѣнецъ его поэзіи вплетены раздумья Платона, Плотина, Шеллинга, Вл. Соловьева и гимны Данте, Лермонтова, Фета. Древніе гностики вмѣстѣ съ греческой

¹⁾ Рецензія, напечатанная въ журналѣ „Переваль“ въ 1907 году.

философіей всесторонне разработали ученіе о міровой душѣ и «вѣчно-женственномъ» началѣ Божества. Шеллингъ въ сочиненіи «Weltseele» пытался дать ученію о міровой душѣ естественно-научную подкладку. Гете, Данте, Петрарка сумѣли изъ любимаго образа создать символъ вѣчно-женственнаго, соединяя универсализмъ гностическихъ догматовъ съ индивидуальными переживаніями. Фетъ и Лермонтовъ безсознательно касались того же. Вл. Соловьевъ, соединяя размышленія гностиковъ съ гимнами поэтовъ, сказалъ новое слово о близкомъ сошествіи къ намъ лика Вѣчной жены. Тутъ началась поэзія Блока. Тема его — глубокая. Цѣль его — значительная.

Вдругъ онъ все оборвалъ...

Въ драмѣ «Балаганчикъ» горькія издѣвательства надъ своимъ прошлымъ. Послѣднее время злоупотребляли плохо понятой гностикой — это правда. Но правда и то, что издѣвательствомъ не опровергнешь ни Платона, ни Плотина, ни Гете, ни Данте. Ожиданія могутъ быть неумѣстны. Но проблема остается проблемой. Она не терпитъ издѣвательствъ.

И вотъ, во второмъ сборникѣ мы узнаемъ, что «Прекрасная Дамы» не путешествуетъ на пароходахъ. Вмѣсто «сіянья красныхъ лампадъ» мы видимъ болотныхъ чертенятъ, у которыхъ «колпачки задомъ напередъ». Вмѣсто храма, — болото, покрытое кочками, среди котораго торчитъ избушка, гдѣ старикъ и старуха и «кто-то» для «чего-то» столѣтіе тянутъ пиво. Намъ становится страшно за автора. Да вѣдь это не «Нечаянная Радость», а «Отчаянное горе». Въ прекрасныхъ стихахъ расточаетъ авторъ ласки чертенятамъ и дракончикамъ. Опасныя ласки! Вѣдь любой дракончикъ можетъ вытянуться въ настоящаго дракона (ту-

маны, какъ извѣстно, растутъ). Рыцарь Жены всегда — въ борьбѣ съ Дракономъ. А вотъ превратился Драконъ въ дракончика, и поэтъ его пожалѣлъ: пожалѣлъ и пригрѣлъ. Помнилъ ли онъ, что съ нечистью шутики плохи?

Но, сбросивъ съ себя идейный балластъ, поэзія А. Блока расцвѣла махровымъ, пышнымъ цвѣткомъ! Темы настроеній утончились, стихъ сталъ виртуознѣе, гибче, роскошнѣй. Прежде намъ приходилось спорить съ однимъ извѣстнымъ поэтомъ, утверждавшимъ, что «Стихи о Прекрасной Дамѣ» не выражаютъ истиннаго лика поэта. Поэтъ оказался правъ.¹⁾ «Нечаянная Радость» глубже выражаетъ сущность А. Блока. Въ этомъ отношеніи Блокъ настолько же выигралъ, какъ поэтъ, насколько онъ упалъ въ нашихъ глазахъ, какъ предвѣстникъ будущаго, потому что мы предпочитаемъ оставаться при загадкахъ, загаданныхъ мудрецамъ (пусть нерѣшенныхъ, но требующихъ отъ насъ жизни для рѣшенія), нежели при издѣвательствахъ (хотя бы и поэтическихъ, прекрасныхъ) надъ этими загадками.

Второй сборникъ стиховъ А. Блока интереснѣе, пышнѣе перваго. Какъ удивительно соединенъ тончайшій демонизмъ здѣсь съ простой грустью бѣдной природы русской, всегда той же, всегда рыдающей ливнями, всегда сквозь слезы пугающей насъ оскаломъ овраговъ — соединенъ въ бирюзовой нѣжности просвѣта болотнаго, въ вѣчномъ покоѣ зеленыхъ мховъ. И намъ страшно этого покоя; зачѣмъ эта нѣжность, когда она — «п р е л е с т ь» болотная:

¹⁾ Поэтъ этотъ В. Я. Брюсовъ.

И ушла въ синеватую даль,
Гдѣ дымилась весенняя таль,
Гдѣ кружилась надъ лѣсомъ печаль.

Но ушла — къ колдуну; и — колдунъ:

Закричалъ и запрыгалъ на пнѣ
— Ты, красавица, вѣрно — ко мнѣ!

И намъ становится больно, когда вечерняя заря
оббиваетъ не только «весеннюю проталинку»,
но и того, кто на ней. А на ней —

Попикъ болотный виднѣется.
Ветхая ряска надъ кочкой
Чернѣется.
Чуть замѣтною точкой.

Искони здѣсь лѣшій морочить странниковъ, ищущихъ «новаго града»; искони, мужичка осѣдлавъ, погоняетъ Горе-Горькое хворостиной. Сколькихъ погубило оно: кричалъ Гоголь, заплуталъ тутъ Достоевскій, тутъ на камнѣ рыдалъ Некрасовъ, Толстой провалился въ нѣмоту, какъ въ окошко болотное, и сошелъ съ ума Глѣбъ Успенскій; много витязей здѣсь прикончило быть, — «здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ». Здѣсь Блокъ становится народнымъ поэтомъ.

Здѣсь рыскаетъ лѣшій, а Блокъ увидѣлъ «своего полевого Христа». Не надо намъ полевыхъ Христовъ. Христось Богъ да сохранить насъ отъ такихъ пришествій!

Гдѣ же Та, Которую призывалъ поэтъ еще такъ недавно? Тамъ, гдѣ онъ не кощунствуетъ, у него вырывается:

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой.

Прекрасно поетъ онъ о нашихъ убогихъ поляхъ, такъ прекрасно, что мы, замороженные «пре-лестью», начинаемъ вѣрить, что все тутъ благополучно. Вѣдь здѣсь все «вѣчно прекрасно — но сердце несчастно». Откуда этотъ стонъ у сказителя полей?

Такъ — и чудеснымъ очарованы —
Не избѣжимъ своей судьбы.
И въ цѣпи новыя закованы
Бредемъ, печальные рабы.

Цѣпи «Прекрасной Дамы» — гирлянды розъ — поэтъ съ себя сбросилъ. Откуда же эти «Новыя цѣпи?» Не цѣпи ли болотныхъ чертенятъ? Страшно, страшно: итти больше некуда въ отчаяніи, когда и въ «Нечаянной Радости» изъ огорода капустнаго приходитъ тотъ же оборотень «Единый, Свѣтлый — немного грустный», когда такую картину рисуетъ поэтъ своей нечаянной радости:

И сидимъ мы, дурачки,
Нежить, немочь водъ.
Зеленѣютъ колпачки
Задомъ напередъ.

Ужъ подлинно не зачашь такой радости! Ужъ подлинно: нечаянная она!

«Новой радостью загорятся сердца народовъ, когда за узкимъ мысомъ по-

явятся большіе корабли». (Вмѣсто предисловія).

Передъ лицомъ народовъ сложныя задачи; онѣ требуютъ опредѣленнаго образа рѣшеній, опредѣленнаго, яснаго, какъ Божій день, слова. И радоваться только тому, что изъ-за узкаго мыса плывутъ корабли, еще рано: большіе корабли часто приносятъ большую заразу.

«Нечаянная Радость» опредѣленно пронизана все тѣмъ же воплемъ нищаго:

Кто взманилъ меня на путь знакомый?

Нищій, распѣвающій псалмы?

Нищій ли это странникъ, или горе-гореваньице? Во всякомъ случаѣ не псалмы распѣваетъ нищій, а панихиду:

Со святыми меня упокой.

Сквозь бѣсовскую прелесть, сквозь ласки, расточаемыя чертенятами, подчасъ сквозь поддѣлку подъ дѣтское или просто идіотское, обнажается вдругъ надрывъ души, глубокой и чистой, какъ бы спрашивающей судьбу съ удивленной покорностью: «Зачѣмъ, за что?» И увидавъ этотъ образъ, мы уже только преклоняемся передъ крупнымъ талантомъ, не только восхищаемся совершенствомъ и новизною стихотворной техники, — мы начинаемъ горячо любить обнаженную душу поэта. Мы съ тревогой ожидаемъ отъ нея не только совершенной словесности, но и совершенныхъ путей жизни.

ТРЕТИЙ — МЪСЯЦЪ НАВЕРХУ — ИСКРИВИЛЪ СВОЙ РОТЬ.

Я все болѣе понимаю Л. Д.; очень странно: до этого времени лично почти не общались мы; Л. Д., точно играя на сценѣ, присутствіемъ «о с в ѣ щ а л а» насъ, дирижируя тонусомъ разговоровъ, — улыбкою, взглядами; воспринимали внѣ лично ея, какъ бы фономъ какъ м ѣ с т о свершенія важныхъ душевныхъ событій; она стала — «с и м в о л о м ѣ»; это С. М. Соловьевъ, деспотически правившій прежде «л а д ѣ й» общенія, создалъ почву, такой «status quo» устранялъ Л. Д. превративъ ее въ символъ, въ жену мірового поэта, въ инспиратрису его: въ знакъ зори; о живомъ челоуѣкъ не знали; создали Л. Д. для себя; и она — приспособилась къ намъ.

Послѣ рѣзкаго отчужденія С. М., Л. Д. вдвинулась въ наше общенье съ А. А.; не была уже фономъ, Любовью Деметровной, дочерью «х а о с а» (Менделѣева); изъ персонажа «Л а п а н о в с к о й» философіи стала «с е с т р о ю»; взяла ноту — въ тріо; но брала ее только «м е ж ѣ н а м и»; съ А. А. удалялись en deux, а съ Л. Д. я никогда не имѣлъ разговоровъ (какъ съ Гиппіусъ, съ «Т а т о ю», съ Александрой Андреевной), выхождение С. М. изъ «к о м м у н ы» есть шагъ на пути къ моей встрѣчѣ съ Л. Д., продиктованной всѣмъ; въ декабрѣ А. А. мнѣ посвятилъ стихотворенье, съ надписью «Б о р ѣ» (впослѣдствіи, въ годы разрыва, онъ снялъ посвященіе):

Милый братъ! Завечерѣло.
Чуть слышны колокола.
Надъ равниной побѣлѣло.
Сонноокая прошла.

Проплыла она — и стала,
Незамѣтная, близка.
И опять намъ, какъ бывало,
Ноша тяжкая близка...

Стихотвореніе — память о нашихъ прогулкахъ:

Издали — локомотива
Поступь тяжкая слышна...
Скоро финскаго залива
Намъ откроется страна.
Ты поймешь, какъ въ этомъ морѣ
Облегчается душа,
И какія гаснутъ зори
За грядою камыша.

А наконецъ — Любовь Дмитріевна: стиль быта
втроемъ:

Возвратясь, уютно ляжемъ
Передъ печкой на коврѣ
И тихонько перескажемъ
Все, что видѣли, сестрѣ...
Кончимъ. Тихо встанетъ съ кресель,
Молчалива и строга.
Скажетъ каждому: — Будь весель.
За окномъ лежатъ снѣга.

Расходясь съ А. А., конкретно столкнулся съ Л. Д.:
человѣка увидѣлъ; и — понялъ: переживала острѣй-
шій толчокъ, ее бросившій отъ «з о р и», интересовъ
къ наукѣ и къ Канту (она занималась сперва матема-
тикой, послѣ же логикой),—ее бросившій къ скептициз-
му, къ тоскѣ по конкретности; не безъ надрыва всту-

пала на путь артистизма; переходъ ей дался не легко; и—страдала; и говорила, что «з о р и» вскружили ей голову; въ «и н с п и р а т р и с у» всѣхъ — вѣрила, вошла въ роль; «з о р и» гасли; а «р о л ь» — оставалась: инспиратриса, «д о ч ь с в ѣ т л я я х а о с а», стала артисткой; говорила, что мы ее — портили «р о л ь ю». Теперь въ ней сказался протестъ и желаніе выявить безъ остатка себя, какъ себя; и — критически насъ разбирала; и многое въ нападеньяхъ Л. Д. было горькою правдой: она — человѣкъ, а не кукла, не символъ; сталъ слушать ее, разбирать отношенія наши другъ къ другу и нападать: на всю линію поведенія А. А.; но Л. Д. защищала его; въ защитѣ же предо мною возникалъ новый Блокъ; это — тоже ударъ для меня; Л. Д. видѣла въ немъ раздвоеніе всегда; но она утверждала: А. А. — лучше насъ; онъ, по своему — правъ.

Я — оспаривалъ.

Въ спорахъ о жизни мы сблизились, какъ искатели правды, ее потерявшіе въ безглагольности прошлыхъ «р а д ѣ н і й»; прислушивались къ искусству, ходили гулять въ Эрмитажъ; переживая у Кранаха краску, а тѣнь у Рембрандта, и восхищаясь танагрскими статуэтками, передъ которыми подолгу простаивали; и возвращались Набережной,—въ казармы, къ обѣду; тогда выходилъ молчаливый А. А.; я умѣлъ подмѣчать несогласіе межъ Л. Д. и А. А. присоединяясь къ Л. Д., отдаваясь растущему отчужденію къ Блоку; Л. Д. — подала безсознательный поводъ для критики «Б л о к а - п о э т а», признавшись, какъ ей тяжело.

Мы бывали на выставкахъ; С. П. Ремизова показала на выставкѣ разъ подъ строжайшею тайною Савинкова, розыскиваемого полиціей, но живущаго въ Петербургѣ; онъ смѣло явился въ публичное мѣсто (бывалъ и у Ремизовыхъ: я имѣлъ порученіе передать въ

«Золотое Руно» стихотвореніе Савинкова, забракованное Соколовымъ, которому имя автора я конечно не могъ открыть).

Встрѣтился я съ Мережковскими: произошло объясненіе; приводили къ присягѣ меня: укоряли, стыдили,— простили; и мы—обнялись; водворился по прежнему въ домъ Мурузи; и было — по прежнему: передъ каминомъ съ З. Н.: разбирательства религиозно-общественныхъ отношеній съ Д. С. и Д. В. Философовымъ, дружба и съ «Т а т о й», и съ «Н а т о й»; и появленія Карташева. Къ З. Н. подошла въ это время С. П. Ремизова-Довгелло; Алексѣй же Михайловичъ часто являлся: подмигиваль, добродушничалъ, говорилъ мудро-дикія вещи, — скрывался.

Съ З. Н. Мережковской нашли точку новую встрѣчи въ рѣшительномъ гнѣвѣ на безотвѣтственность новыхъ кружковъ; и — на «среды» Иванова, заставившаго меня опасаться всепониманія, переходящаго въ «всеобъятіе», «все-покрытіе» утонченнѣйшими діалектическими софизмами; въ нихъ меня останавливала «двусмысленность» и знакъ равенства, ставимый межъ «все-гранностью» и «безгранною». З. Н. жаловалась на ужаснѣйшій хаосъ идей, поднимаемый «средами»; приводило въ негодованье ея очень глупое «дѣйство», совершенное гдѣ-то, когда-то: литераторы, восхотѣвши «мистеріи» и «орхестры», составили хороводъ; и—кололи какого-то литературнаго адвоката булавкою; выжавъ кровь, распивали съ виномъ, называя то глупое дѣйствіе «Діонисовымъ Дѣйствомъ»; называли тогда имена литераторовъ, даже философовъ; и — разумѣется: В. Ивановъ далъ формулу для оправданія «пошлости»; былъ возмущенъ; не ходилъ я на «среды»; З. Н. выговаривала почтенному идеалисту:

— «Не стыдно вамъ было присутствовать? Когда модная литераторша басомъ запѣла гимнъ къ радости, заведя хороводъ, — не ушли вы?»

Философъ сконфуженно тупился: онъ не участвовалъ — только присутствовалъ...

— «Правда ли», — издѣвалась З. Н., что В. В. расшалился, воспользовался потемками и схватилъ милостивую поэтессу за кончикъ ботинки?»

Я думалъ: вотъ здѣсь совершаются «дѣйства», а тамъ «Балаганчики...» В. Ивановъ казался абстрактнымъ профессоромъ, силящимся стать «к о з л о в о д о м ъ» безпутицы.

Дружилъ я съ Т. Н. (или — съ «Т а т о й»), бывавшей у Блоковъ, и—понимавшей меня; и З. Н., и Т. Н. я рассказывалъ о стѣнѣ между мной и А. А.; З. Н. очень близко входила во все; говорила:

— «А?... Видите: ваши «радѣнія», и безгласность у Блоковъ — къ чему привела? Говорила я: «г д ѣ - т о», «ч т о - т о» — къ добру не ведетъ.

Начиналъ ей внимать: отчужденіе отъ Блока перерождалось въ желаніе: агрессивно напасть.

И З. Н., и Т. Н. наблюдали растущую дружбу съ Л. Д., и — спрашивали, принимая все близкое мнѣ; въ З. Н. Гиппиусъ жила жилка «м а т е р а г о» агитатора; ей хотѣлось привлечь Л. Д. къ кругу идей ихъ; «Б л о к ъ» — видѣлся безнадежно далекимъ; Л. Д. возбуждала надежды; обратно: Л. Д., оказавшая рѣзкую оппозицію идеологіи Гиппиусъ, стала меня о ней спрашивать; заручившись согласьемъ З. Н., предложилъ я Л. Д.—отправиться къ Мережковскимъ; Л. Д. согласилась; и назвала З. Н.—«Зиной»; А. А.—показалось мнѣ —былъ недоволенъ; но онъ, подавивъ въ себѣ чувство, спокойно насъ выслушалъ; выраженъе, которое въ немъ

не любилъ, промелькнуло таки; не понравилось въ немъ противленье. Поставилъ я цѣль: расширять кругъ общеній Л. Д., жившей замкнуто, только для «Саши», а здѣсь, въ этомъ бытѣ — сомнительные бѣсенята: и быть мнѣ казался болѣзненнымъ міромъ болота, «Фіалки ночной», отравлявшей А. А.

Это все произвелъ «Балаганчикъ»; въ мірѣ душевномъ есть «Блокъ»; послѣ — нѣтъ!

Ужъ яснѣли слезливыя просины первыхъ, весеннихъ деньковъ; просіяли капельныя слезы; и Петербургъ — улыбнулся; мягчайшею, ранней весною; подъ пѣнье капелей Д. С. Мережковскій, малюсенькій, въ шапкѣ бобровой (я помню на Невскомъ его) мнѣ показывалъ вешнія нити серебряныхъ облачковъ:

— «Ужъ весна».

Собирался съ женою въ Парижъ онъ, продавши «Трилогію» Пирожкову (я слышалъ въ тѣ дни отъ него: «Пирожковъ, Пирожковъ... Я пойду къ Пирожкову...») И вотъ съ «Пирожковымъ» устроилось); былъ Д. С. весель: насвистывалъ въ комнатахъ; и выбѣгалъ на Литейный, на Невскій — глядѣть на весну; дома часто впадалъ онъ въ игривость: и пришедшаго Е. П. Иванова встрѣтилъ онъ рыкомъ:

— «А... вотъ и «рыжакъ!»

И, подталкивая на диванъ, онъ дразнился:

— «Рыжакъ-рыжакомъ...»

Мы съ З. Н. выходили на Невскій (она вдругъ влюбилась прогулки): лорнировала проходящихъ, и — покупала букетики синихъ, весеннихъ фіалокъ.

А дни — бриллиантились, въ слезы пустились; разставились лужицы, и мостовая изъ бѣлой вдругъ стала коричневобурой.

Въ такой-то денекъ я заѣхалъ за Блоками (будто они не умѣли пріѣхать); считалъ своимъ долгомъ! и собственно: вовсе не «и хъ», а — Л. Д. (А. А. часто бывалъ у З. Н.); изъ одной атмосферы въ другую — въ сопровожденіи недоумѣвающего А. А., который отъ насъ запахнулся въ «э к з а м е н ы».

Надоѣло выслушивать: «Саша... экзамены... Сашинъ экзамень...» Съ пренебреженіемъ думалъ:

— «Вотъ невидаль: «С а ш и н ъ» экзамень... Устраиваютъ міровое событіе изъ экзамена... Всѣ мы держали; и не ходили съ «э к з а м е н о м ъ», точно съ торбой».

Обращенье къ экзаменамъ «С а ш и» во мнѣ вызывало:

— «Ахъ, обращаются, какъ съ тюкомъ».

И я, каюсь, я звалъ про себя его:

— «Тюкъ...»

Я думалъ:

— «А этотъ бы «т ю к ъ» да встряхнуть!»

Я не видѣлъ, — пассивность А. А. происходила отъ вовсе иного: терялъ вѣру въ жизнь; а разсѣянность, хмурость, далекость — впоследствии оказались: анестезіей страданія; сталъ удаляться къ «к а л ѣ к а м ъ» и къ «о с т р ы к а м ъ» «Незнакомки». И да: истекала душа его — кровью; когда бы нашелся въ тѣ дни кто-нибудь, кто сумѣлъ бы внушить ему бодрость, послѣдующіе года не протекли бы такъ; разочарованія двадцатыхъ годовъ не унесли бы его! Я былъ близокъ къ нему; и—не понялъ его; и все-дѣлалъ, чтобъ боль его сдѣлать острѣе; и присыпалъ къ его ранамъ лишь соль; о, естественно:

Что же на свѣтѣ пріятнѣй,

Чѣмъ утрата лучшихъ друзей?

Съ ограниченной тупостью я тащилъ къ Мережковскимъ его, — на буксирѣ: среди золотистыхъ капелей; въ двухъ саночкахъ, стучающихся о выступавшіе камни, тащилия медленно у Литейнаго Моста; я — спереди; сзади — Блоки; Л. Д. — возбужденная, а А. А. — лишь скучающій, что могли Мережковскіе рассказать его жизни? Я помню, что я обернулся на эту столь разную пару; Л. Д. помахала мнѣ муфточкой; А. А. сидѣлъ грустный: отчетливый, розовый профиль его (розовѣющій въ солнышкѣ), носъ и лицо, напоминающее мнѣ теперь не зарю, а лицо озареннаго, скорбно-ущербнаго мѣсяца; и большая, бобровая, очень пушистая шапка тѣнила глаза; я махнулъ имъ рукой; А. А. криво совсѣмъ обернулся. Ухабъ: и — подпрыгнули; носъ убѣждалъ въ воротникъ, точно мѣсяцъ ущербный подъ облакомъ.

Слово «у щ е р б ь» опредѣляетъ мое впечатлѣніе отъ него въ эти дни; что-то лунное въ немъ подчеркнулось; казался черствѣе и суше: поджатѣй, ущербнѣй; не элегантенъ онъ былъ; и не розовымъ — желтоватымъ казался; онъ маску носилъ на лицѣ острой боли, которая сопровождала стихи имъ написанные въ періодѣ писемъ о Кантѣ и страхѣ: «За желто-красную листву уходитъ мѣсяца отрѣзокъ... Какъ блѣдень мѣсяцъ въ синевѣ... Какъ тамъ качается въ листвѣ забытый, блеклый, мертвый колось...»

Такимъ блеклымъ, забытымъ и мертвымъ — сопровождалъ онъ Л. Д.

Замѣчателенъ мѣсяцъ въ «Н е ч а я н н о й Р а д о с т и»; онъ — отрѣзокъ; онъ — серпъ, искривленный, ущербный:

Вотъ — сидимъ съ тобой на мху
Посреди болотъ.

Третій — мѣсяць наверху —
Искривиль свой ротъ.

Или:

Ты одѣнешь меня въ серебро,
И, когда я умру,
Выйдетъ мѣсяць — небесный Пьеро,
Встанетъ красный паяць на юру.

Или:

Круторогій мѣсяць щурится вверху.

Или:

Кто тамъ встанетъ съ мертвымъ глазомъ
И серебрянымъ мечомъ?

Или:

Мѣсяць по небу катился — зловѣщій
фонарь:

Или:

Лазурью блѣдный мѣсяць плыль
Изогнутымъ перстомъ.

Всюду — щурый, изогнутый, перекирвленый и
мертвый гримасникъ: таковъ этотъ мѣсяць; а то же,
что подъ нимъ, то есть — чувственность:

Лазурью блѣдный мѣсяць плыль
Изогнутымъ перстомъ.

У всѣхъ, къ кому я приходилъ
Быль алый ротъ крестомъ.
У женщинъ взоръ былъ тусклъ и тупъ
И страшень былъ ихъ взоръ:
Я зналъ, что судороги губъ
Открыли ихъ позоръ...

.....
Меня сжималъ, какъ змѣй, диванъ,
Пытливый гость, — я зналъ,
Что комнатъ бархатный туманъ
Мнѣ душу отравлялъ.

Этотъ лейтъ-мотивъ мѣсяца стихотвореній А. А. — все срывающій скепсисъ, подозрѣвающая человѣка улыбка, граничащая съ издѣвкойю и впечатлѣніе отъ него самого того времени — впечатлѣніе отъ ущербнаго мѣсяца: дѣланная улыбка, зеленоватый оттѣнокъ мутнѣющихъ глазъ, мной подсматриваемый сквозь налетъ равнодушія («Ну — избилъ бы, ну, раскричался бы лучше!»).

Такимъ я подмѣтилъ А. А., подѣзжающимъ въ сачкахъ къ дому Мурузи; заранѣе онъ отравилъ мнѣ всю радость знакомства Л. Д. съ Мережковскими: не было еще знакомства, а онъ — «и с к р и в и л ь» свой ротъ.

И къ стыду своему я въ себѣ уловилъ приливъ бѣшенства къ этому «р т у».

Появились втроемъ мы въ гостинной; З. Н. въ бѣломъ платьѣ (скорѣе въ подрясникѣ) тамъ пышнѣла уже рыже-розовыми кокетливыми волосами, затянутыми ярко-алою ленточкой, нѣсколько оффициально оглядывала черезъ взлетѣвшій лорнетъ; вотъ упалъ онъ отъ глазъ; улыбаясь, пошла къ намъ: Л. Д. даже какъ-то рванулась навстрѣчу; взявъ за руки, сѣли рядомъ,

озаренные красною вспышкой камина; его растапливалъ, перекаляя въ немъ щипчики; занялъ обычное мѣсто свое у огня, забавляясь развитіемъ краснаго газа. А. А., — сѣлъ вдали: сѣлъ въ тѣни; не желая вступать въ разговоръ, онъ отсиживалъ; я молчалъ, чутко вслушиваясь; слышались лѣнныя фразы З. Н.:

— «А... скажите...»

— «А... какъ же...»

— «А... Боря рассказывалъ...»

Разговоръ принялъ дружественное теченіе; я удивлялся: естественна встрѣча; и думалось, глядя на Блока:

— «Чего ты такой?»

Онъ — тѣнѣлъ, выступая лицомъ, восковымъ, точно мумія; и я подумалъ, поглядывая на З. Н.:

Пѣтуха ночного пѣнья.

Холодъ утра. Это — мы.

Если бы зналъ я тѣ строки, которыя скоро напишетъ А. А., я бы ихъ процитировалъ — въ примѣненіи къ нему:

Ночь глуха.

Ночь не можетъ понимать —

Пѣтуха.

Непроизвольнымъ движеніемъ (отъ нервности, или досады) я выхватилъ изъ камина щипцы, повернувшись въ полуоборотъ и взмахнулъ ими въ сумеркахъ; увидавши сіяющій бѣлый зигзагъ раскаленнаго, пахнущаго угаромъ металла, Л. Д. вдругъ схватила за руку З. Н.:

— «Посмотрите...»

— «Что дѣлаетъ...»

— «Остановите...»

Чего испугалась? Засунуль щипцы въ раскаленные уголья; и — отошелъ; явился Д. С. очень — очень любезный и милый (какъ будто бы свѣтскій): какъ будто пришелъ «Пирожковъ». Д. С. часто, впадая въ разсѣянность и натываясь на дамъ приходящихъ къ З. Н., — удивлялся: откидывался, стеклоокій, холодный и — спрашивалъ

— «Вы? Зачѣмъ?»

И выходило:

— «Какъ жаль!»

Въ этотъ день былъ Д. С. прелюбезенъ.

Но всѣ обращались къ Л. Д., — не къ А. А.; было ясно, то «Блокъ» не причемъ: никому онъ не нуженъ; и «нашимъ» не будетъ («Мы — ваши, вы — наши!»)... Онъ самъ это зналъ, покоряясь печальнѣйшей участи: ущербляться у стѣнки, досиживать, чтобы потомъ удалиться; и отсидѣвъ, удалился.

З. Н. говорила потомъ о Л. Д.:

— «Удивительно женственная натура она...»

И Д. С. все похаживалъ:

— «Да, что-то есть въ ней...»

И, кажется, выражалъ свою мысль: Л. Д. дѣйствіе нужно; она — въ созерцаніи (а подъ дѣйствіемъ разумѣлъ онъ, конечно же, — новое религіозное дѣйствіе), долженствующее открыться въ кругу «сознающихъ», иль «Зины», «Антонна» и «Димы»: но «Зина», «Антонъ» или «Дима» «писали» въ газетахъ и «прѣли» въ собраніяхъ; Л. Д. надо бы было скорѣе «взопрѣть»: въ засѣданіяхъ Религіозно-Философскаго О-ва... Поговорили съ часокъ о Л. Д.; и «взопрѣли» на темы серіозныя; объ А. А. и не вспомнили.

Ты одѣнешь меня въ серебро,
И, когда я умру,
Встанетъ мѣсяць — небесный Пьеро —
Встанетъ красный паяць на юру.

.

На другой ужъ день предъ разложенными сундуками, запихивая въ сундуки переплетенныя книжечки со стихами, флаконы духовъ, связки рукописей и изящныя ленточки, З. Н. снова говорила о «Б л о к а х ъ»; просила писать ей.

.

Уже проводили Д. С. и З. Н. на варшавскій вокзалъ; Д. С. ѣхалъ въ теплѣйшей, енотовой шубѣ, хотя разливала потоки весна (онъ боялся — простуды, заразы, пылинокъ: потомъ — революціи); только въ вагонѣ одѣлъ онъ пальто; съ Мережковскими выѣхалъ и Д. В. Философовъ. Я же, «Т а т а» и «Н а т а», и, кажется, Карташевъ — провожали.

И — опустѣло: мы зажили въ «Т а т ы - Н а т и - н ы х ъ» комнатахъ; стало въ гостиной уныло; и нянюшка, Дарья Павловна, надѣвъ на носъ очки, обходила квартиру; ходилъ Карташевъ; Ната насвистывала духовныя пѣсни, работая надъ рѣзною скульптурою; да: хаживалъ тоже художникъ; и онъ — заикался.

Разъ даже обѣдали вмѣстѣ (А. В. Карташевъ, «Т а т а - Н а т а», я, Ремизовы) — въ кабинетѣ у Палкина; пили вино; и А. В., приподнявшись, стаканъ протянувъ, вдругъ запѣлъ своимъ теноромъ, въ пѣніи закрывая глаза, точно птица: «В ы ж е р т в о ю п а л и в ъ б о р ь б ѣ . . . » А. М. Ремизовъ предложилъ поводить хороводъ; мы, смѣясь, поводили; потомъ, — заходили сниматься: снялись; дней черезъ десять уѣхалъ я: гдѣ эти снимки — не знаю.

СЛИШКОМЪ ПОЗДНО!

Да, рѣшительный разговоръ! Но о чемъ? «Багагачикъ» — не въ немъ только дѣло, а въ томъ, что въ словахъ между нами ни разу и не было сказано, что носилось вокругъ «атмосферой» безъ слова, въ ритмическомъ обереганьѣ другъ друга во имя единого Главнаго; передъ какою-то темой ходили мы оба — цѣннѣйшей, которую мы должны были нѣкогда осуществить на землѣ; такъ, команда фрегата, осуществляя различныя функціи, въ конечномъ итогѣ всѣ функціи способствуютъ плаванью; гордый фрегатъ пересѣкаетъ опаснѣйшій океанъ; и — приближается къ Новому Свѣту; матросы команды во время пути могутъ ладить другъ съ другомъ; и могутъ поспорить они; это — частное дѣло; ихъ общее дѣло какія-то производить очень разныя дѣйствія (такъ: одинъ измѣряетъ глубины, другой — смотритъ въ трубку, а третій про-smаливаетъ канаты; четвертый — стоитъ у руля); въ результатъ же разнообразныхъ и видимо вовсе не связанныхъ службъ совершается общее дѣло: корабль продвигается.

Да, возникшая непроизвольно «коммуна» — А. А., я, Л. Д. и С. М. Соловьевъ. Мы съ С. М. добровольно избрали А. А. капитаномъ; Л. Д. оказалась по нашему мнѣнію (уже потомъ) очень-очень талантливой капитаншей; С. М. ее прочилъ въ начальницы; произошло вдругъ смѣщеніе команды; и въ результатъ: С. М. насъ покинулъ; теперь уже я обнаружилъ подмѣну пути, въ результатъ котораго произошло столкновение; обнаружена течь, отъ которой — корабль погибаетъ; а «капитанъ» называетъ событіе это — «Нечаянной Радостью»; я все стараюсь предъ нимъ обнаружить ошибку; а онъ — запирается, предоставляя

нась участи; я — произволомъ захватываю отъ отчаянья власть надъ команднымъ составомъ; и — силуюсь спустить прямо въ воду спасательные баркасы; теперь предлагаю настойчиво сѣсть пассажирамъ (Л. Д.), пока можно спастись. Меня спрашиваютъ: «А капитанъ?» Я бросаюсь къ каютѣ, въ которой сидитъ легкомысленный капитанъ, начинаю ломиться въ нее; дверь — заставлена, какъ нарочно, какими то совершенно ненужными тяжестями и «тюками» («тюки» государственные экзамены «Саши»).

Вотъ какъ символически изобразилъ бы я суть создавагося положенья межъ нами троими.

Не важны совсѣмъ и тѣ личныя отношенья, какія теперь обнаружились; межъ капитаномъ и мною могли быть нѣжнѣйшія дружбы, могли быть сквернѣйшія свары; нѣжнѣйшія дружбы и скверныя свары для общаго корабельнаго дѣла — ничто, когда надо стоять у руля, когда надо натягивать парусъ; вѣдь общее дѣло — спасенье нашего корабля — въ мигъ опасности вызвало бы лишь сознаніе долга въ участникахъ плаванія; мнѣ казалось, что въ личныхъ тревожныхъ нападкахъ моихъ на А. А., непонятно молчащаго въ мигъ, когда нашъ погибаетъ корабль, на который вступили мы всѣ, осуществляю единственную возможную линію поведенія такъ: въ нападеньяхъ на Блока я видѣлъ свой долгъ; лишь годами позднѣе я понялъ: въ молчаніи Блока была своя тактика, болѣе мудрая, нежели безпокойное подаванье сигналовъ къ спасенію; гибель душевнаго міра А. А. я воспринялъ, какъ течь корабля; онъ — въ гибели міра души не забылъ о духовномъ; въ духовномъ пути продолжалъ свое странствіе «А р г о»; сильную качку воспринялъ ударомъ о камни; мой зовъ «н а б а р к а с ы», — былъ бунтомъ матроса; и капитанъ отвѣчалъ мнѣ:

— «Молчи».

Я молчать не хотѣлъ; кричалъ:

— «Гибель!»

А гибели — не было; зовъ на баркасы былъ — гибелью; съ нимъ и боролся А. А.; не разслышалъ духовной команды; А. А. не сумѣлъ сдѣлать внятной команду; А. А. былъ Колумбъ, вѣрно правившій плаваньемъ, но невѣрно освѣдомленный о способностяхъ къ слуху; оба — неправы; опять таки, — правы; вина — не во мнѣ и не въ немъ; и опять таки, — можетъ, во мнѣ; онъ меня не винилъ: за мной бунтъ; я его обвинялъ.

Вины не было тамъ, гдѣ искалъ я; вина въ томъ, что трудныя переживанья мистеріи человѣческихъ отношеній свалились совсѣмъ неожиданно; не воплоти-мая безъ духовной работы и безъ среды сизигической соціальности, о которой мечталъ Соловьевъ, — отношенія опрокинулись: въ безобразіе долгихъ, гнетущихъ, кошмарами дышащихъ дней, даже мѣсяцевъ; гдѣ же мудрые, вѣщіе руководители знаній? Они — опоздали: они не пришли, допустивши надрывъ въ этой пламенной жизни.

По книжечкамъ цикловъ, прочитанныхъ Штейнеромъ, просто указывать, гдѣ напуталъ въ пути къ посвященію Блокъ... И легко говорить: «Фридрихъ Ницше погибъ оттого, что ключами науки еще не владѣлъ...» Гдѣ были «ключи»? Допустили страданіе Ницше и лучшаго русскаго, нужнаго русскимъ.

Блокъ — душа столь огромная, что овладѣй она тайнами знанія, она озарила бы свѣтомъ Россію: но констатировали: что въ началѣ столѣтія вопрошала душа русской жизни, не получая отвѣтовъ.

Позднѣе — я рассказывалъ Блоку: антропософія мнѣ открыла то именно, что для насъ въ эти годы стояло закрытымъ; но было ужъ поздно; стоялъ опаленнымъ А. А., потому что онъ ранѣе прочихъ стоялъ предъ Вратами; пусть тысячи, запасающіеся антропософскими циклами, безнаказанно знаютъ пути, изучая внимательно пятьдесятъ слишкомъ цикловъ!

Вы скажете: антропософія! Да, — слишкомъ поздно!..

Я Блока простить не могу!

Онъ тянулся къ гармоніи человѣческихъ отношеній; объ упражненіяхъ, медитаціяхъ, шести правилахъ не говорили ему; помню я, что дрянную книжечку Люд-битера онъ перелистывалъ; и — разглядывалъ а у р ы ; но, не къ восточнымъ же теософамъ? И сквозь Люд-битера въ годы тѣ онъ подслушивалъ что-то. И юношей онъ понималъ: человѣческой коллективъ — индивидуумъ: органъ Софіи; искалъ онъ связаться, искалъ «эзотериковъ»: «Свяжемъ вмѣстѣ руки, отлетимъ въ лазурь»... Зналъ, — для этого отлетанія надо конкретно самимъ стать лазурью: «Не поймешь синяго ока, пока самъ не станешь, какъ стезя»; какъ же стать «синимъ окомъ»?

Гдѣ жъ были вы, когда Блокъ подходилъ къ вашимъ темамъ? И — почему не отвѣтили?

Онъ былъ близко отъ мѣста Іоаннова Зданія. Зданія — не было.

Фаусту открывается — послѣ пути

Онъ — отошелъ: навсегда!

Das Unbeschreibliche
Hier ist getan...

Это — увидѣль въ началѣ пути А. А. Блокъ: «Chorus Mystikus»! Мы — собрались: постарались создать этотъ хоръ; появились «мистики» «Балаганчика». Гдѣ было Бѣлое Братство, когда еще дѣти совсѣмъ, нарядились мы въ «бѣлые колокольчики» Соловьева.

Не виноваты, что тайна — коснулася, а пришло объясненіе лишь тогда, когда стали пепломъ.

Что думать? Что были мы жертвами тѣхъ, кто вершатъ судьбы, сроки, иль жертвами... собственной неосторожности? Мы отдались свѣтовому лучу, мы схватились за лучъ, точно дѣти; а лучъ былъ огнемъ; онъ насъ — сжегъ; назидательное объясненіе опоздало — лѣтъ на десять!..

«Блокъ» теперь спить; я калѣкой тащусь по спасительнымъ, поздно пришедшимъ путямъ.

Отвѣчайте же, мудрые!

Въ тѣ недѣли я ждалъ: готовится сломъ трехъ мистерій не осилившихъ жизней; нужна намъ была эвритмія духовная нѣтъ, не теперь (теперь — поздно!): тогда! Еслибъ мы въ эти годы умѣли ходить амфибрахіемъ, ямбомъ, — А. А. бы былъ живъ; не лежалъ бы въ парижской больницѣ и я, изливаясь унылыми строчками:

Нѣтъ, спрячусь подъ душныя плиты
Могила, родная мать,
Ты одна вѣнкомъ разбитымъ
Не устанешь надъ сыномъ вздыхать.

Лейтъ мотивъ «корабля» иль пути появляется явственно въ произведеньяхъ А. А. того времени. «Арго» таки насъ везетъ; совершаемъ отплытіе мы,

какъ умѣемъ, безъ изученія «Wie erlangt man»; и даже «Dreigliederung» гдѣ-то предвидѣно.

Да, на корабль мы пытаемся сѣсть.

Лейтъ-мотивъ «Кораблей» подымается въ лейтъ-мотивахъ «Нечаянной Радости». Въ стихотвореніяхъ прежней эпохи ихъ нѣтъ еще; что же такое корабль? Это — цѣлое; это — плерома изъ душъ, это — храмъ; сюда входимъ, довѣрившись дѣтски другъ другу; и — отплываемъ; и указаніе на отплытіе это есть первое упоминаніе о «к о р а б л ѣ»:

Тамъ зажегся послѣдній фонарь,
Озаря таинственный моль.
Тамъ корабль возвышался, какъ царь,
И вчера въ океанъ отошелъ.

И уже тотчасъ съ момента отплытія корабля, — изъ туманнаго моря навстрѣчу встаетъ образъ смерти:

Издали мнѣ привидѣлась Смерть,
Воздвигавшая тягостный звукъ.

Эта смерть — катастрофа, постигшая «Арго». Она мнѣ предвидѣлась; изобразилъ ее я въ фантастическомъ измышленіи «Аргонавты»¹⁾

Что тягостный звукъ?
Переплески далекихъ морей.
Голоса корабельныхъ сирень.

Сирены же есть навожденіе:

¹⁾ См. „Золото въ лазури“

Дочка, то сирена поеть.
Берегись, поидемъ-ка домой...

То, что строить корабль отпльваній есть «зори»; «корабли» у А. А. очень часто на фонѣ зари, иль весны; корабли сами — зори¹⁾):

«Въ часъ закатный, въ часъ хрустальный показались корабли... Пѣли гимнъ багровымъ зорямъ...» (64); или «Но съ кораблей, испытавшихъ ненастье вѣсть о разсвѣтѣ достигла земли»... (66); «Стоить полукругъ зари. Скоро солнце совсѣмъ уйдетъ. Смотри, папа, смотри, какой къ намъ корабль плыветь»... (81); «Полоской алой покатилаь... слеза... А корабль уплывалъ къ веснѣ»... (90). «Тихо повернулась красная корма, побѣжали мимо пестрые дома» (173). Корабли сулятъ — радость: «И я пою, все такъ же стройно мечту родного корабля» (88), «И всѣмъ казалось, что радость будетъ, что въ тихой заводи всѣ корабли, что на чужбинѣ усталые люди свѣтлую жизнь себѣ обрѣли» (89), «А корабль уплывалъ къ веснѣ» (90), «Здѣсь тишина цвѣтетъ и движеть тяжелымъ кораблемъ души» (124). Маяки освѣщаютъ кораблямъ путь: «О, свѣтоносные стебли морей, маяки!.. И лучи обѣщаютъ спасеніе тамъ, гдѣ гибнуть матросы». (62). Скоро всѣ тѣ корабли только-призраки, тѣни: «Мы печально провожали голубые корабли» (56). «Смотри, ужъ туманъ ползеть: ко-

¹⁾ Всѣ указанія страницъ — указанія страницъ второго тома издательства „Слово“.

рабль сталь совсѣмъ голубой» (81). Корабли — погасають, становятся снами: «И на розовой гаснетъ кормѣ уплывающій кормщикъ» (83), «Только на закатѣ въ зоряхъ наклоненныхъ мчались отраженья, тѣни кораблей. Но не всѣ читали заревые знаки, да и зори гасли, и — лицомъ къ лунѣ — блѣдная планета, разрывая мраки, знала о грядущемъ безнадежномъ днѣ» (58). Корабли тають: «Безначальный обманъ океана» (63). Корабли терпятъ крушеніе въ туманѣ и въ воѣ сирень: «Вы слышите — гдѣ-то за ночью, за бурей — зыванье сирень» (61). «Гудѣль океанъ, и лохмотьями пѣны швырялись моря на стволы маяковъ. Протяжной мольбой завывали сирены: тамъ буря настигла суда рыбаковъ» (61).

РѢШИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

Съ корабля нашихъ странствій хотѣлъ я спастись на волнами качаемой лодочкѣ; и въ рецензіи съ раздраженіемъ откликнулся на фразу невнятнаго предисловія къ «Нечаянной Радости»: «Новой радостью загорятся сердца моряковъ, когда за узкимъ мысомъ появятся большіе корабли». Не безъ злости я спрашивалъ: «Радоваться только тому, что изъ за узкаго мыса плывутъ корабли еще рано»; и — разумѣлъ строки Блока:

Смотри, папа, смотри
Какой тамъ корабль плыветъ!

.
Дочка, то сирена поетъ,
Берегись, пойдѣмъ-ка домой.

Появленіемъ «корабля» начинается гибель героя въ одномъ изъ разсказовъ Мопассана: Прекрасная Дама на пароходѣ не ѣздитъ. Корабль привозилъ... Незнакомку... Вы помните: въ драмѣ А. А. «Незнакомка» корабль фигурируетъ лишь малярной раскраскою стѣнъ кабачка, а движеніе его — головокруженіе пьянаго чувства. Съ такихъ «кораблей» предлагалъ перебраться въ простую, житейскую лодочку.

Разговоръ долженъ былъ рѣзко выдвинуть это.

А. А. же съ упорствомъ бѣжалъ, выходя къ намъ съ Л. Д. иль ко мнѣ съ Александрой Андреевной, вперялъ свои дѣтскіе, очень большіе глаза; и — просилъ:

— «Боря, нѣтъ!»

— «Лучше намъ помолчать: подождемъ!

«Снисходилъ»: самъ же рвался къ рѣшительному разговору межъ нами; и «снисхожденіе» — откладывалось, какъ мученіе: раздраженіемъ.

— «Тюкъ» — думалъ я — «вотъ такъ «тюкъ!»

— «Нѣтъ, не сдвинешь...»

И превосходство порой прорывалось; казалось: щагу, но цѣной осложненій сознанья во мнѣ.

Разговоръ велся линіей жеста, поступковъ; словами — молчали, иль говорили: простое, пустое; по-малкивала Александра Андреевна, насторожилась, почувствовавши отточенность отношеній.

Все-таки, — былъ разговоръ: и я считаю его обусловливающимъ поведеніе этого года:

Заранѣ предупредилъ я А. А.:

— «Ахъ, не надо бы...»

Заявилъ: говорить таки надо; отъ этого разговора зависить — все; понялъ въ словахъ — ультиматумъ; и оторвавшись отъ чтенія, посмотрѣлъ на меня очень-очень открыто; и натягивая улыбку на боль, сказалъ:

— «Что же, я — радъ!»

И я тутъ заявилъ о радикальномъ рѣшеніи (содержанье его опуцу), отражающемся больно на немъ; не забуду: лицо его, словно открылось: открытое, протянулось ко мнѣ голубыми глазами, открытыми тоже; на блѣдномъ лицѣ (былъ онъ блѣденъ въ тѣ дни) губы дрогнули: губы по дѣтски открылись:

— «Я — радъ...»

— «Вотъ...»

— «Что жъ...»

О, горькая радость!

И былъ онъ прекрасенъ всѣмъ матовымъ ликомъ и пепельно-рыжеватыми волосами, и жестомъ изогнутой, гордо откинутой шеи, открытой и выражающей мужество; всталъ надъ столомъ, а рубашка свисающей шерстью легла вокругъ таліи мягкими складками; великолѣпнѣйшимъ сочетаніемъ свѣто-тѣни: на фонѣ окна, открывавшаго сирый просторъ ледяного пространства воды съ очень малыми зданьями издали; перелетали вороны; и черно-синія, черно-сѣрыя тучи, смѣшавшіяся съ дымами, праздно повисли; и — чувствовалось: поступь судьбы.

Утро скажешь: взгляни: утомленный работой,
Ты найдешь въ бурунахъ
Обезсиленный трупъ,
Не спасенный твоею заботой,

Избѣжавшій твоихъ свѣтоносныхъ лучей,
Преступившій послѣдній порогъ...
Невидимъ для очей,
Черезъ пологъ ночей
На челѣ начерталь примиряющій Рокъ:
«Н и ч е й...¹⁾»

Я впоследствии вспоминалъ эту сцену: стоящего надъ развернутой книгою по сравнительной филологіи (можетъ быть, и надъ книгой Судьбы), отражающаго улыбкою наносимый ударъ: и большое чело поразило; не оттого ли, что здѣсь «начерталь примиряющій Рокъ».

— «Ничей!»

— «Я — радъ!»

Въ воспоминаніи — вспомнилось (воспоминаніе вспомнилось) первое появленіе Блоковъ ко мнѣ на Арбатъ; и — какое-то замѣшательство между нами троими, какъ вѣсти судьбы о грядущемъ несчастіи; тамъ, въ очень маленькой, тѣсной арбатской передней въ предчувствіи предносилось стояніе насъ черезъ два съ лишнимъ года у письменнаго стола надъ тяжелою книгою по сравнительной филологіи (можетъ быть — книгой судьбы), у окна, показующаго ледяныя пространства воды съ очень малыми зданьями издали; тамъ грязнѣли отъ дыма клокастыя черно-синія, черно-сѣрыя тучи, повисшія праздно, перерѣзаемая полетомъ воронъ:

Eine Krähe ist mit uns
Aus der Stadt gezogen.

¹⁾ Курсивъ мой.

Тутъ и намѣтилась необходимость дальнѣйшаго объясненія, происшедшаго въ началѣ слезливаго Марта, когда сквозняками приневскаго вѣтра срываются шляпы и черезъ голову остервенѣло закидываются плащи и бодолы, когда мостовая въ туманѣ скрежещетъ лопатами, шлюпаютъ грустно въ ногахъ шоколадная слякоть чистѣйшаго снѣга, свареннаго въ гадкую гниль, распространяющую инфлуэнцы и насморки.

Въ этотъ вечеръ тревожная Александра Андреевна особенно тихо, передавая мнѣ чай, торопила:

— «Да пейте же, пейте скорѣе: вамъ надо...»

— «Уже поздно».

А. А. сидѣлъ молча; Л. Д. была чопорна; Александра Андреевна, показывая глазами на «С а ш у» и «Л ю б у», какъ бы говорила:

— «Вы — бережнѣ!»

Я замѣтилъ внимательный глазъ, чернокарий, надъ носомъ, склоненнымъ къ бородкѣ, закручиваемой рукою, сухою рукою; Францъ Феликсовичъ, мягко входящій и исчезающій такъ же, тутъ понялъ, что сердце стучало; я къ нему повернулся, но — нѣтъ: чернокарий глазъ бѣгалъ кротчайше надъ скатертью, и — потирались руками; въ эпоху натянутыхъ отношеній съ А. А., Францъ Феликсовичъ дѣлался мнѣ очень близкимъ — чѣмъ? Можетъ быть тѣмъ, что А. А. ему чуждъ (самъ А. А. мнѣ признался). И стыдно: въ моихъ расхожденьяхъ съ А. А. опирался какъ бы на Ф. Ф., предлагая сочувствіе. Ошибаюсь?

Навѣрное!

Встали, прошли въ кабинетикъ А. А., затворивъ плотно дверь; электричество (красненькій абажуръ); вотъ и столъ съ деревянною папиросницей, шкафъ съ корешкомъ тома Байрона, столъ любимаго, темно желтая съ краснымъ ткань, леопардовая какая-то, на

Л. Д., шелестящая тихо, когда, точно кошка, Л. Д. припадала на жесты, чтобы во время выпрыгнуть из застылости и очутиться межъ нами; схватятся руками за золотистую, подвитую головку сверкающими глазами перебѣгать съ А. А. на меня (и обратно), то — сталкивая, то — разводя насъ, какъ секундантъ на единственномъ поединкѣ идеологій, столкнувшихся жизнями, уподобляясь дуэлянту, на дерзостныхъ выпадахъ (на секундахъ и примахъ безъ квартъ и секстимъ), нападалъ на А. А., побивая своей прямою предполагаемое «двуличіе», чтобы сразу распутать неразрѣшимую петлю межъ нами.

Выступая открыто, старался А. А. дать понять я, что лучше по-рыцарски биться, чѣмъ тайно подсиживать; будущее показало: «двуличіе» А. А. было слѣдствіемъ вѣрности духу при недовѣрії къ той душевности, которую считалъ «духомъ» я; и не видя душевности, я стремился къ разрыву; диктовалъ ультиматумы по з о й; А. А. ждалъ лишь мудраго разрѣшенія временемъ тяжбы; онъ правду мою созерцалъ, какъ туманъ, изъ котораго выхода нѣтъ; есть — одинъ: растворить въ атмосферѣ: высокимъ давленіемъ; я — боролся съ туманомъ, бросаюся; и — попадая въ туманъ; въ этихъ жестахъ, бросающихъ къ выходкамъ — была правда моя: вѣрнѣй поза, которую я рисовался.

И на тему «двуличія» распространялся я съ паёсомъ; и А. А. — темный, встрепанный, беззащитно блуждая глазами, сидѣлъ «раскарякой» (безъ свѣткости), — у стѣны, на диванѣ, выщипывая волосики изъ сидѣнія; и опускалъ низко голову; и уставлялся въ меня исподлобья «непонимающимъ» взглядомъ.

— «Тюкъ!..»

Тутъ вмѣшалась Л. Д.:

— «Саша, да неужели же!»

И — безмолвіе, ни уступающее, ни обвиняющее: глухое.

Ночь глуха.

Ночь не можетъ понимать —

Пѣтуха.

Но онъ былъ побѣдителемъ, отвѣчая на примы, контръ-примами; и — отлетала рапира моя:

— «Нападай!» — всѣми жестами я говорилъ; опустилъ онъ рапиру: сидѣлъ и выщипывалъ изъ дивана. Тутъ поединку противопоставилъ другой: испытанье терпѣніемъ, непоказуемымъ мужествомъ, полнымъ отсутствіемъ позы; а я, Маркизь Поза, стоялъ передъ нимъ; что могъ онъ отвѣчать? Что рѣшенья мои — фальшь и фальшь; самъ исхода — не видѣлъ.

Молчалъ.

Но молчаніе истолковывалъ я по иному; мнѣ видѣлся образъ противника, выронившаго рапиру и открывающаго грудь въ расчетъ на то, что рапира опустится; и — опустилась: отъ чувства жалости: точно сѣлъ на коверъ, совершеннѣйшимъ раскарякой, сказавъ:

— «Конечно, для человѣка, сѣвшаго на полъ».¹⁾

И я — «п о щ а д и л ъ», оборвавъ разговоръ и стремительно убѣжавъ, не простившись.

Мнѣ стыдно: такъ мудрость ушибла меня; и бѣжалъ по промозглымъ проспектамъ съ тоскою, которую выразилъ я въ «П е т е р б у р г ѣ», (описывая пробѣги Николеньки Аблеухова, вдоль октябрьскихъ каналовъ) — по направленію къ Шпалерной, гдѣ снялъ себѣ комнату (у Таты-Наты произошла перемѣна: перемѣ-

¹⁾ Слова изъ моей „Симфоніи“.

щенія); я попалъ въ ресторанчикъ, на Караванной; въ душѣ отдавалося:

— «Побѣжденъ! Побѣжденъ!»

Идеологія въ ту эпоху ломалась: и представляла сложнѣйшую амальгаму изъ Риккерта, Ницше, Бакунина, Штирнера, Іоанна; она диктовалась: переоцѣнкою цѣнностей, переживаніями, революціей, оборвавшей свой ходъ и теперь потухающей, взрывами бомбъ и налетами максималистовъ.

Гносеологическое сужденіе «истинное есть цѣнное» я истолковывалъ въ подчиненіи отвлеченныхъ понятій объ истинѣ цѣнному творчеству, индивидуальнымъ путямъ, опрокидывающимъ и взрывающимъ старыя формы: «тюки»; что касается этихъ «тюковъ», то моя философія диктовала:

— «Взрывать!»

Философія эта врѣзалась въ вопросъ, поднимаемый каждымъ въ тѣ дни:

— «Можно ли убивать?»

И Каляевъ — герой мой; и себя мыслилъ Зигфридомъ; Зигфридъ — убилъ злого Фафнера, косность біологическаго быванія превративъ въ цѣнность жизни. А. А. представлялся мнѣ пропускающимъ нечисти въ мѣсто, гдѣ строили храмъ. Вставалъ жгучій вопросъ: что съ нимъ дѣлать? Какъ быть? Бить по Блоку? Но — избѣгаетъ онъ боя; и преграждаетъ дорогу, какъ... «тюкъ».

Отступилъ безъ отвѣта; отвѣтъ — ресторанчикъ на Караванной, въ которомъ по вечерамъ я угрюмо старался забыть тотъ же голосъ, мнѣ шепчущій:

— «Долженъ: ты — долженъ?»

— «Что долженъ?»

Молчало...

Дѣла призываютъ въ Москву; и я — ѣду; съ намѣреніемъ — скоро вернуться; тамъ въ долгихъ бесѣдахъ съ С. М. Соловьевымъ, съ Петровскимъ высказываю я горечь недоумѣнья, надорванности; утѣшеніемъ — мнѣ бесѣды съ М. К. Морозовой, задѣвающей свѣтлыя струны; поддерживаю переписку съ Л. Д.; Блокъ не пишетъ: молчитъ.

Заболѣваетъ Л. Д. Надвигается время обратнаго выѣзда въ Питеръ; письмо отъ А. А.: не пріѣзжай, потому что Л. Д. ослабѣла, а я — весь въ экзаменахъ; и подобное — получаю отъ Александры Андреевны; воспринимаю я письма не просто; въ нихъ вижу предлогъ улизнуть; это все обуславливаетъ мой отъѣздъ изъ Москвы; увѣдомляю Л. Д., Александру Андреевну неделикатнѣйше; Александра Андреевна обижена; а Л. Д. — рекомендуетъ не ѣхать; я — ѣду.

Святая недѣля!...

Пріѣхалъ съ тяжелымъ принудомъ, иду неувѣренный, буду ли принять; стѣсненно встрѣчаетъ Л. Д.; и приводитъ на «и хъ» половину; изъ этого заключаю, что Александра Андреевна — не принимаетъ меня; застаю переводчика, Ганса Гюнтера и латышскаго дѣятеля, восхищеннаго красотой Петербурга и атрибутами автократіи; А. А., сдержанный, все же любезный, показываетъ: не разсѣять молчанія, никакихъ разговоровъ! Звонокъ: появляется С. Городецкій...

Подавленный, возвращаюсь на Невскій, въ Бель-Вю.

Дипломатія возстановилась таки: Александра Андреевна меня приняла, положивъ гнѣвъ на «сдержанность»; выказала удивительное терпѣніе: всей душой примыкая къ А. А., зная ярость мою на А. А. — быть такой деликатной! Л. Д. допускала меня къ разговорамъ; ходилъ къ ней; запомнился день; былъ онъ

душень и мутень: гроза приближалась; молчали; Л. Д. ушла взглядомъ въ страду. А. А. въ эти дни я почти не видалъ; онъ сидѣлъ у себя; и потомъ — исчезалъ онъ.

Однажды, въ 12 часовъ ночи — онъ: входитъ въ мятомъ своемъ сюртукѣ, странно сѣрый, садится; и — каменѣеть у стѣнки; Л. Д.:

— «Саша, — пьяный?»

А. А. — соглашается:

— «Да, Люба: пьяный...»

Вернулся въ тотъ день съ острововъ; въ ресторанимъ было написано стихотвореніе «Н е з н а к о м к а», потомъ получившее очень большую огласку; его — не любилъ за все то, что связалось съ надрывомъ въ А. А., выступающаго изъ тѣней сѣро-стертымъ лицомъ; и — заявляющаго хриплымъ голосомъ:

— «Да, Люба: пьяный...»

Стихотвореніе фигурируетъ, какъ автографъ: я помню бумажку съ набросанными строками; склоняюсь — надъ почеркомъ: сравниваю начертанія буквъ съ начертаніями первыхъ писемъ; да, да: измѣнилась рука; тамъ — крупнѣе, прямѣе, нажимистѣй, четче; здѣсь — болѣе хвостиковъ, закруглений; и — буквы сливаются: спѣшка!

Мѣняется съ почеркомъ видъ; исчезаетъ совсѣмъ франтоватость: «с т у д е н т ъ» — безо всякой лощености; смята фуражка; и — голосъ: грубѣй (хрипотца); взглядъ — припухшій; гдѣ розовая атмосфера, которой онъ дѣйствовалъ? Глубже морщина на лбу; вырастаетъ отчетливо носъ, заостряясь и бросая на впалыя щеки какія-то протѣни; этой весною онъ ходитъ остриженный; воспринимаю его: некрасивымъ и темнымъ, какъ будто онъ со-свѣту входитъ въ тѣнь; неувѣренно, зыбко и шатко мнѣ съ нимъ; избѣгаю; и онъ избѣ-

гаеть: молчить; я — поругиваю Чулкова, Иванова; онъ выговариваетъ съ отчетливымъ «ч т о б ы» пустое.

— «Ходилъ на экзамень?»

— «Да...»

— «Выдержалъ?»

— «Выдержалъ».

Не настаиваю на разборѣ, на «тяжбѣ»: до «п о с л ѣ э к з а м е н о в ь!» Въ соотвѣтствіи съ видомъ теперь развито въ немъ пристрастіе къ зыбко-расплывчатымъ ритмамъ и риѣмамъ; господствуетъ зыбкій размѣръ; и сознательно вводятся мило-невѣрныя риѣмы: «г р а н и ц ь - ц а р и ц - у», «к у п а л ь н и ц ь - м о л ч а л ь н и ц ы», «в а ж н ы й» и «в л а ж н ы й».

Стихотвореніе «Н е з н а к о м к а» — отвергъ; напечатано было въ послѣдствіи стихотвореніе «К л е о п а т р а»; и стало ясно, что «Н е з н а к о м к а» — явленіе «К л е о п а т р ы», лежавшей въ музеѣ и вставшей, зашедшей къ Вертгейму, одѣвшейся въ модное все, прикатившей въ экспрессъ въ Россію; явившейся къ Блоку:

И вѣютъ древними повѣрьями
Ея упругія шелка.

Тутъ — «п о в ѣ р ь я» Египта, проклятаго для А. А., наградившаго страшною Музою, о которой сказалъ онъ потомъ:

И когда ты смѣешься надъ вѣрой,
Надъ тобой загорается вдругъ, —
Тотъ неяркій, пурпурово-сѣрый
И когда то мной видѣнный кругъ.

.

Недовѣріе къ петербургскому символизму откладывалось; и — къ его насадителю: Вячеславу Иванову, съ «Башни», съ Таврической, сѣявшего туманы смѣшенной и вылетававшего, вѣроятно, въ трубу по ночамъ въ сопровожденіи «вѣдмессъ» — на помелѣ, надъ тогда открывавшейся Государственной Думой; квартира — высоко-высоко: подъ чердакомъ; Дума видѣлась подъ ногами; мы вылѣзали на крышу — по «средамъ», часовъ уже въ семь («Среды» длились съ двѣнадцати ночи часовъ до 8-ми т. е. собственно были не «среды» они — «четверги»: до двѣнадцати ночи сравнительно было тамъ пусто); профессоръ Аничковъ, игриво взошедшій на крышу, рукою схватясь за трубу, совершенно повисъ надъ шестью этажами; при грузной комплекціи уважаемаго Е. В. это все повергло въ дѣйствительный ужасъ; и крыша — меня забавляла, заварка «мистическаго анархизма» — нисколько; теченіе казалось тлетворнымъ (Чулковъ писалъ книгу свою, В. Ивановъ — сочувствовалъ; Мейерхольдъ, про котораго Эллисъ сказалъ — «носъ на ципочкахъ» — собирался, какъ кажется, что-то такое надѣлать, разъ прибѣжавши къ А. А., заявилъ онъ при мнѣ: «Надо броситься въ бездны». Я думаю, что профессоръ Аничковъ, повисшій надъ бездной съ таврической крыши, былъ подлиннымъ анархистомъ по храбрости; прочія «бездны» не видѣли: видѣли — декоративную бездну).

Авторитетность Иванова покрывала двусмыслицы; думаю: Вячеславу Иванову послѣ трудовъ за границей, попавши въ богэму, хотѣлось шалить; вотъ онъ выдумалъ — «анархизмъ»; а я связывалъ многое, водворившееся между мною и Блоками съ литературною атмосферою; революція къ героизму зывала;

межь тѣмъ: атмосфера мистическаго анархизма во мнѣ вызывала «распутицы» до... Распутина: вмѣсто жизни — промозглый туманъ, куда прытко въ трубу вылетали по «Средамъ»; расходъ между мною и Блокомъ его влекъ къ Иванову (былъ я тогда непріятенъ; Ивановъ же пѣлъ дифирамбы); меня, начинавшаго чувствовать это, все болѣе прибывало къ лабораторіи Брюсова, т. е. къ московскимъ «Вѣсамъ»; петербуржцы въ послѣдствіи объединились въ «Орахъ»; въ «Вѣсахъ» я пустилъ уже прочные корни; съ С. М. Соловьевымъ уже замыслили походъ мы на Питеръ; недостовало лишь мелочи, чтобы оформить расколъ.

Дипломатическія сношенія съ Вячеславомъ Ивановымъ все же поддерживалъ; онъ былъ ласковъ, сантименталенъ, меня обволакивая туманомъ идей; у него на «Средахъ» было шумно; профессоръ Аничковъ, К. Эрбергъ, Чулковъ, Габриловичъ и много другихъ, тамъ бывали и дѣятели искусства: Бакстъ, Сомовъ, Билибинъ, А. Н. Бенуа, Добужинскій. Б. А. Лемонъ читалъ тамъ стихи; отведя меня въ сторону, разъ рассказывалъ о какихъ-то сомнительныхъ опытахъ; и — внушилъ подозрѣнье надолго; читалъ здѣсь «Феникса», противопоставляя его тайнѣ «Сфинкса», загадкѣ, претолѣваемой актами созиданья; А. А. въ представленіи моемъ палъ подъ бременемъ «Сфинкса»; а я — волилъ ясности: слова и дѣйствія. Формировалось расхожденіе; болѣе присягалъ я освободительному движенію; и въ «мистическомъ анархизмѣ», и въ «Средахъ» Иванова я видѣлъ реакцію.

Въ день открытія Думы встрѣчалъ депутатовъ въ толпѣ и кричалъ, что есть мочи, «ура»: даже, — бѣжалъ за коляскою Родичева; въ демонстраціи про-

тивъ стараго строя сказалася: демонстрація противъ А. А.

Да, я жиль «и д э ф и к с а м и».

И поэтому: съ облегченіемъ встрѣтили быстрый отъѣздъ мой А. А. и Л. Д.; вотъ и завтракъ, послѣдній у Блоковъ. Сыгралъ на прощанье «В ы ж е р т в о ю п а л и...» Сыгралъ, и — уѣхалъ: въ Москву. А. А. былъ на экзаменѣ. Я не простился съ нимъ; Л. Д., помню, махала мнѣ въ форточку бѣлымъ платочкомъ.

ГОРЯЧКА

Конецъ мая.

Традиціи прошлаго года влекутъ меня въ Дѣдово: въ душное, въ мутное, въ полное грозами лѣто, когда по Россіи ходила пожарами все охватывающая стихія крестьянскихъ волненій; распространялися листки «Д о н с к о й Р ѣ ч и»; и двигались полчища вооруженныхъ крестьянъ, босяковъ, батраковъ; и — взлетали усадьбы на воздухъ; и дѣйствовалъ благоразумный крестьянскій союзъ; всталъ аграрный вопросъ въ Государственной Думѣ; и натыкались на дѣятелей въ черныхъ рубахахъ (эсъ-эровъ), и въ ярко-красныхъ рубахахъ (эсъ-дековъ); писалъ рядъ рецензій на Бебеля, Каутскаго, Ванъ-деръ-Вельдэ — въ «Вѣсахъ» подъ псевдонимами: альфа и бѣта, и гамма и дѣльта. Дышали томительною атмосферою митинговъ, происходящихъ въ округѣ, читали усиленно Гоголя; такъ полюбили его, что С. М. называлъ его часто ласкательнымъ: «Г о г о л е к ѣ». Всюду видѣлся — Гоголь, С. М. говорилъ:

— «Помнишь весну прошедшаго года, дождливую, тихую: какъ мы ходили въ крылаткѣ—той, дяди Володи-

ной;¹⁾ все ожидали, какъ будутъ цвѣсти колокольчики «Пустыньки»? Нынче — не то... Да — не то. Всюду-всюду: усмѣшечка этакая. И — припахиваетъ нечистою силой».

— «Колдунъ показался опять!»

А С. М. добавлялъ:

— «Всюду — Красная Свитка... Смотри-ка: природа, и та — усмѣхается Гоголемъ...»

Лѣто — душило.

И я, и С. М. загорѣли въ жару революціи; къ намъ приходили крестьяне: шептали о томъ, что творится въ окрестностяхъ; вѣрили намъ; не вели пропаганды; и все же: крестьяне считали — своими, и крюковскіе извозчики, везя въ Дѣдово, мнѣ сообщали: Н. Н. (земскій врачъ) очень здорово агитируетъ; ужъ и ловятъ, и ловятъ: не могутъ поймать; и причмокивая губами, повертывались:

— «Но-но!»

— «А земля будетъ наша...»

— «А Коваленскіе...»

Сообщали: вотъ въ этомъ лѣсу происходитъ ночами «митинга»; въ Каменкѣ проживаетъ подъ видомъ пріѣзжаго — настоящій жандармскій полковникъ; все ходитъ съ кошелкою онъ — «по грибамъ»: и — «митингу» разыскиваетъ.

— «А почему это вы говорите?»

— «Какъ, баринъ: вы, стало быть, нашъ: за народъ...»

— «Почему?»

— «Какъ, да нешто у насъ пониманія нѣтъ? Коваленскіе, — энти другіе. А вы да Сергѣй нашъ Михайлычъ, — за эдакими...»

И «Политикъ», причмивнувши носомъ, повертывался:

¹⁾ Покойнаго В. С. Соловьева.

— «Но-но!»

Подкатывали—прямо къ Дѣдову; появлялася изъ дали, изъ настурціевъ, семидесятипятилѣтняя Александра Григорьевна Коваленская; передъ нею «политикъ» ломалъ таки шапку; выпрашивалъ щедрый «чай» у меня. Узнавалъ впервые о непріязни къ В. М.¹⁾ и Н. М. Коваленскимъ,²⁾ дядьямъ Соловьева, о томъ недобѣрии къ Александрѣ Григорьевнѣ, знатоку литературы, имѣющей вкусъ къ Метерлинку, Ванъ-Лербергу, Роденбаху, котораго въ пику Эллису называлъ «Роденбахеромъ» я; А. Г., бабушка, — либерально-умѣренныхъ взглядовъ: хвалила она Милюкова, стыдилась Гучкова; но — Петрункевичей не хвалила за крайность; Н. М. Коваленскій цѣнилъ октябристовъ, хотя называлъ онъ кадетомъ себя; былъ дѣйствительнымъ статскимъ; и — поражалъ элегантностью: въ бѣломъ жилетѣ стоялъ на балконѣ, играя лорнеткой и, поднимая сѣдые короткіе бачки подъ небо, вздыхалъ мягкимъ-рокотомъ:

— «Солнышко: такъ я люблю его!»

Пріѣзжалъ отдыхать онъ изъ Вильно: на лѣто.

В. М. Коваленскій, короткій и кряжистый; все пришептывалъ:

— «Нѣтъ, а по моему правъ — Шмаковъ...»

Говорилъ не серьезно — для стилиа: крестьяне питали къ нему все же больше довѣрія, чѣмъ къ изысканному «кадету»; и — говорили они:

«Ковалинскіе — крѣпостники!»

Съ демонстративнымъ сочувствіемъ относилась округа къ С. М. Соловьеву:

¹⁾ В. М. былъ въ то время приватъ-доцентомъ механики въ Московскомъ Университетѣ.

²⁾ Н. М. былъ предсѣдателемъ Виленской Судебной Палаты.

— «Покойный Михаилъ Сергѣевичъ, — тотъ за народъ былъ: отстаиваетъ, бывало, — отъ Кавалинскихъ».

Такъ ссоры С. М. Соловьева съ Н. М. Коваленскимъ за право народа на землю, былъ «м и ѳ ѳ», всей округою созданный: какъ же — такой милый баринъ, да — противъ? Шалишь: былъ за насъ...

На С. М. изливали крестьяне совсѣмъ уже нѣжность; старушка крестьянка, увидѣвши С. М., принялась прибарматывать разъ:

— «А ходи-ходи—тутъ: да погуливай... И никто-то не тронетъ тебя, мой голубчикъ...»

Предполагалось, стало быть, что — начнутъ таки «трогать»; въ самарской, симбирской, саратовской, — и очень какъ «трогали».

Я, какъ другъ Соловьева, былъ тоже причисленъ къ народолюбцамъ — безъ всякихъ стараній; С. М. таки хаживалъ къ дѣвкамъ и парнямъ, на ихъ хоровахъ бывалъ; и вечерами просиживалъ въ избахъ; я — нѣтъ: но считалось: я есмь «заковыка та самая, отъ которой все прочее»; а что я не хожу на «митинги», — политика; и увѣренъ я: что если-бы я проповѣдывалъ консервативные взгляды, — не вѣрили бъ: тоже «политика»—для отвода: я «есмь» заковыка такая, которая... отъ которой... ну: э ф т а м и т и н г а!.. И обдавали симпатіей революціонные Степки, Егорки. Вѣдь вотъ: либеральная критика дружно ругала за чуждость народу; народъ, не читавшій меня, черезъ Егорокъ, Ивашекъ и Степокъ гласилъ: я та самая «заковыка» и есмь.

Это чувство всегда поднималось во мнѣ при касаніи съ подмосковной деревнею — вплоть до лежанія въ больничной палатѣ уже въ 21 году, гдѣ прошло предомной до шестидесяти человекъ (лишь крестьянъ, да

рабочихъ); когда покидалъ я палату, — палата меня провожала огромной сердечностью: жали мнѣ руки:

— «Непремѣнно весною навѣдывайтесь къ намъ; — къ намъ, въ Рублево: къ водопроводчику!»

Проживая бокъ-о-бокъ съ семьей Коваленскихъ, встрѣчаяся за столомъ каждый день, мы по разному переживали событія времени (Думу, разгонъ ея, Выборгское воззваніе, митинги), кромѣ того: Коваленскіе — нарывались (вплоть до случайно попавшаго камня въ окно); переходили отъ страха къ сильнѣйшему раздраженію; мы себя ощущали, какъ рыба въ водѣ; и естественно: происходили горячія перепалки; А. Г. начинала блѣднѣть, сжимаясь въ дрожащій комочекъ, въ своемъ черномъ платьицѣ, въ черной косыночкѣ (дѣлалась изъ году въ годъ она сморщеннѣй, меньше, субтильнѣе); и откидывалась съ ироническою улыбкою въ кресло. По вечерамъ мы ходили въ село Надовражино, къ сестрамъ Любимовымъ (тѣ — за народъ!); пѣли пѣсни щемящія:

Догорай моя лучина, —
Догорю съ тобою я.

А въ селѣ Надовражинѣ умирала въ селѣ колдунья; и революціонные парни божились, что видѣли «е х у л ѣ с н ю»¹⁾). Общеніе съ Н. М. Коваленскимъ мнѣ дѣлалось все труднѣй и труднѣй; я ему сталъ казаться «о т ѣ я в л е н н ы м ѣ с о ц і а л и с т о м ѣ»; я — нервничалъ.

Моя нервность питалась другимъ обстоятельствомъ: бурною перепискою съ Блоками, ведшею прямо къ разрыву; забрасывалъ Блоковъ я залпами писемъ, мобили-

¹⁾ Эхо.

зируя всё свои взгляды на цѣнность, и разрушая ихъ тактику поведенія тяжеловѣснѣйшею артиллеріей: Кантомъ, Когеномъ, Евангелистомъ Іоанномъ, профессоромъ фрейбургскимъ Риккертомъ, чтобы построить изъ Риккерта, Канта, Когена — экстравагантнѣйшее біографическое разрѣшеніе поединка идеологій; и доказать имъ: они — лицемѣры; и — контръ-революціонеры: буржуи, схватившіеся за мѣщанскій укладъ (мнѣ впослѣдствіи признавалась Л. Д., что огромный пакетъ моихъ писемъ сожгла она въ печкѣ); Л. Д. съ темпераментомъ отпарировала удары мои, обвиняя меня въ святотатствѣ, въ абстрактности, въ «*Mania grandiosa*»; изъ ссылокъ моихъ на апостола Павла она заключила, что объявляюсь Христомъ, (такъ потомъ передали мнѣ: вообразите же всю мою ярость: изъ толкованія «*Gegenstand der Erkenntniss*»¹⁾ вдругъ вывести все это; а еще — философка, сдававшая «*Канта*» Введенскому!). Блокъ писалъ меньше: и — очень невнятно.

Я съ каждымъ письмомъ отрѣзалъ себѣ путь примиренія; все — компромиссъ; я далъ клятву себѣ: компромиссамъ не быть: быть — по новому! И бродя по сухимъ пропыленнымъ дорогамъ, пѣвалъ:

Отречемся отъ стараго міра:

Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ!

Тамъ, гдѣ «цѣнностей» въ отношеніяхъ нѣтъ, — ихъ взрываютъ. Съ людьми? Что жъ изъ этого. Цѣнность — надъ-человѣчна: гносеологическому субъекту сознанія нѣтъ дѣла до гибели эмпирическихъ оболочекъ. Пусть — смерть: все равно; упирался я тутъ въ психологію террориста; вопросъ, отъ котораго я не

¹⁾ Сочиненіе Риккерта.

могъ отвертѣться, — убійство; и актъ, нѣкій актъ, кой долженъ свершить... стало быть... есть?... Россія жила этимъ: экспроприаціи, покушенья, убійства! И все я — оправдываль; чаще вставало:

— «А — можешь убить?»

Отвѣчалъ:

— «Не могу...»

Отвѣчало:

— «Такъ стало быть — смерть тебѣ!»

Мысль о самоубійствѣ, болѣзненная фантазія, тутъ разыгрывалась на протяженіи мѣсяцевъ; я бродилъ по сухимъ пропыленнымъ дорогамъ, мурлыча:

Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой...

— «Да, колдунъ показался опять...»

— «Живъ Данило...»

— «Какъ будто жупанъ красный въ зелени...»

— «Это — Красная Свитка...»

С. М. поднималъ загорѣлую голову; и съ демоническою усмѣшкой цѣдилъ:

— «Да, да, да: припалили деньки «Гоголь - комъ!»

— «Что колдунья, — жива еще?»

— «Все еще!»

Не было мнѣ ни покоя, ни отдыха; и я бросался въ Москву; и оттуда — обратно; попалъ невзначай разъ къ себѣ я въ имѣніе¹⁾ да и застрялъ тамъ дней двадцать, отдѣлывая симфонію «Кубокъ Метелей», отрывки которой читалъ я зимою А. А.; произведеніе это полно экзальтаціи; Блокъ уже послѣ сказалъ: «Это

¹⁾ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда.

— страшная вещь; и — кощунственная!» Предавался писанію мрачныхъ стиховъ въ родѣ:

Ждутъ: голодъ да холодъ — ужотко;
Тюрьма да сума — впереди.
Свирѣпая, крѣпкая водка,
Огнемъ разливайся въ груди.

Или:

Приходи —
Въ хату мою:
До зеленыхъ змievъ —
Напою...

И писалъ «Панихиду»¹⁾

Твердь — необъятна!..
На желтомъ лицѣ моемъ выпали —
Пятна.
Цвѣтами —
Засыпали.
Свѣчами —
Заставили.
Устами —
Прославили.

Помнится очень—пивныя, московскія, гдѣ бесѣдовалъ съ почтарями, съ извозчиками, съ забулдыгами просто на тему, что лучше погибнуть намъ всѣмъ, чѣмъ такъ жить; тѣ же самые кабачки и пивныя явились у Блока: въ стихахъ, въ драматическомъ перлѣ его, въ «Незнакомкѣ». Одинъ разговоръ свой потомъ описалъ въ «Петербургѣ» я.

¹⁾ Поэма.

Мать эти мѣсяцы проводила въ Маріенбадѣ и въ Мюнхенѣ; жилъ я въ деревнѣ одинъ; иногда съ управляющимъ мчался верхомъ я по желтымъ овсамъ, проповѣдуя:

— «Эти овсы есть грабежъ у крестьянъ...»

Управляющій, бородатый кулакъ, — не перечилъ. Однажды поѣхалъ я къ Старогальскому священнику: чай пить; и проповѣдовалъ: «Время, пространство суть формы нагляднаго представленія.» Батюшка тихо молчалъ, а потомъ разошлася молва по округѣ, что баринъ, моль, — такъ себѣ: не въ себѣ, моль.

— «А что?»

— «Какъ же: батюшкѣ сказывалъ, будто пространства и нѣтъ».

Обитатели тульскихъ пространствъ возмутились моимъ нигилизмомъ (два года я не былъ потомъ въ этомъ мѣстѣ; и — утверждали, что усадили меня на Канадчикой, на дачѣ.¹⁾ Все — батюшка!

Да, — приходили украдкой крестьяне (украдкой отъ управляющаго); и — развивалъ свои взгляды: — «Крѣпитесь: земля будетъ ваша: не надо усадьбы палить; организуйтесь лучше въ крестьянскій союзъ». Тихо слушали: и — кряхтѣли; и былъ на меня настоящій доносъ Николаю Петровичу, земскому, часто бывавшему прежде у мамы и потому положившему дѣло «О подстрекательствѣ помѣщика Б. Н. Бугаева къ разграбленію собственнаго имущества» — подъ сукно (это вѣрно донесъ управляющій нашъ); добродушнѣйшій Николай Петровичъ собрался было меня вызвать и посовѣтовать мнѣ удалиться изъ Тульской губерніи (временно, разумѣется, — пока нервы мои не порядкѣ!) да я въ это время уѣхалъ: тянуло къ С. М. Говорили потомъ, что уже наострилъ свое ухо

¹⁾ Канадчикова дача — сумасшедшій домъ.

урядникъ, да земскій его уломаль; этимъ дѣло и кончилось.

Какъ я, былъ С. М. очень мраченъ, вынашивая программу слиянья съ народомъ; внушилъ себѣ мысль, что онъ долженъ жениться на дѣвушкѣ, на крестьянкѣ, служившей кухаркой у М., въ Надовражинѣ; предложенія жъ сдѣлать не могъ, неувѣренный въ чувствахъ крестьянки, своихъ, но увѣренный въ чувствахъ А. Г. Коваленской при этомъ извѣстіи.

О, грозные, знойные — дни, вечера, когда небо казалось багровымъ, а мы, обозленные, твердо готовые биться за новую жизнь, разжигали другъ друга — свершить актъ возстанья; женитьба ли, бомба ли, посрамленіе ль Блоковъ, Н. М. Коваленскаго — будетъ, что будетъ! Мобилизировали: я — Ницше и Риккерта; а С. М. — отцовъ церкви, эсъ-эрство, идилліи Θεокрита, Некрасова; онъ во мнѣ вызывалъ въ это лѣто тотъ образъ, который потомъ воплотился въ Дарьяльскомъ, а Надовражино послѣ сказалось селомъ Цѣлебѣевымъ мнѣ; доказавши себѣ обязательность нѣкоего революціоннаго акта, — я шелъ то же самое энергично доказывать Блокамъ (въ которомъ письмѣ?); а С. М., натянувъ сапоги, надѣвъ краснаго цвѣта рубаху и нахлобучивъ на голову вмѣсто шапки рогатый еловый вѣнокъ, отправлялся бродить по окрестностямъ (верстъ по пятнадцати, по двадцати онъ отмахивалъ въ день).

Помню: вечеръ. С. М. измѣряетъ окрестности; я — на террасѣ, въ качалкѣ: въ рукахъ — томикъ Гоголя («Страшная Мѣсть», или «Вій»). Ужъ М. В. Коваленскій изъ ближняго домика унываетъ роялемъ и тащитъ пальцами по «Уймитесь волненія страсти», съ грѣхомъ пополамъ доплетается до мѣста: «Дуу-уу-ша ии-стаа-ми-лась... въ разлуу-уу!» и на «у» непременно споткнется; и — тащитъ сызнава.

Или: опять таки — вечеръ; терасса: семья Коваленскихъ доказываетъ несостоятельность политическихъ убѣжденій моихъ; я — доказываю обратное: необходимо немедленное отчужденіе земли; тутъ А. Г. Коваленская поднимаетъ дрожащими челюстями свой ротъ, чтобы выразить всю наглядность такой легкомысленной мѣры: трясется въ настурціяхъ; Николай же Михайловичъ, втягивая оглушительный запахъ левкоевъ, играетъ лорнеткой на бѣложилетномъ своемъ животѣ; и другою рукою отмахивается малюсенькимъ вѣеромъ; очень сѣдые его бакенбарды — презрительно вздѣты; и ясные доводы — вовсе не ясны ему:

— «Не понимаю...»

— «Ни слова!»

Мы шумно встаемъ, гремимъ стульями (я и С. М.); и — идемъ въ Надовражино: вмѣстѣ съ Любимовыми подивиться непониманью Н. М. И — затягиваемъ:

«Вы — жертвою пали...»

Моя экзальтація крѣпла; и послѣ письма Любовь Дмитріевны я рѣшаю немедленно выѣхать въ Шахматово (оно рядомъ почти: одна станція); но — сознаю, что не буду я принять въ усадьбѣ; рѣшаю — встановиться въ избѣ, въ деревушкѣ по близости; но С. М. отговариваетъ.

А. А. судя по письмамъ переживалъ тяжелѣйшее лѣто; въ немъ сказывалось противленіе противъ темъ, привлекавшихъ недавно его; въ стихотвореніи, относящемся повидимому къ Л. Д., и написанномъ въ августѣ, онъ заявляетъ:

Съ тобою смотрѣлъ я на эту зарю —
Съ тобой въ эту черную бездну гляжу.

И далѣе:

Кто кличетъ? Кто плачетъ? Куда мы идемъ?

Воскреснемъ? Погибнемъ? Умремъ?

Попадаю случайно въ Москву: продолжаю обстрѣливать Блоковъ оттуда; и — получаю записку: Л. Д. и А. А. собираются на день въ Москву¹⁾ объясниться; жду; утромъ однажды звонятся: посыльный: А. А. и Л. Д. сидятъ въ «Прагѣ»²⁾; и — просятъ туда; я — лечу; я — влетаю на лѣстницу; вижу, что тамъ, изъ-за столика, поднимаются: ласково на меня посмотрѣвшій А. А., и спокойная, пышущая здоровьемъ и свѣжестью, очень нарядная и торжественная Л. Д. (ей одной было видно всѣхъ легче); она ставитъ рѣшительный ультиматумъ: угомониться. Я — ѣхалъ совсѣмъ на другое; я думалъ, что происходитъ полнѣйшая сдача позицій мнѣ Блоками; едва сѣли, какъ вскакиваю къ удивленью лакеевъ; и — Заявляю:

— «Не знаю, зачѣмъ вы пріѣхали... Намъ говорить больше не о чемъ — до Петербурга, до скорого свиданія тамъ».

— «Нѣтъ, рѣшительно: вы — не пріѣдете...»

— «Я пріѣду».

— «Нѣтъ...»

— «Да...»

— «Нѣтъ...»

— «Прощайте!»

И — направляюся къ выходу, останавливаемый лакеемъ съ токайскимъ въ рукѣ; я — расплачиваюсь;

¹⁾ Между прочимъ А. А. пріѣзжалъ переговорить съ редакціей „Золотого Руна“

²⁾ Ресторанъ на Арбатѣ.

Блоки тѣсно прижавшись другъ къ другу, спускаются съ лѣстницы; я — нагоняю: Л. Д. очень нервно обертывается; и въ глазахъ ея вижу — испугъ (какъ въ той сценѣ съ щипцами, — у Мережковскихъ); я думаю, что она вѣрно думаетъ, что я думаю — что-то недоброе; и я думаю на думы о думахъ: да, да, — удивительно сензитивно; но — успокойтесь: не это грозитъ, а — другое, о чемъ вы не знаете. Показалось мнѣ, что Л. Д. показалось, что имѣю въ карманѣ оружіе я.

Всѣ втроемъ мы выходимъ; расходимся передъ «Прагою»; Блоки—по направленію къ Поварской, я — къ Смоленскому рынку.

Мы — не простились.

Я черезъ два ужъ часа лечу въ Крюково, сваливаюсь къ С. М., ни на что не похожій; С. М. со мной возится; тутъ нелѣпая мысль посѣщаетъ меня: уходить себя голодомъ; пробую втихомолку не ѣсть (ѣмъ для виду); и попадаюсь съ поличнымъ: С. М. Соловьеву.

Не выгорѣло!

А черезъ нѣсколько дней происходитъ огромная ссора съ Н. М. Коваленскимъ (политика!): я не могу оставаться съ «реакціей»; и С. М. — то же самое; мы — попадаемъ въ Москву, очень душную, грозную; я — запираюсь въ пустой, нафталиномъ пропахшей квартирѣ; и вотъ — взрывъ Столыпинской дачи; воспринимаю тотъ взрывъ, какъ въ бреду:

— «Ага, — видите, видите: все уже рвется».

— «Не испытывайте судьбу!»

Революціонное настроеніе мое — максимально; вытаскиваютъ къ Рачинскимъ меня; мы сидимъ тамъ: С. М., я и Эллисъ; Рачинскій гремитъ противъ наглости экспроприаторовъ, противъ убійствъ; а я — возражаю:

— «По вашему Ликъ Христовъ — на Гучковѣ...»

Рачинскій, выпыхивая дымками, задорно подхватываетъ, что скорѣй на Гучковѣ; тогда въ совершеннѣйшемъ бѣшенствѣ вскакиваю; и — заявляю:

— «Когда это такъ, я — отказываюсь отъ такого Христа: отъ Отца и отъ Духа!»

И — убѣгаю; въ пивной я просиживаю за бутылкою пива съ хмѣлѣющимъ почтаремъ; мы—рѣшаемъ: такъ жить невозможно. И я запираюсь опять на квартирѣ своей; и моя медитація: переживание человѣческаго убійства, переживание до мельчайшихъ подробностей террористическаго поступка (да, да, — не предложить ли себя террористамъ?); переживаю себя — убивающимъ: себя самого (жестъ Л. Д. обернувшейся на меня — тамъ на лѣстницѣ, въ Прагѣ — инстинктъ, диктовавшій ей страхъ: ну и аура же была у меня!) Да, я былъ ненормальнымъ въ тѣ дни; я нашель среди старыхъ вещей маскарадную, черную маску: надѣлъ на себя, и недѣлю сидѣлъ съ утра до ночи въ маскѣ: лицо мое дня не могло выносить; мнѣ хотѣлось одѣться въ кровавое домино; и — такъ бѣгать по улицамъ; переживанія этихъ дней отразились впоследствии темою м а с к и и д о м и н о въ произведеніяхъ моихъ:

Я — въ черной маскѣ: въ легкой, красной тогѣ...

Или:

И полумаску молоткомъ
Приколотили къ крышѣ гроба.

Или:

Только тамъ по гулкимъ заламъ,
Тамъ, гдѣ пусто и темно, —
Съ окровавленнымъ кинжаломъ
Пробѣжало домино.

Тема краснаго домино въ «Петербургѣ» — отсюда: изъ этихъ мнѣ маскою занавѣшенныхъ дней, протянулась за мной по годамъ.

Ко мнѣ хаживали: лишь С. М. Соловьевъ, да всегда пребывающій въ состояніи сумасшествія Эллисъ, который въ то время завелъ очень-очень рискованныя знакомства съ экспроприаторами-максималистами; и рѣшалъ, какъ мы всѣ, тотъ же страшный вопросъ: о наэрѣвующемъ актѣ; и въ частности,—спрашивалъ онъ меня, — не вступитъ ли ему въ совершенно реальныя отношенія съ экспроприаторами: я его отговаривалъ; А. С. Петровскій, котораго мало я видѣлъ въ то время, переживалъ тяжелѣйшую личную драму. Такъ мы, аргонавты, переживавшіе зори, теперь превратились въ моральномъ сознаньи почти что въ преступниковъ; каждый прошелъ надъ вопросомъ о долгѣ убійства по своему.

Здѣсь отмѣчаю, что нота убійства и взрыва была лейтъ-мотивомъ того переходнаго времени; можетъ быть, лучшіе, переживали убійство (одни совершенно реально, другіе — въ себѣ); большинство — разлагалось: въ двусмыслицѣ, въ вялости, въ крѣпнувшемъ сексуализмѣ; и настроеніе это окрѣпло въ «Огаркахъ», въ Каменскомъ, и въ «Санинѣ» Арцыбашева.

Неистовый Эллисъ, бывало, сидитъ у меня: не удивляется маскѣ несколько; и экзальтируетъ; онъ—взвываетъ мое настроеніе; высиживается рѣшеніе: вызвать А. А. на дуэль; твердо знаю: убить — не убью; стало быть: это — форма самоубійства; отъ Эллиса прячу намѣреніе это, но посылаю его секундантомъ къ А. А.; онъ, надѣвъ котелокъ и подергивая своимъ лѣвымъ плечомъ (такой тикъ у него), отправляется тотчасъ же — въ ливень и въ бурю; его съ нетерпѣніемъ

жду цѣлый день, онъ не ѣдетъ. Звонокъ: возвращается мама; и — застаеть меня въ маскѣ.

На слѣдующій лишь день появляется Эллисъ; рассказываетъ: прокачавшись въ бричкѣ по тряской дорогѣ, подъ дождикомъ, наткнувшись у Шахматова на отъѣзжающихъ въ Петербургъ Александру Андреевну, — встрѣчаетъ А. А. и Л. Д. въ мокромъ садикѣ, на прогулкѣ, отводитъ А. А., передаетъ вызовъ мой; тутъ онъ имѣетъ длиннѣйшее съ нимъ объясненіе. Эллисъ, передавая это мнѣ, увѣряетъ: всѣ мѣсяцы эти имѣю обратное представленіе объ А. А.; онъ — не видитъ причинъ для дуэли; А. А. — то же самое онъ говорилъ де ему:

— «Для чего же, Левъ Львовичъ, дуэль? Гдѣ же поводы? Поводовъ — нѣтъ... Просто Боря ужасно усталъ...»

И А. А. де такъ ласково спрашивалъ обо всѣхъ мелочахъ, окружавшихъ меня: ну, — конечно, пріѣхать де надо мнѣ къ нимъ, въ Петербургъ; кто же можетъ меня задержать? Недоразумѣніе все это!..

Передавая такія слова отъ А. А., Эллисъ быстро твердилъ, перекручивая бородку и дергаясь лѣвымъ плечомъ:

— «Александръ Александровичъ, — онъ: хорошій, хорошій!..»

— «Вотъ только: уста-а-алый, уста-а-алый!»

И вотъ: сквозь «х и м е р у» мнѣ выступилъ образъ любимаго брата; очнулся я...

Эллисъ же мнѣ рассказалъ, что Л. Д. и А. А. цѣлый день обо мнѣ говорили; рѣшили: А. А. будетъ ждать меня осенью въ Питерѣ.

— «Стало быть то-то и то-то — не то?»

— «Ничего подобнаго» — увѣрялъ меня Эллисъ: рассказывалъ долго, какъ тихо бродили они по желтѣю-

щимъ, ярко осеннимъ лѣсамъ, какъ А. А. приютилъ его на-ночь, а ночью пришелъ къ нему въ комнату, сѣлъ на постель и бесѣдовалъ. Съ нимъ — о себѣ, обо мнѣ и о жизни; потомъ, разумѣется, Эллисъ читалъ переводы Бодлера; и проповѣдовалъ пересѣченія плановъ («тамъ», «здѣсь») въ символизмѣ — не можетъ быть только *suggestiveness*!

— «Correspondence! Понимаете?»

Я представилъ, какъ вѣрно онъ схватывалъ Блока за локоть; и — трясъ ему локоть; и приближалъ свои красныя губы къ лицу, обдавая слюною А. А.

Ну, такъ — такъ: рѣшено; ѣду я въ Петербургъ, а дуэли — не быть; и даю себѣ слово: дуэли съ А. А. — никогда не бывать! Эллисъ мнѣ передалъ, что А. А. и Л. Д. покидаютъ квартиру; какъ странно: переѣзжаемъ и мы; покидаю я домъ, гдѣ родился; А. А. покидаетъ то мѣсто, гдѣ жилъ еще отрокомъ: въ добрый путь!

Нѣтъ, какая то абракадабра!

Приѣздъ въ Петербургъ совпадаетъ съ перемѣщеніемъ Блоковъ; Л. Д. пишетъ мнѣ, чтобы ждалъ приглашенія; мнѣ показалась записка враждебной, но я — скрѣпилъ зубы; и протекло: десять дней!

Каждый день ожидалъ приглашенія: не было! Сталь тутъ навѣдываться Ивановъ, Е. П.; было ясно, что это — неспроста; неспроста молчитъ онъ о Блокахъ, посматриваетъ на меня; и — какъ будто съ опаской; и — водить гулять; золотымъ сентябревскимъ денькомъ мы сидимъ на скамеечкахъ Лѣтняго Сада, закусываемъ румяными яблоками.

Въ этомъ долгомъ мучительномъ ожиданіи я простаиваю вечерами на набережной подъ огромнымъ закатомъ: въ сплошной неизвѣстности.

Очень запомнился завтракъ у Е. В. Аничкова; тамъ собрались: Городецкій, Ивановъ (В. И.), П. Е. Щеголевъ, А. И. Купринъ; не понравился мнѣ В. Ивановъ; изъ шуточекъ Городецкого, крѣпкихъ словечекъ А. И. Куприна и веселаго грохота Е. В. Аничкова онъ выплеталъ пресладчайшіе Поліелеи; и — аллилуилъ: Совсѣмъ Златоустъ! Златокудрый, безбровый и розовый лбомъ, съ очень-очень лоснящимся носомъ, осѣдланнѣмъ крѣпкимъ пенснэ, со стаканомъ вина заводилъ разговоръ о Христѣ, улыбаясь двусмысленно крѣпкимъ словамъ Куприна, заявленію Городецкого:

— «Я Христа не люблю...»

И на все отвѣчали «з л а т ы я у с т а» примиряющими поліелейными дифирамбами; я сказалъ что-то, помнится, рѣзкое. Онъ покраснѣлъ (точно такъ, какъ краснѣло лицо его, когда вдругъ нападала «к р а п и в к а»: страдалъ онъ «к р а п и в к о ю»), покосился, запѣлъ на меня непріязненно въ носъ:

— «Ну, да — ахъ! Ты съ все тою же провинціальной, московской моралью!»

Подумалось:

— «Такъ: это, стало быть, пресловутая ширина, всеобъятія мистическаго анархизма...»

Позавтракавъ у Аничкова, мы попали всѣ вмѣстѣ къ А. И. Куприну, проживавшему рядомъ съ редакціей «М і р а Б о ж ь я г о»: присоединился: Осипъ Дымовъ, Ѳ. Батюшковъ; отъ Куприна же отправились на вечеръ къ Ходотову (всей компаніей) и очутились въ многолюднѣйшемъ обществѣ; сидѣли тамъ — Косоротовъ, Найденовъ (быть можетъ, Юшкевичъ); меня поразило, что публицисты изъ «Н о в а г о В р е м е н и» здѣсь сидѣли рядкомъ съ неизвѣстною бородатой фигурой, которую представляли гостямъ: «Видный дѣятель революціи». И — подымался вопросъ: какъ они могутъ вмѣ-

стѣ сидѣть? Появился и «п а ж ъ» (бывшій «п а ж ъ»), очень модный въ тѣ дни тѣмъ, что онъ отказался газетнымъ письмомъ отъ дворянства; и — вышелъ изъ корпуса. Кажется, — кто-то явился съ сенсаціей: Треповъ скончался.

Я, жившій всѣ эти недѣли въ идейно-обостренной жизни, — съ недоумѣніемъ наблюдалъ подозрительную общественность Петербургской литературы, рѣшивъ обличить этотъ стиль въ «На перевалѣ»¹⁾.

Въ тѣ дни разговаривалъ я и съ Чулковымъ, пытавшимся мнѣ объяснить, что такое мистическій анархизмъ; на словахъ выходило складнѣе, чѣмъ въ книгѣ Чулкова, которую только что разносилъ я въ рецензіи; мнѣ Чулковъ говорилъ:

— «Какъ вы можете быть противъ насъ, когда сами вы съ Блокомъ — мистическіе анархисты!».. При разговорѣ, какъ кажется, былъ Волинскій, который такъ выгодно отличался отъ «Вѣны»²⁾, тогда возникавшей, своей старомодною строгостью очень хорошаго тона; понравился мнѣ онъ: онъ звалъ — показать философскую бібліотеку.

Былъ у Ѳ. К. Сологуба на вечерѣ; и познакомился съ Кузминымъ, «А л е к с а н д р і й с к і я п ѣ с н и» котораго только что появились въ «Вѣсахъ»; онъ меня поразилъ своимъ пѣньемъ стиховъ, своей лысиной, подведенными вѣками, мушкой, большой бородою; и — синей поддевкой:

— «Дѣйствительно» — думалъ я — «смѣсь: нижегородскаго и французскаго...» В. Ивановъ, златой волосами, златыми рѣчами распѣлся о крупныхъ достоинствахъ именно вотъ такого поэта, какъ М. И. Куз-

¹⁾ Отдѣлъ, который велъ я въ «Вѣсахъ»

²⁾ Бывшій ресторанъ, въ которомъ одно время собирались петербургскіе литераторы.

минь. Сологубъ былъ особенно золъ; и все нюхаль флаконы съ духами. Просили читать меня. Я читаль «Панихиду».

Мое появленіе въ «с в ѣ т ѣ» ошарапало душу мнѣ; это — послѣднее впечатлѣніе отъ Петербурга; его я увезъ за границу: оно отложилось въ «разбойныхъ» моихъ нападеніяхъ изъ «В ѣ с о в ѣ» на «Шиповникъ», на «Оры», на все Петербургское. В. Иванова и А. А. я впослѣдствіи обвинилъ въ покрывательствѣ всякаго хулиганства (несправедливо, конечно).

Всѣ дни проводилъ я одинъ; долго стаиваль я на Невѣ, подь огромнымъ закатомъ съ обидой и грустью.

Разъ издали видѣлъ А. А. я съ угла Караванной; онъ шель — быстро-быстро, наперевѣсь держа тросточку, высоко поднявъ голову съ блѣднымъ лицомъ, очень злымъ, съ пренадменно зажатымъ каменнымъ ртомъ, обгоняя прохожихъ; мелькнулъ бѣлый-бѣлый кусокъ «п а н а м а», залихватски заломленной; и — прорыжѣло пальто: въ отдаленіи; вообразилъ я, что онъ сдѣлалъ видъ, что не видитъ меня; то же самое сдѣялъ и я.

Вотъ — опять: осіанный закатъ; только здѣсь, въ Петербургѣ, бываютъ такіе закаты: все — четко, все — чисто; земля — какъ тарелка; блескъ — въ окнахъ; зеленая глубина — не вода; ярко-красные косяки, блѣдно-розовыя вуали на небѣ; и — трубы, и — трубы, и — трубы; и — вѣтеръ отъ моря: въ лицо..

Наконецъ: получаю записку Л. Д.; ея тонъ — неприятельскій. Шель къ нимъ въ туманный и слякотный вечеръ (они поселилися гдѣ-то у Каменноостровскаго, въ маленькой очень квартиркѣ, обставленной бѣдно: подь крышей); неизвѣстность и трудности заработка диктовали А. А. въ эту пору унылыя строчки:

Хожу, брожу, понурый,
Одинъ въ своей норѣ.
Придетъ шарманщикъ хмурый,
Заплачетъ на дворѣ.

Иль:

Открылъ окно. Какая хмурая
Столица въ октябрѣ!
Забитая лошадка бурая
Гуляетъ на дворѣ.

Я увѣренъ: такой точно дворъ открывался изъ оконъ:

Я въ четырехъ стѣнахъ — убитый
Земной заботой и нуждой.

Что-то было октябрьское въ хмурой квартиркѣ А. А. Впечатлѣніе это скользнуло, какъ сонъ, потому что меня охватило отчаяніе: въ пышныхъ, въ неискреннихъ выраженіяхъ Л. Д. объяснила: они пригласили меня для того лишь, чтобъ твердо внушить мнѣ — уѣхать въ Москву; А. А. тихо молчалъ, опустивши глаза, улыбаясь и не желая подать свое мнѣніе, но, разумѣется, внутренне соглашаясь съ Л. Д. Не прошло получаса, — катился съ четвертаго этажа прямо въ осень, въ туманъ, не пронизанный рыжеватыми пятнами мути фонарной; и очутился у моста; и машинально согнувшись, перегибаясь чрезъ перила, едва я не бросился — о, нѣтъ не въ воду: на баржи, плоты, вѣроятно прибитыя къ мосту и къ берегу (не было видно воды: только — рыжая мгла); эта мысль о баржахъ — остановила меня; я стоялъ и твердилъ совершенно бессмысленно:

— «Живорыбный садокъ! Живорыбный садокъ!...»

Прѣли запахи.

Я возвратился — на Караванную (я проживалъ въ Меблированныхъ Комнатахъ, тѣхъ же, которыя посѣтили однажды Л. Д. и А. А., въ февралѣ: съ того времени поднялось это все: семь мучительныхъ мѣсяцевъ!)

Помню, что на столѣ моемъ видѣлъ пакеты: письмо, неотправленное Мережковскимъ, рецензію на рассказы З. Н., только-только написанную; и — буддійскую книгу (какъ кажется «С у т т а - Н и п а т а»). Хотѣлъ писать матери я письмо, объясняющее все это, дожидаться разсвѣта (тогда можно видѣть, гдѣ баржи, садки, живорыбные, и — гдѣ вода)... Да въ такомъ состояніи и пробылъ часовъ 9: безъ сна. Эти девять часовъ медитаціи мнѣ показали: самоубійство, какъ и убійство, есть гадость.

А утромъ — записка отъ Блоковъ, другая по тону: преласковая; чтобъ немедленно былъ; уже въ десять часовъ я былъ тамъ; примирительный разговоръ состоялся; и даже совсѣмъ ничего не сказали: всѣ — страшно устали; всѣ — сразу рѣшили, что слѣдуетъ годъ не видаться; меня уговаривали. — отдохнуть за границей; и я — согласился.

Даемъ обѣщаніе не видѣться: годъ.

Въ тотъ же день уѣзжаю въ Москву.

Черезъ двѣ съ половиной недѣли я — въ Мюнхенѣ.

ЖИЗНЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Я — въ Мюнхенѣ: до декабря. Я стараюсь осилить тоску: перерабатываю первую половину четвертой «С и м ф о н і и»; и пишу иногда очень грустныя строчки стиховъ:

Кровь чернѣеть, какъ смоль,
Запекаясь на язвѣ.
Но старинная боль —
Забывается развѣ?

Я вечеромъ посѣщаю художественный кабачекъ «Simplicissimus»; принятый ласково его хозяйкою, Kathy Kobus, небезызвѣстною среди художниковъ тѣмъ, что она выручала когда то художника Ашби; и — создала ему имя; мнѣ помнятся стѣны, завѣшанныя рисунками и эскизами (все подарки должавшихъ художниковъ Kathy), веселыя, красныя лампы, лысый скрипачъ, бритый, съ ликомъ Бетховена, мнѣ заявляющій:

— «Sonne in Brust».

Помню — розу, которую каждый вечеръ преподносилъ Kathy Kobus я, какъ-то узнавшую, что я русскій поэтъ; и — новаторъ (то — сообщили объ этомъ, навѣрное, русскіе); словомъ: меня «Simplicissimus» принялъ; а это—значило: принять былъ въ штабъ я художественной молодежи: здѣсь были—баварцы, поляки, швейцарцы, приѣзжіе изъ Берлина; и—русскіе; каждый день до 12 я сидѣлъ въ «Simplicissimus» (встрѣтился съ Грабаремъ разъ); мое общество: милый юноша, польскій поэтъ, секретарь художественнаго журнала «С h i m e r a», Грабовскій (полякъ и, какъ кажется, драматургъ), студентъ Паульсенъ, родственникъ философа Паульсена, В. Владиміровъ (изъ Москвы, аргонавтъ), Дидерихсы (братъ и сестра); познакомился здѣсь, въ «Simplicissimus'ѣ» съ Шоломъ Ашемъ, таскавшимъ меня по кафе и познакомившимъ съ Пшибышевскимъ; здѣсь часто просиживалъ я въ очень милой компаниі лицъ, вызывавшихъ всеобщее уваженіе (ихъ фамиліи долго не зналъ: при представленіи — не

разслышалъ); въ компаніи этой центральное мѣсто всегда занималъ очень мрачный, казалось, актеръ, элегантно одѣтый (шутить съ мрачнымъ юморомъ): больше молчалъ; говорилъ я съ женою его, миловидной, худенькой, очень вертлявою дамой, которая ударяя размашистымъ вѣеромъ, называла меня «Der gemüthliche Russe». Потомъ я узналъ: то — жена Ведекинда, а мрачный актеръ — Ведекиндъ. Тутъ сидѣлъ каждый вечеръ поэтъ: Лудвигъ Шарфъ; порой, вынуждаемый публикой, говорилъ очень мрачныя вирши; являлся сюда длинноносый, взлохмаченный Мюзамъ.¹⁾

Бывалъ одно время у С. Пшибышевскаго, принимавшаго ласково въ маленькой бѣдной квартиркѣ; его упросилъ разъ играть: сѣлъ — и долго игралъ мнѣ Шопена: запомнилось исполненіе «Полонеза» (потомъ мнѣ сказали, что это — его лучший номеръ).

Въ ту пору висѣли афиши о лекціяхъ Штейнера. Разъ повстрѣчалъ я знакомую, А. Р. Минцлову; и она зазвала къ себѣ въ гости, на Adalbertstrasse; и — спрашивала, что я думаю о теософіи; спать мнѣ хотѣлось; удерживая зѣвоту, спросилъ:

— «Какъ относится теософія къ соціальной проблемѣ?»

И скоро ушелъ: я не зналъ, — въ этой самой квартирѣ (графини Калькрейтъ) буду я — съ другимъ чувствомъ, какъ... ярый приверженецъ Штейнера.

Оживленіе мюнхенской жизни не заполняло разрыва: конечно же, — съ Блоками; такъ ужъ сложилось межъ нами въ то время; какъ только распутаемъ неразбериху изъ писемъ — такъ слѣдующее письмо: начинается ее; расхожденіе съ Блоками въ Мюн-

¹⁾ Впослѣдствіи членъ правительства баварской совѣтской республики.

хенъ было особенно тяжко: на годъ отрѣзаны были мы отъ объясненія личнаго.

День начиналъ съ изученія картинъ старыхъ германцевъ (въ «П и н а к о т е к ѣ»): то — Дюрера, то — Грюневальда, то — Кранаховъ, то — Вольгемута, Шенгауэра и неизвѣстнаго мастера «Ж и з н и М а р і и»; просиживалъ въ кабинетѣ гравюрномъ; мiръ старыхъ гравюръ — открывался; и Клингеръ въ гравюрахъ мнѣ нравился; очаровалъ очень «Ш в и н д ѣ»; провалился позорнѣйше Беклинъ.

Однажды на улицѣ показали тяжелаго толстяка: Макса Штука.

Изъ Мюнхена я писалъ для «В ѣ с о в ѣ», нападая все болѣе на Петебургскихъ писателей.

Вдругъ получаю письмо отъ Д. С. Мережковскаго (изъ Парижа); онъ — входитъ въ мое состоянье; зоветъ къ нимъ; и — неожиданно: — уѣзжаю въ Парижъ.

Здѣсь встрѣчаю — знакомое общество: Н. М. Минскаго, К. Д. Бальмонта, А. Н. Бенуа, Философова; и — другихъ, незнакомыхъ доселѣ, среди которыхъ запомнились: графъ Буксгевденъ, стрѣлявшій, какъ кажется, послѣ въ отца, И. И. Щукинъ; запомнилась дама, къ которой обѣдать однажды поѣхали мы и у которой наткнулись на вылощеннаго, черноусаго господина; онъ мнѣ не понравился; я, за обѣдомъ, открылъ было ротъ, чтобы что то такое сказать о политикѣ, но подъ столомъ слышу дергаетъ Д. В. Философовъ: споткнулся; потомъ, когда вышли, Д. В. мнѣ сказалъ:

— «Манасевичъ-Мануйловъ, приставленный за наблюденіемъ и подкупающій заграничную прессу...»

Да, да: Мережковскіе окружили душевнымъ уютомъ меня; всей душой привязался къ З. Н. въ эти мѣсяцы; З. В. Ратькова-Рожнова рекомендовала мнѣ тихенькій

пансіонъ на rue de Ranelas, выходящую въ сторону Булонскаго лѣса.

И тутъ — начинаются встрѣчи съ Жоресомъ; я дѣлаюсь — «притчею во языкахъ» среди русскихъ: помиуйте — завтракаетъ ежедневно съ Жоресомъ, когда добиваются днями, недѣлями, мѣсяцами свиданья съ Жоресомъ! Произошло это такъ: разъ сосѣдка по табль-д'оту (балтійская нѣмка), спросила:

— «Читаете «Humanité?»»

Отвѣчаю:

— «Газета мнѣ нравится»

— «Какъ относитесь вы къ Жоресу?»

— «Съ большимъ уваженіемъ».

— «Знаете, онъ вѣдь — сосѣдь нашъ: за завтракомъ. Эти дни его нѣтъ; вообще же заходитъ сюда предъ Палатою, потому что жена переѣхала въ Тарнъ; онъ — одинъ: предпочитаетъ сюда заходить, чѣмъ ѣсть дома».

Вмѣшался хозяинъ:

— «Мосье Жоресъ — будетъ завтра».

На слѣдующій день мнѣ сосѣдка показываетъ, — на окно:

— «Вотъ — Жоресъ».

И вижу: въ окнѣ пробѣгаетъ плотнѣйшій мужчина въ небрежно надѣтомъ пальто, въ котелкѣ, какъ-то косо сидящемъ, размахивая короткой рукою съ огромнѣйшимъ зонтикомъ; изъ кармана пальто — пукъ газетъ; появляется въ комнатѣ и съ усиліемъ снимаетъ пальто; потирая руками, съ поклономъ садится къ намъ (рядомъ съ сосѣдкой) — уткнуться въ газеты, пока не дадутъ ему ѣсть. Такъ сидѣли — два мѣсяца (всѣ же другіе сидѣли за столиками: общій столъ пустовалъ).

Познакомились — въ тотъ же день; ежедневно бесѣдовали; когда было мнѣ нужно узнать что-нибудь

отъ Жореса, я съ сосѣдкою начиналъ разговоръ (по французски); Жоресь сидѣлъ рядомъ въ газетахъ, которыя онъ съ собой приносилъ, перевязанный бѣлой салфеткой, откидываясь и устремляя голубовато-зеленые глазки въ окно: каталъ катышки хлѣба; бывало, начну говорить: то моль, это... И онъ — не удержится: подниметь свой носъ изъ газетъ, или, скомкавъ салфетку, такъ кряжисто перегнется, уставится, скрипнетъ стуломъ:

«Et bien, vous — croyez...»

И — поставитъ вопросъ, другой, третій; глядишь — и пошелъ говорить; и мнѣ, нужное мнѣніе — ясно... Многое такъ узнавалъ отъ него: на примѣръ, — полагалъ онъ, что русскіе не обладаютъ практическимъ смысломъ, что эмиграція — не производитъ хорошаго впечатлѣнія, что церковный вопросъ отдѣлимъ отъ проблемы религіи; ту проблему Жоресь допускаетъ, считается съ нею; религіозныя убѣжденія — уважаетъ; церковныя организаціи это — дѣло другое; онъ не любилъ выраженія «соціалъ-демократія», и всегда поправлялъ:

— «Socialistes» — говорилъ онъ.

Выспрашивалъ о духовныхъ теченьяхъ Россіи и о писателяхъ (записалъ въ свою книжечку переведенные томики Мережковскаго; и потомъ мнѣ сказалъ, что — прочель); говорили о Метерлинкѣ, котораго находилъ онъ туманнымъ, предпочитая ему драмы Гауптмана; уважалъ старыхъ классиковъ; и считалъ: социалисты должны быть хранителямъ литературныхъ шедевровъ; меня поразила умѣренность въ его взглядѣ на допустимую границу преобразованій въ Россіи. И создалось впечатлѣнье: я былъ — лѣвъ для него.

— «Если-бъ ваше правительство остановилось на кадетской программѣ, не думаете ли, что въ Россіи вся жизнь измѣнилась бы радикально?»

Я потомъ его видѣлъ — политикомъ, осторожнымъ (въ бесѣдѣ съ Аладьинымъ, съ Мережковскимъ, котораго познакомилъ я съ нимъ); но со мной онъ былъ простъ, полагая, что я не «газетчикъ» а просто «jeune homme»; онъ ко мнѣ относился съ симпатіей; даже съ сердечностью (это сказалось, когда заболѣлъ); было что-то простое въ манерѣ: любилъ намъ рассказывать о животныхъ.

На ломаномъ языкѣ разсыпался въ тирадахъ я; и удивилъ же хозяинъ отеля, сказавши, какъ разъ, уходя, Жоресъ — похвалилъ меня, тутъ же прибавивъ:

— «Онъ, знаете ли, — прирожденный ораторъ».

Не понимаю, откуда же могъ заключить это онъ; все меня поправлялъ:

— «Le partie politique: «le», — не «la»...».

И запомнилась: крупная голова, эта сѣрая борода, коричневатая, загорѣлая щеки; никто-бъ не сказалъ, что онъ — лидеръ, политикъ (ходили въ Палату испытывать наслажденіе отъ созерценія поединка: Жоресъ Клемансо); онъ — казался профессоромъ, какимъ былъ;¹⁾ разъ узнавъ о моихъ устремленіяхъ къ Риккерту, сталъ осторожно производить мнѣ экзамень; остался доволенъ характеристикой Ренувье.

Эти встрѣчи могли бы быть цѣлой главой; здѣсь — не мѣсто; скажу лишь: знакомство съ Жоресомъ оставило незабываемый слѣдъ; былъ такой онъ прекрасный, весь — крупный.

Однажды привелъ онъ Аладьина: я наблюдалъ, какъ Жоресъ изучаетъ его.

На другой день спросилъ:

¹⁾ Профессоромъ философіи.

— «Какъ понравился?»

— «Да, признаться, не очень...»

— «Я васъ понимаю» — уткнулся Жоресъ въ свое блюдо; и застучалъ онъ ножемъ, одолѣвая «lapin».

Мои дни начинались прогулкою по Булонскому лѣсу; работалъ — до завтрака; разговоры съ Жоресомъ; работа, прогулка опять; къ четырехъ часовому чаю — у Мережковскихъ: сидѣлъ до семи (съ З. Н. Гиппиусъ чаще); и — возвращался обѣдать; а вечеромъ — у Мережковскихъ; или — работа, театръ.

Тутъ вотъ нервы сказались: болѣзнью; и около мѣсяца пролежалъ (разрѣзали); я не забуду: сердечнаго отношенія Мережковскихъ: они отходили любовью меня. Выздоровливающий, снова вчитывался въ образы «Нечаянной Радости», развернувшіеся въ большую картину — о, большую чѣмъ выражала написанная замѣтка для «Перевала».¹⁾

ОБРАЗЦЫ ВТОРОГО ТОМА СТИХОВЪ

Вовсе новый ландшафтъ, не предвидѣнный тихимъ окраемъ дорогъ, проводящихъ чрезъ первый, разобранный томъ. Озаренный въ концѣ осеннѣющимъ небомъ: О край неизвѣстныхъ дорогъ... Здѣсь горитъ осіянный чертогъ» — золотой, сентябрьющій; «Свѣтлая въ мірѣ пора» — начинается новый этапъ — «Тишина умирающихъ злаковъ» (26)²⁾, иль- тотъ же сентябрь; отъ іюня течетъ первый томъ; и октябрь — центръ второго.

¹⁾ Ее привель выше

²⁾ Въ скобкахъ страницы второго тома по изданію „Слова“.

Лишь въ тонѣ золота пересѣкаются томы; но золото — разное; въ первомъ — воздушное; и застывающее металлами (46), тканями (25) — во второмъ; такъ «о край» осіянныхъ дорогъ здѣсь лишь — занавѣсь; на немъ крупныя надписи: «Золотистая осень разлукъ», «Золотая порфира» (7), «Осеннее золото» (24), «Золоторунная грусть» (51) и «Тяжелое золото» (95); занавѣсь — стилизованъ: и нарисованы: облако золотое — «шишакъ» (9); солнце — «шлемъ воина»; много металловъ; обиліе мѣднобронныхъ доспѣховъ: здѣсь — шлемы и латы; щиты и мечи; въ первомъ томѣ щитъ — «солнце завѣта»; мечи же — лучи; здѣсь обратно: и солнце — «шлемъ воина» (46); и — «закатъ оловянный» (161); и мѣсяць, какъ «шлемъ» (54); снова — «шлемъ» (36), «шлемъ» (119), «нашлемы» (216); опять — изъ -подъ шлема» (37), «шлемъ воина» (46). Сколькіе «шлемы?»

И — сколькія «латы», «щиты» и «мечи»: «щитъ» (71), «къ щиту» (36), «щитъ упалъ» (37), «мечъ» (37), «мечи» (72), «латъ» (71), «въ... кольчугѣ» (71), «въ доспѣхѣ» (118) и «латы» (155) и...; и — такъ далѣе; сколько доспѣховъ! Гдѣ рыцари? Спятъ: неподвижно; одинъ прислоняся «къ щиту... увязилъ долговязую шпору»; и —

«Чуть блестятъ золотые вѣнцы
Скандинавскихъ владыкъ». (33)

Вотъ недвижныя «латы» (155), а обладатель ихъ — «статуя».

Все — нарисовано: «злато» есть занавѣсь, отдѣляющій томъ второй отъ «межи золотой въ бездорожье»; дорога уткнулася здѣсь въ бездорожіе,

но въ иномъ вовсе смыслѣ; дорога — пространство; а занавѣсъ — плоскость; предъ нимъ мѣдногласый оркестръ: много мѣди; само слово «мѣдь» повторяется: «мѣдный» (46), «мѣдь» (55), «мѣдью» (48); и это оркестръ: «мѣдь» — «поеть» (48); и опять: «голосъ мѣди» (216); «скрестила мечи» (72) — звукъ литавровъ: фанфары; фанфарныя выраженья (они пропадаютъ; они — увертюра предъ дѣйствіемъ): «Волосы ночи натянуты туго на срубы и пни» (13); тоже: утро — «пустило стрѣлу» (14); и «вечерняя прелесть» аллегорически «увиваетъ» вечернія «руки» (15), а День (съ большой буквы) аллегорически ихъ заламливаетъ (70); появляются трубачи (черной ночи) (70); читатель: великолѣпнѣйшій латоподобный закатъ, аллегоріи завѣси — быстро взлетитъ: пропадетъ «голосъ мѣди»; «трубачъ» — перестанетъ играть; и ландшафтъ намъ предстанетъ за завѣсью.

Вотъ и взлетаетъ: «гдѣ золотистая осень разлукъ?» Пролетѣла, отвѣяна? Солнце, «шлемъ воина» — гдѣ? Оно убрано: вотъ такъ закатъ! Онъ — полоска; такой вовсе не было; здѣсь: —

— «полоскою алою» (90), «на полоску зари» (37), «на закатѣ полоской» (31), «полоска зари» (39), «полоса» (19); и опять: «надъ полоской»; и — далѣе. —

— Съ этой полоски зари — начинается дѣйствіе; «мѣдные свѣты» аллегорически скрещенные съ мглы мѣчами, живые для перваго тома — исчезли съ подъятіемъ завѣси; ново для Блока (совсѣмъ неожиданно!) — нѣтъ ни свѣта, ни тѣни: одна свѣтотѣнь; и проходитъ одно слово въ книгѣ; и — новое: «сѣрыи»;

сѣры —

— Что не сѣро? —

— Сѣры: паруса корабля (45), въ сѣромъ снѣ маяки (45), прибережные камни (45), «чело» (110): въ сѣромъ вечерѣ (92), въ сѣромъ днѣ (164), въ сѣромъ утрѣ (153) и въ городѣ (162), гдѣ—всѣ прохожіе сѣры (175), гдѣ сѣрая пыль (163), пыльно-сѣрая мгла (164), даль — сѣра (189), потому что и небо сѣро (189), дождь —ни бѣлый, ни черный, — а сѣры й (175); и онъ прибываетъ лишь сѣрую пыль (163); «дымно-сизый старикъ оперся на костыль», (180); и «на сѣры е камни ложилась дремота» (217); и міръ — «злая» прѣсѣренъ: «на всемъ... сѣры й постылый налетъ» (153). Слово сѣрый настолько отсутствуетъ въ первомъ томѣ, что, помнится, появленіе слова меня поразило:

День былъ блѣдно-сѣрый, сѣрый, какъ тоска...
Вечеръ сталъ матовый, какъ женская рука.

Оно — всюду: не плоскость — пространство; и сквозь него-то — цвѣта; «сѣрость» только налетъ на... опять новой краскѣ для Блока; такъ много ея: цвѣтъ — «зелены й»; и «сѣрое» — сѣро-зеленое; «сѣрое» — въ воздухѣ; «зелень» же — твердости; и «зелены й», какъ міръ: оно — всюду: — конечно же «зелены» травы (21); конечно же «зелены» —весны (109), какъ и всегда у поэтовъ; и «луга» тамъ и «рвы» (124, 71), и «глаза» (108); но сравнительно рѣже — «зеленые кудри» (36), «зеленые колпачки (11); не бываетъ зеленыхъ цвѣтовъ; а у Блока — бываютъ: «зелены й цвѣтокъ» (32; даже твари — «зелены я» (14); выпархиваетъ «зеленая» искра (20), и мѣсяць — «зелены й»

(24), «зеленые» волосы (23); «зелень» — не зелень растительности: свѣтъ «зеленый» (14), выкидываемый сѣрымъ міромъ: «зеленая» сумерки (31) и «зеленая» мгла (19); эта мгла повторится: «въ зеленой ласкающей мглѣ» (38); горятъ свѣтѣни «зеленымъ огнемъ» (101): — да, зеленый, но — огненный міръ; оттого-то — «зеленый какъ міръ» (74).

Вглядываясь, открываемъ мы третій оттѣнокъ, опять-таки новый, — «лиловый»; гдѣ онъ въ первомъ томѣ? А здѣсь: —

— «Свѣтъ

лиловый» (101), «лиловые скаты оврага» (9), «Лиловые сумерки (31); дважды: лиловый цвѣтокъ (38, 31), «фіолетовый западъ» (44), —

— вотъ сколько

лиловостей! —

— Сѣро-зелено-лиловое! —

— Вотъ что впервые встрѣчаемъ, когда поднимается занавѣсъ, изображающій «золотистую осень разлукъ»; золотое становится: сѣро-лилово-зеленымъ. Не смѣйтесь: цвѣта у поэтовъ — суть души: недаромъ же Гете всю жизнь создавалъ свѣтовую теорію; стало быть: сѣро-лилово-зеленое есть выраженіе міра души.

Онъ — таковъ, какъ ландшафтъ; это сѣро-лилово-зеленое складывается въ болото; «болото» — четвертое новое слово: болота, болота! Міръ прѣли и ржавчины! Мшистыя кочки и мшистые пни; не сюда ли сбѣжалъ онъ съ горы? И — сказалъ:

«Мое болото ихъ затянетъ».

Затягиваетъ — въ «Нечаянной Радости»: что за болотное мѣсто!

Смотрите же: —

— «Небо упало въ болото» (29), «и пахло болотомъ» (30), «сичу на болотѣ» (38), «болотное зелье» (33) «болотная дрема» (33); и вотъ: «на болотѣ» (31); опять: «на болотѣ» (31), «въ болото» (29), «болото» (20), «болотъ» (19), и «болотъ» (11), «по болоту» (31) и «надъ болотомъ» (37), «въ пучинѣ» — болотной конечно (17); едва выльзаешь изъ тряскаго» (17) мѣста, которое называется «пузырями земли» —

— но куда?

Въ томъ и сила «болота», что — некуда дѣться; изъ «сѣраго» города мы убѣжали; вѣдь небо тамъ, по выраженію Блока —

— уставъ прикрывать по-
ступки согражданъ моихъ,
упало въ болото —

— коль небо надъ городомъ падаетъ, сдернувшись, въ эти «болота», — не въ городъ же? Правда, есть земли, но — посмотрите, какія: —

— пустынная (9), мерзлая (53), жесткія (9) кладбища (85); «скудной глины»... пласты; опять таки, — комья (98); и не поднять ихъ плугами — (53); такъ не туда же? —

— Но море есть: ну-ка, попробуйте къ морю?

«Тамъ буря застигла суда моряковъ»; и потоптавшись, — приходишь къ болоту; и снова: «съ болотами» (116), «надъ болотомъ» (128) «болотный» (128), «болотный» (128). И — шествуешь далѣе; флора болотная: пни, кочки, мохъ: «пни» (13), «надъ кочкою» (31), «кочки и пни» (18) и «отъ кочки до кочки» (30);

«мху» (11), «мохомъ» (13), «мховъ» (118), «замшенный» (123); замшенное—все; и «окрестности мохомъ завалены» (13); прѣть, ржавѣть: метанные запахи! «Гниль» (163), «плѣсень» (134), прудъ зацвѣтаетъ (73); и — «ржавчина», «ржавую», «въ... ржавомъ» (11, 7, 34); страшно то, — что: это — аура душевнаго міра; еще хорошо, если плѣсень — на деревѣ, если ржавчина — травы; но — нѣтъ же: «въ тайникъ души проникла плѣсень» (134); «исторгни» — онъ молится — «ржавую душу» (7).

Такъ сѣро-лилово-зеленое, складывая болото, бросаетъ угаръ испаряемыхъ газовъ, который ему представляется запахами «лилово й» фіалки; и онъ, одурманенный запахомъ газа, вѣщаетъ «въ зеленой ласкающей мглѣ» (въ отравляющей мглѣ):

Слышу волнъ круговое движенье
И большихъ кораблей приближенье,
Будто вѣсти о новой землѣ.

Въ результатѣ же онъ признается, что «плѣсень» проникла уже въ тайники его жизни; и, стало быть, правъ былъ и я, когда Блокъ, уведя меня, взявъ меня за руку, началъ рассказывать миѣ о «лиловомъ цвѣткѣ», за которымъ пошелъ онъ... въ болото; какъ газомъ угарнымъ, пахнуло тогда на меня! Мнѣ бы, — звать его, съ мѣста сорвать; не подступишь, когда онъ усѣлся на кочкѣ; и — сталъ проповѣдовать: «Мнѣ болотная схима — желанный покой» (19); и читать съ кочки проповѣдь: «Полюби эту вѣчность болотъ» (19). Если-бъ сталъ его звать, про меня написалъ бы:

Когда онъ исчезъ за угломъ,
Нахлобучивъ картузь
И оставилъ меня одного
(Чѣмъ я былъ несказанно доволенъ)... (30)

Прогналъ бы, отправясь въ избу:

Такъ сижу я въ избѣ,
Рядомъ — кружка пивная
И печальный владѣлецъ ея.
Понемногу лицо его никнетъ,
Скоро тихо коснется колѣнь,
Да и руки, не въ силахъ согнуться,
Только брякнуть костями,
Упадутъ и повиснутъ.

Кто, кто это?

Этотъ нищій, какъ я — въ старину,
Былъ, какъ я, благороднаго рода
Стройнымъ юношей...

А теперь?.

Вотъ обрывки одежды его...

Но позвольте, къ чему тутъ «к а к ъ я, — в ъ с т а -
р и н у», «б ы л ъ , к а к ъ я»; ближе къ дѣлу, безъ
всякаго «к а к ъ», потому что тотъ нищій есть «я», о
которомъ (себѣ) говоритъ онъ:

«Н и щ і й , распѣвающій псалмы».

А обрывки одеждъ его, — а у р а прошедшаго:

Жалкія крылья мои —
Крылья вороньяго пугала (10)

Это — двойникъ, издавна убѣгавшій съ горы — на болота, себя самага подозвавшій туда, усадившій на кочки себя, съ собой слившійся, такъ что дѣйствія двухъ половинокъ сознанья, — одно теперь; и наблюдающій засыпанья другого становится — спящимъ, другимъ:

Цѣпенѣю, и сплю (37)

И во снѣ исповѣдую теософію ржаваго мѣста:

Болото — глубокая впадина... (20)

Впадина — небезопасная (есть такія: пиѣйская щель, напимѣръ): газы болота (метаны) — вонючи; они то и есть «пузыри»; Банко съ Макбетомъ, здѣсь проходя въ старину, увидали хохочущихъ вѣдьмъ; но не съли на кочки: прошли, обратясь другъ ко другу:

Земля, какъ и вода, содержитъ газы,
И это были пузыри земли.

«Пузыри» — паръ болотный; отсюда туманъ покрываетъ страницы «Нечаянной Радости»; слово — туманъ такъ же часто, какъ «сѣрый», «зеленый», «болотный»: туманы, туманы,

— туманы сознанья: —

— дымъ «съ пруда» (14), «тумановъ» (13),

«туманъ» (14); иль: «съ туманомъ» (17), «туманные полосы» (23), «расточала туманъ» (45), «синимъ паромъ» (84), въ «туманахъ» (84), «туманной» (95), «тумановъ» (118), «въ туманѣ» (126), я въ туманахъ бродиль» (129),

«сквозь туманъ» (116), «извѣчно туманны» (82), «туманъ» (81) и — «туманъ» (161). И — такъ далѣе: сколько угодно тумана; и — вопрошаетъ съ тоскливостью: «Кто разсѣетъ болотный туманъ» (128), потому что онъ чувствуетъ: это — «зловѣщій... угаръ» (43). Здѣсь Макбету и Банко являлись — вѣдьмы; и Блокъ здѣсь увидѣлъ старуху: какъ мѣръ стара, какъ лунь сѣда. Никогда не умретъ, никогда, никогда» (73); и за ней — свита нечистей, элементарныхъ стихій, или — нитей судьбы, передаваемой въ руки тому, кто вплетается въ образы Лиха; да, «Лихо» есть участь; старуха же — Парка: она представляетъ сознанию образы подсознанія, чтобъ человѣкъ могъ прочесть свои темные корни, которые, отрѣзаютъ отъ зорь; тутъ — порогъ межъ иными мѣрами и нашимъ; до этого мѣста ведутъ, какъ дитяню; а съ этого мѣста — бросаютъ; сознанию предлагается: прочесть знакъ судьбы. И Макбетъ здѣсь, прочелъ: нѣтъ опасности; не пойдетъ, въ самомъ дѣлѣ, —

Бирнамскій лѣсъ
на Донзинанъ.

Но пошелъ таки «лѣсъ»; да, «лѣса» — сходить съ мѣста стремительно: въ миги судьбы; и лѣса — подсознаніе; въ «зоряхъ» — вершины встаютъ Древа Жизни; въ болотахъ видны обнаженные корни, сосущіе влагу изъ нѣдръ: корни — карлики, чертенята; Блокъ видитъ ихъ: —

— «Нежить водъ» (11), «чортики» (14) «попикъ болотный виднѣется» (15), «старикашка... запрыгаль на пнѣ» (17), «собрались чертенята и карлики» (14), «кувыркаются,

поднимають копытцами пыль» (21), «страшный чертъ ухватилъ карапузика» (77); слышенъ зеленый двойникъ» (77), (или блѣдно-зеленый): возставшее подсознаніе «розово-золотого» поэта; не видимъ, не слышимъ онъ въ насъ до явленья Старухи; и послѣ онъ — слышенъ: «Въ поляхъ отвѣчаетъ зеленый двойникъ» и «гуляетъ въ поляхъ Невидимка» (183), «въ поляхъ хохоталъ Невидимка»; звукъ колокола: «Страшный колоколъ будетъ вамъ пѣть» (129), — «надъ болотомъ — проклятый звонарь» (128). Этотъ темный звонарь съ нами связанъ: грузъ прошлого, чувствовалъ тяжестью Блокъ («это — внутренній «тюкъ» его»); онъ въ работѣ надъ нимъ, будетъ часъ, — и запросится къ свѣту:

Скоро... чортикъ запросится
Ко святымъ мѣстамъ (14)

А пока онъ — «звонарь»:

Я узналъ тебя, черный звонарь. (128)

«Звонаря» ощущали съ С. М. Соловьевымъ и мы въ роковое, тяжелое, революціонное лѣто, когда всѣ другъ въ другѣ не видѣли рыцарей, видѣли — призраковъ; мнѣ С. М. все твердилъ полюбившееся двестише:

Берегись, берегись, — надъ Бургосскимъ путемъ:
Сидитъ одинъ черный монахъ...

Тотъ монахъ, надъ путемъ возсѣдающій, — рокъ; когда чувство присутствія рока въ С. М. подымалось, онъ — приходилъ: и вперяясь въ меня, говорилъ одно слово:

— «Бургосскій!»

Онъ — «черный, болотный звонарь». Но А. А. не всегда понималъ степень грозности появления «бургосскаго» (связанность нечисти — съ нимъ), потому что «бургосскій монахъ», про котораго говорилъ онъ и прежде («мой страшный, мой близкій — черный монахъ») превращается въ «чернаго попика»; и А. А. вмѣстѣ съ нами повторяетъ: душа моя рада — всякому гаду»; о, — легкомысленное отношеніе къ собственнымъ «нѣдрамъ»! Оно — и послѣ скажется при появленіи Командора и Темнаго Сэра; «бургосскій» приходитъ позднѣе: съ расплатой за «игры съ нимъ»!

Катастрофа, увы, — не до дна потрясаетъ поэта; и оттого-то она — не до дна и минуетъ его; и становится — затяжной катастрофою, выражаясь — въ лейтѣ мотивахъ «Возмездія», надъ которымъ скончался поэтъ.

Банко съ Макбетомъ послѣ явленія «вѣдьмъ» порѣшили:

Вода какъ и земля содержитъ газы.

И это были — пузыри земли.

Къ сожалѣнію — нѣтъ; образъ «вѣдьмъ» вызываетъ тотъ пластъ подсознанья, который отнынѣ сопутствуетъ: это «стихіи» въ насъ; Макбетъ отдавая имъ: вѣдь не пойдетъ же, въ самомъ дѣлѣ, —

Бирнамскій лѣсъ

На Донзинанъ.

Онъ — пошелъ.

*Блокъ считаетъ, что образы попиковъ лишь «посѣдѣлыхъ тумановъ развалины», или,

быть можетъ, переработка отъ воспріятія альбомчиковъ Т. Н. Гиппіусъ, рисовавшей въ огромномъ количествѣ «попиковъ» (знаю я: тѣ альбомы А. А. съ удовольствіемъ долго разсматриваль, очень любя ихъ; и послѣ уже появились въ стихахъ его всѣ персонажи набросковъ Т. Н.); не увидѣлъ до дна все «неспроста» въ сложеніи дымки туманной такъ именно, какъ слагалась она въ его мірѣ души; это «плѣсень» — не только болотная:

Въ тайникъ души проникла
плѣсень (134)

И все потому, что Она «отошла безъ возврата». «Закатилась Ты съ мертвымъ Твоимъ женихомъ» (19); наступила «зеленая мгла». «Будь ночлегомъ, зеленая мгла» (19); и «болотная дрема... текла» (33). Банко съ Макбетомъ, — скоро выходятъ изъ мѣста тумановъ; А. А. — сѣлъ на кочкѣ: «зловѣщій угаръ» здѣсь повергъ въ очарованный сонъ, гдѣ пути достиженія подмѣнились лишь грезой о прошломъ: «Мы прожили долгія жизни» (67), «въ старину былъ, какъ я, благороднаго рода» (35); сердце «прошлому радо» (72); достоинство прошлого (рыцарство) — здѣсь, въ этомъ томѣ, музей: латъ, мечей и щитовъ; не надѣнешь ихъ сызнава: «Миновали сотни и сотни лѣтъ» (73), «плакалъ... о томъ, что никто не придетъ назадъ» (89); «нить какая-то развязана, сочетавшая года» (93). Но отсутствіе прошлого есть испытаніе: прошлого не было; прошлое — только стремленье къ духовному міру; входъ — въ насъ: черезъ встрѣчу съ «бургосскимъ», побѣду надъ нимъ; но А. А. — отступаетъ

въ картину воспоминанья того, чего не было; это — лохмотья былого, иль «крылья вороньяго пугала» (10); рыцарскій шлемъ есть колпакъ, а шишакъ — бубенецъ (11); и «я нищій бродяга» (33); я — «забинтованъ тряпичей» (мотивъ «Багаганчика»), «душу разбилъ пополамъ» (44),

Или я, какъ мѣсяцъ двурогій,
Только жалкій сонъ серебрю,
Что приснился въ долгой дорогѣ
Всѣмъ, безсильнымъ встрѣтить зорю? (47).

И потому то:

Тащитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы отъ истины ходячей
Всѣмъ стало больно и смѣшно. (134)

Здѣсь — разбросанъ туманъ; проступаетъ вездѣ обыденность, которой вѣдь не было въ «золотистой лазури»: туманъ — не разсѣялся; наоборотъ: онъ — сплотился; «бургосскій», неузнанный сталъ вороватымъ хозяиномъ, сдавшимъ квартиру съ такими сквернѣйшими стеклами, что, какъ посмотришь, увидишь лишь: «Стѣны фабрикъ, стекла оконъ, грязно-рыжее пальто» (162), иль «ко всему приученный... дискъ» (198), вереницы зловонныхъ телѣгъ» (192), или — «складка рубашки» и «сѣрый постылый налетъ» (153), «углами... мебель... окурки, бумажки» (153), «прокинутыя кадки» (160); природа — такая же: «Надъ равниной

мокрой торчали кочерыжки капусты» (30), «на пригоркѣ лежитъ огородъ капустный» (94); словомъ «лѣсъ» прозаической неподвижности: онъ — не пойдеть: —

— Бурнамскій лѣсъ
На Донзинань.

Онъ — пошеть: въ «Страшномъ мірѣ».

Не знаю болѣзненнѣе, иллюзорнѣе прозаическаго реализма, здѣсь, тамъ выступающаго изъ тумана «Нечаянной Радости»; да, «прозаическій реализмъ» — самъ туманъ: ноты пьянства: «сижую въ избѣ. «Рядомъ - кружка пивная» (35); «гадалка... швырнетъ... свой запой» (48); «буду слушать голосъ Руси пьяной, отдыхать подъ крышей кабака» (85); «и пьяницы, съ глазами кроликовъ, «In vino veritas!» кричатъ» (199), «ты право, пьяное чудовище! Я знаю: истина въ винѣ» (200); «взволнованный виномъ» (201); «и на щекѣ моей блеснула, скатилась пьяная слеза» (205); «авось ты не припомнишь мнѣ, что я увидѣлъ дно стакана», «топя отчаянье въ винѣ» (206); «у пьянаго поэта — слезы, у пьяной проститутки — смѣхъ» и т. д.

Надо всѣмъ поднимается вѣянье омертвенія; смерть, — тема темъ: —

— мертвенѣть пейзажъ:

«Мертвый мѣсяцъ беспомощно-нѣмъ... Знаю — сморщенный ликъ его старъ» (43); «Мнѣ привидѣлась Смерть» (45); «похоронные звуки... часовъ» (46); «смерть летитъ» (69); мѣсяцъ всталъ «мертвымъ глазомъ» (70); и «смерть пришла» (73); «старость мертвая» (83); даже земля:

обнажаетъ лишь «кладбища» (85); злакъ тоже — «мертвый» (94); глазъ — «мертвый» (100); и — мертвый опять (138); «даже рифмы нѣтъ короче глухой, крылатой рифмы: смерть» (139). Эта мертвенность — въ немъ: «Ты одѣнешь меня въ серебро и когда я умру...» (43); «мой саванъ плотенъ» (41); «кто у гроба въ часъ закатный?» (52); «слаще боль и ярче смерть» (69); дай мнѣ спокойно умереть» (74); «я буду мертвый» (140); «мертвецъ — впереди» (44) и т. д.

Смертью кончаются темы «Нечаянной радости» до «Снѣжной маски». Заглавіе книги казалось мнѣ — кощунствомъ въ тѣ годы. Самъ А. А. въ нашей схваткѣ казался мнѣ мертвымъ. И былъ я не правъ въ легкомысленно внѣшней оцѣнкѣ «Нечаянной Радости»; смыслъ ея — въ цѣломъ; она — антитеза; она объясняется въ синтезѣ третьяго тома: въ Россіи.

„СНѢЖНАЯ МАСКА“

О, какъ удивителенъ переходъ отъ «Нечаянной Радости» къ «Маскѣ», гдѣ въ самой пучинѣ гибели — новая радость.

Въ «Нечаянной Радости» новы и краски природы, — и краски души по сравненію съ первымъ томомъ; и то же по отношенію къ «Нечаянной Радости» — въ «Снѣжной Маскѣ». — Опять перемѣна: въ эпитетахъ, въ ритмахъ, и въ звукахъ, и въ краскахъ; тамъ — «золотистая осень разлукъ» есть связующій центръ межъ томами; здѣсь — вѣтеръ, поднявшійся быстро въ «Нечаянной Радости», переметающій въ «Снѣжную Маску»

и крѣпнущій вихремъ и холодомъ: дождикъ, не надо
накрапывать! Ей, развѣвайся туманъ! Уже сыпался
снѣгъ по пространству «Нечаянной Радости». Онъ
теперь здѣсь — метелица; вѣтеръ имѣетъ свой
звукъ: это — гласъ роговой, сотрясающій ночь; нѣтъ
болота, полоски зари, лиловато-зеленаго тона, тумана
и сѣрости; слово «сѣрыи» исчезло въ ночи черно-
синей; и — синей — стихія, соединившая три этапа, —
вода, — какъ она измѣняется!

Мы живемъ въ старинной кельѣ
У разлива водъ:
Здѣсь весной кипитъ веселье.
И — рѣка поетъ.

Въ стихотвореніяхъ первыхъ вода разливается:
вешняя, шумная, чистая; въ «Нечаянной Ра-
дости» она прѣтеть въ затолахъ, въ запрудахъ, въ
болотахъ, иль бѣсится бурей въ морѣ; въ «Снѣжной
Маскѣ» она — снѣгъ, ледъ и прорубь, струящая
паръ (247); она — скована льдомъ (247); и — «злая
вода» (228); и, опять таки, — «злая» (247); воды
то и нѣтъ: снѣгъ и ледъ; все — мѣняется; вѣтеръ мѣ-
няется тожъ; поднявшійся въ сѣрыхъ туманахъ «Не-
чаянной Радости», — затрубилъ рогомъ онъ,
взвился вихрями въ ночь; вѣтеръ вспыхиваетъ не сразу
въ «Нечаянной Радости», а приблизительно, —
съ середины, крѣпчая къ концу: —

— «Трепли волосы» (59), «вѣтеръ... пья-
ный» (59), «раздуй паруса» (59), съ вѣтромъ
борешься (60), «вѣтеръ ломится» въ окна (223),
уноситъ дымки изъ трубы (209), «съ легкимъ трескомъ
разсыпался вѣтеръ» (91), просторами «гнетъ»
онъ «кусты» (85); и порой оснѣживается: «Вѣтеръ!
О, снѣжныя бури!» (217). —

— Таковъ онъ въ «Нечаянной Радости».
Въ «Снѣжной Маскѣ» —

— еще того чище: —

— «взвихрилъ» онъ снѣга (235), «звѣзды гонитъ» (263), и тучи срываеъ съ небесъ (264); все срываеъ; онъ «бросилъ насъ въ бездну» (233), звѣзда... понеслась» (234) въ «вихри снѣжныя» (235) сѣверной вѣтренной ночью (245). Въ «Нечаянной Радости» онъ — охватываетъ; здѣсь онъ схватываетъ все, что есть (звѣзды, тучи, снѣжинки, поэта); и — гонитъ: въ бездны; несется стремительно въ ночь все, что есть: небеса, звѣзды, маски, обличія, милая, — все несется; динамика — невѣроятна; спираетъ дыханье: —

— «Мгла взвилась» (228), «Мы летимъ» (228) тамъ, гдѣ искры несутся (233), «взвилась», «сорвалась» (234), «уносились» (235), «настигла» (233) и «прокинула сводъ» (233); «и звѣзда за звѣздой понеслись» (234); и неслися «года» (234), и «летѣли снѣга... налетающей ночи» (236), «и мы понеслись» (236), «летѣть стрѣлой... въ пропасть... звѣздъ» (243), «улетѣлъ» (254), времена «быстролетны» (254), «летѣли» (261), «ладьи... пролетѣли» (241), «летите» (244), «лети» (245), «настигай», «догони» (247); полетъ переходитъ въ безуміе повелительныхъ наклоненій и въ требованіе бросаться туда и сюда въ безднѣ звѣздной: —

— «Глядись, глядись» (233), «обрати», «опусти», «укроти», «закрути» (237), «вейтесь» (238), «плывите...» вздохните (238), глаза «опусти» (240), «дай» (242), «пробудись», «исцѣлись», «покорись» (244),

«оставь» (249), «прости» (251) возстань» (267) —

— совершеннѣйшее безуміе повелѣній безумствовать, переходящее въ угрозу:

Рукавомъ моихъ метелей
Задушу.
Серебромъ моихъ веселій
Оглушу.
На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снѣжныхъ хмѣлей
Напою.

И остается одно: «летѣть стрѣлой... въ пропасть»; и все — пролетаетъ; и — носится въ пропасти, перегоня другъ друга; «колеблемый вьюгами Рока, я взвиваюсь, звеня...»

Вотъ и двинулась обыденность; пошелъ —

Бирнамскій лѣсъ
На Донзинанъ.

Вьюги Рока подкрадывались въ «Нечаянной Радости»; въ дальнихъ поляхъ хохоталъ «Невидимка»; ну вотъ и подкралися; и Невидимка теперь обнаружить свой ликъ: сниметъ маску; но маска та — «міръ»; міръ сталъ снѣжною маскою; весь перевѣянь онъ бурей снѣжинокъ — куда?

И снѣжныхъ вихрей подъятый молотъ
Бросилъ насъ въ бездны... (233).

То — молоты Рока, котораго звуки еще раздавались въ «Нечаянной Радости» издали голосомъ мѣди и звономъ съ болота.

Звѣзда за звѣздой
Понеслась
Открывая
Вихрямъ звѣзднымъ
Новыя бездны.

Вскрывается смыслъ роковой неизбѣжности: смыслъ — не земной, хотя Рокъ ударяетъ насъ глыбою земляною; смыслъ — бездна небесная:

Открылась бездна: звѣздъ полна.
Звѣздамъ числа нѣтъ: безднѣ — дна.

Такъ изъ бездны небесной извѣчно сметаются бури метельныя млечныхъ путей, осаждаясь туманомъ зелено-лиловаго газа; и покрываясь пепломъ того прозаическаго реализма, въ который едва не повѣрилъ А. А.:

Все, все по старому, бывалому
И будетъ, какъ всегда...

Или:

Да и меня безъ всякихъ поводовъ
Загнали на чердакъ.
Никто моихъ не слушалъ доводовъ
И вышелъ мой табакъ.
Давно звѣзда въ стаканъ мой канула, —
Ужели навсегда?

Звѣзда Духа, когда она канетъ въ стаканъ, то расплавится тотчасъ стаканъ въ брызги мысли; за нимъ —

и «чердакъ, домъ, дворъ, улица, міръ»: «М а с к а
С н ѣ ж н а я» — взрывъ оболочки отъ бомбы («Н е -
ч а я н н о й Р а д о с т и»); всѣ полеты — стремитель-
ное расширень трагедіи — въ Духъ!

Та динамика дана намъ на стремительныхъ, ослѣ-
пительныхъ ритмахъ; слова о полетахъ летаютъ на
легкихъ крылатыхъ хореехъ, которыми Блокъ не вла-
дѣетъ еще въ «Н е ч а я н н о й Р а д о с т и»; здѣсь —
владѣетъ хореемъ; крылатый хорей (— — — — —)
у Языкова, заголопировавъ, переходитъ порой въ пэонъ
третій (— — — — —); и тоже у Блока:

И неслись опустошающіе
Непомѣрные года,
Словно сердце застывающее
Закатилось навсегда.

Конечно же то — пэонъ третій:

— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — —

Великолѣпно вездѣ контрастируетъ дактилохорей
съ ямбо-анapestомъ.

А хорей иногда крѣпнетъ въ крешикъ (— — —):

И струитъ мое веселье
Два луча.

Доминируетъ явно хорей: имъ писано до двадцати сти-
хотвореній (и — шесть только ямбовъ; анапестовъ,
амфибрахіевъ, дактилей — нѣтъ).

Интересна на всемъ протяженіи смѣна размѣровъ; въ стихахъ «О Прекрасной Дамѣ» доминируютъ ямбы въ двудольникахъ и анапесты (среди трехдольника) (37 стихотвореній анапестическихъ и 105 ямбическихъ); среди нихъ доминируетъ четырехстопный ямбъ (61 стихотвореніе) и трехстопный анапестъ (до 26 ст.); 40 стихотвореній написано смѣшаннымъ ритмомъ; 17 стихотвореній есть дактиль; и только 5 амфибрахіевъ.

Въ «Нечаянной Радости» измѣненіе въ соотношеніи размѣровъ; количество стихотвореній со смѣшанными стопами — все то же; значительно убываютъ тутъ ямбы (72 стихотворенія); хорей — неизмѣненъ; но убавляется дактиль, анапестъ на счетъ амфибрахіа, рѣдкаго въ первомъ томѣ. Въ «Снѣжной Маскѣ» доминируетъ побѣдоносный крылатый хорей, который становится «блоковскимъ», какъ анапестъ и ямбъ въ первомъ томѣ. До «Снѣжной Маски» хорей — не для Блока.

Слово новое — «вьюга», «метель»; слово «вьюга» проходитъ на слѣдующихъ страницахъ (227, 232, 233, 238, 238, 241, 242, 247, 248, 249, 250, 257, 263, 265, 265, 267); и слово «метель» — такъ же часто встрѣчается: «Нѣтъ исхода изъ вьюгъ» (267); и опять: «Нѣтъ исхода изъ вьюги пѣвучей» (249); у ней — роговой громкій голосъ: «звучали рога» (235), иль звенѣли «рога» (236), иль «поютъ боевые рога» (250), «слушай трубные звуки» (251), «гуляетъ... трубачъ» снѣговой (247); слово «снѣгъ» шестьдесятъ разъ проходитъ на сорока лишь страницахъ. Здѣсь какое-то изступленіе повтореній: взрывъ словъ!

Этотъ взрывъ — разрывъ коснаго міра, беззвѣдно-безбеднаго, сѣраго — въ бездну звѣздную; слово «бездна — повсюду теперь: —

— «въ бездну» (233), «надъ бездною» (231), «надъ бездною» (237 «надъ бездною» (253), «въ безднѣ» (256), «въ открытыхъ безднахъ» (264); словомъ: «летимъ въ миллионы безднѣ»; тоже со звѣздами; ихъ — такъ много (стр. 228, 234, 234, 237, 238, 241, 248, 250, 250, 253, 263, 263, 264).

И все оттого, что она —

Дѣва пучины
Звѣздной (250).

Кто Она? Незнакомка «Нечаянной Радости»? Клеопатра? О, нѣтъ, — скорѣй, Та, о Которой сказалъ Соловьевъ:

Ты непорочна, какъ снѣгъ за горами.
Ты многодумна, какъ зимняя ночь.
Вся ты въ огняхъ, какъ полярное пламя,
Темнаго Хаоса Свѣтлая дочь.

Вотъ кто встрѣтилъ А. А. въ буревомъ взрывѣ рока, когда онъ былъ брошенъ стремительно — въ бездну; уже подымается голосъ царицы водоворота небесныхъ пучинъ: «Твой голосъ слышенъ...» (241), «Ты ли?» (242), «О, настигай, о, догони»; вотъ — Она:

Изъ очей ея крылатыхъ
Свѣтитъ мгла.
Трехвѣчная тиара
Вкругъ чела.

Она говорить:

Глядись, глядись,
Пока не забудешь
Того, что любишь. (233).

А онъ любить теперь не Прекрасную Даму—болото, фіалку, «испытанныхъ остряковъ» съ острововъ:

Я самъ, позорный и продажный,
Съ кругами синими у глазъ (221)

Хорошо все забыть; но — вотъ: взгляда не выдержишь: «Нѣтъ заката очамъ твоимъ звѣзднымъ» (249), и — «опусти глаза твои» (240)

И когда со мной встрѣчаются
Неизбѣжные глаза, —
Глуби снѣжныя вскрываются... (229).

Ты опустила очи,
И мы понеслись. (236).

Куда же летятъ? Да изъ жизни: то — смерть.

Вотъ меня изъ жизни вывели
Снѣжнымъ серебромъ стези. (266)

Вмѣстѣ съ гибелью образы рока, давящіе образами черныхъ монаховъ, поповъ, звонарей, невидимокъ не давятъ; «оттуда» — сюда они давятъ; «тамъ» это лишь — тѣни, лишь черныя маски, пролеты изъ снѣга ночной темноты; превра-

щеніе «нечисти» въ маски мѣняетъ гнетущее чувство въ крылатое; всѣ мы лишь маски; міръ — «снѣжная маска»; и появляется лейтъ-мотивъ маски:

Такъ смѣется маска — маскѣ...
Маска къ маскѣ обратясь (254).

Тихо шепчетъ маска — маскѣ
Злая маска — маскѣ скромной (254).

«И она внимаетъ маскѣ» (255), «и какія хочешь маски» (257), «въ темной маскѣ прорѣзь... глазъ» (256), «странны были рѣчи маски» (262), «возврати мнѣ, маска, душу» (265), «вѣтеръ масокъ не догналъ» (264). Все — маски, маски. Это — тѣни темной ночи:

И еще темнѣй — на темной
Завѣси окна
Темный рыцарь... (254).

Но «темный рыцарь — только снится» (254). То — оставленный двойникъ: порогъ перейденъ въ смерть. Встрѣча въ безднѣ звѣздной — съ Маской масокъ: съ міровой душою; нѣтъ въ ней страха, все — крылато: «птица вьюги темно-крылой» (242), «осѣнившая крылами» (240), «и крылатыми очами смотритъ высота» (268). То крылья взлета въ Міръ иной; и легкость, легкость: «легкія тревоги» (238), «крылья легкія раскину», «крылья легкія дала» (270); то крылья — въ смерть и въ гибель: «горе свѣтлое мое» (265) и «сердце хочетъ гибели» (266), и весело «погибнуть» (267), и

«веселится смерть» (247). Она — лишь Маска ма-
сокъ:

И подъ маской — такъ спокойно
Разцвѣли глаза — (263)

— Что —

Я спуталь всея страницы,
Пока глаза твои цвѣли. (262)

Она же — «сладко въ очи посмотрѣла»; и ужъ —
«на завѣси оконной золотится лучъ, протянутый отъ
сердца» (265); и Она говоритъ: «отъ дремоты исцѣ-
лись» (244), «къ созидающей работѣ возвратись» (244).

И привѣтно глядятъ на меня:

— Возстань изъ мертвыхъ! (267).

Чудесная метаморфоза: «Какъ трупъ въ пустынь я
лежалъ». Она же, Смерть —

Золотистый уголь въ сердце
Мнѣ вожгла (245).

Да, это та, про которую Соловьевъ говорилъ:

Ты непорочна, какъ снѣгъ за горами
Ты многотумна, какъ зимняя ночь;
Вся ты въ огняхъ, какъ полярное пламя,
Темнаго Хаоса Свѣтлая дочь.

Такъ пройдя испытаніе смертию, поэтъ восклицаетъ
уже за порогами «Снѣжной Маски».

О, весна, безъ конца и безъ краю —
Безъ конца и безъ краю мечта:
Узнаю тебя жизнь, принимаю,
И привѣтствую звономъ щита...

Перебои въ тональности образовъ, красокъ и ритмовъ отъ перваго тома къ второму не станутъ понятны безъ знанья душевно-духовной дѣйствительности и безъ ученія гностиковъ, гдѣ вскрывается энтэлехія Духа чрезъ силы сознанья — въ культуру, въ природу матеріи даже, которая — выдѣлка Духа; припомнимъ Владиміра Соловьева, указывающаго на систему Великаго Валентина: «Величайшее достоинство Валентиновой системы» гласитъ Соловьевъ, состоитъ въ... новомъ метафизическомъ (хотя облеченномъ въ поэтическую форму) взглядѣ на матерію. Древняя мысль знала... два представленія о матеріальномъ бытіи: или... это бытіе являлось лишь субъективнымъ признакомъ, обманомъ духа; или же... матеріи приписывалась самостоятельная реальность. Въ Валентиновой же системѣ впервые матерьяльное бытіе... опредѣляется... какъ дѣйствительный результатъ душевныхъ измѣненій». Софія въ ученіи гностиковъ — зонъ, котораго измѣненіе положеній въ плэромѣ рождаетъ духовныя бури; итогъ, — появленіе міра матеріи, какъ приращенья духовности; вся міровая исторія — часть біографіи этой Софіи, паденіе, распаденье ея, возвращенье, смѣщеніе сферъ, раздѣленіе, — все отражаетъ поэзія Блока, такъ точно, какъ въ грань брилліанта вѣдряется солнце.

Вотъ образъ Софіи въ ученьи египетскихъ гности-
ковъ, валентіанъ: глубина, первый эонъ, протягиваетъ
свою цѣпь, какъ паукъ выпрядающій нить паутины;
Софія — послѣдній (тридцатый изъ эоновъ) страстится
зрѣть глубину, нарушаетъ первичное равновѣсіе эоновъ,
бросившись въ бездну, гдѣ нѣтъ еще міра, но гдѣ
будетъ онъ — отразителемъ, впечатлителемъ жизни
п л э р о м ы, какъ мигъ озаренья сходящей Софіи:

Въ свѣтѣ немеркнушемъ Новой Богини
Небо слилося съ пучиною водъ.

Что было въ извѣчномъ, — потомъ отразится на
циклахъ культуры; сверженью Софіи оттуда отвѣт-
ствуеть здѣсь: ощущение Сошествія:

Знайте же, Вѣчная Женственность нынѣ...
на землю идетъ!

Біографія Человѣка построена такъ, какъ онъ сло-
женъ идеями; озаренье Софіей сознанія, иль — инспи-
рація, — память о бывшемъ, о сущемъ, о вѣчно гря-
дущемъ:

«Предчувствую!...»

Вся лазурь золотистая Блока — предчув-
ствіе; но: —

Измѣнишь обликъ Ты!

Павши въ бездну, Софія не зрѣтъ Глубины; потому
что Ее — ограничуютъ предѣлами; и — выдѣляютъ Ею
страсть ея—въ мѣсто міра, который появится, какъ во-
площеніе страстныхъ томленій Софіи; это — Дочь Ея,
Ахамоть, плачетъ — въ томящемся мракѣ; Софію же

вновь водворяють въ плерому; что было въ до-мірномъ, — потомъ повторяется; мигу рожденія Ахамоть явно отвѣтствуетъ измѣненіе Лика: является «Темнаго Хаоса Дочь. Вознесенью Софіи отвѣтствуетъ: — померканіе инспираціи.

Вся біографія наша построена такъ, какъ она промышляема въ мірѣ идей; и моментъ ухожденья Софіи—повторъ для культуры души:

Ты — въ поля отошла безъ возврата!
Да святится Имя Твое.

И — плачь Ахамоть въ темени оплотняется образомъ косного міра; Она — Душа Міра, а не Софія Небесная (та есть Царица, а эта — Царевна). Изъ слезъ пролитыхъ — вытекають моря; изъ скорбей ея — земли; и демоны (попикки, звонари, невидимки) — отъ страха Ея; образъ міра есть образъ душевный, который всегда — до матеріи; это послѣдняя — интерференція образовъ; имагинація — ткань инспираціи; Ахамоть — въ метаморфозѣ; а Мать — въ неподвижно надъ-образномъ; Ахамоть—море движенія, водоворотовъ и вьюгъ; мнѣ въ письмѣ называетъ Ее Блокъ Астартой: и онъ — ошибается; образъ Астарты — аспектъ средь аспектовъ Ея:

Къ ней нисходитъ Христось (не Исусъ — по ученію гностиковъ принципы эти раздѣлены: на Іордани лишь былъ осѣненъ Исусъ Духомъ Логоса); дѣйствіе Логоса возжигаетъ въ Ней родину: образъ плеромы, гдѣ — Мать; изъ улыбки Ея начинается свѣтитъ свѣтъ физическій; въ ней возникаетъ стремленіе ввысь, какъ у Матери нѣкогда было стремленіе внизъ; и стремленье — космическій Умъ, Деміургъ; Параклетъ просвѣщаетъ Ее; сочетанье стремленій двойной Ея сущности

(темно-свѣтлой, деміургически-хаотической) есть чело-
вѣкъ; онъ есть «в ѣ к ѣ», иль слѣпое теченіе времени;
онъ же — Чело; и борьба обостряется въ немъ; біогра-
фія, отражая собой Душу Міра (Имагинацію), въ ней
отражаетъ Премудрость; въ самосознаніи — расплета-
емъ сплетенія космической пряжи и нити ея возвраща-
емъ въ міръ Духа; высвобождаемъ мы Ахамоть: въ
мигъ, когда всѣ поймутъ пневму, Софія Вторая въ
плэромѣ появится. Здѣсь исхожденіе міра — ро-
манъ; и въ любви романической проникаемъ мы тайну
творенія міра, но не любви въ нашемъ куцомъ, безкры-
ломъ, безогненномъ смыслѣ; любовь до конца совер-
шенно конкретно-гностична; она — не раскрыта; въ
Любви другъ ко другу доходимъ до Ахамоть; Ахамоть
— Дочь: дочь Любви. Коль Софія — Премудрость,
Душа Міровая — Любовь; но внести въ нее свѣтъ мо-
жетъ гнозисъ, мы въ немъ претворяемъ и Ахамоть.
Встрѣча съ Софіей поэтому черезъ Любовь; такъ ра-
зумное просвѣщеніе Любви въ опознаньи духовныхъ
законовъ пути просвѣщенія; пресуществляя любовь въ
человѣческихъ отношеніяхъ, — распахируемъ природу
матеріи; и сѣменимъ ее Духомъ; послѣднія тайны
любви — въ коллективѣ, въ мистеріи; и Соловьевъ въ
сочиненіи «Смыслъ любви» говоритъ:

«Какъ въ любви индивидуальной
два... существа... служатъ одинъ дру-
гому... положительнымъ восполне-
ніемъ, точно такъ же должно быть во
всѣхъ сферахъ жизни собирательной..
Необходимо измѣнить отношеніе че-
ловѣка къ природѣ... установленіе
истиннаго любовнаго, или сизигиче-
скаго отношенія человѣка не только
къ его соціальной, но и къ его при-

родной и всемірной средѣ — эта цѣль сама по себѣ ясна». И далѣе онъ говоритъ: истинные поэты всегда оставались проками всемірнаго возстановленія жизни». И приводитъ отрывокъ изъ Фета:

Только у васъ мимолетныя грезы
Старыми въ душу глядятся друзьями,
Только у васъ благовонныя розы
Вѣчно восторга блистають слезами.

Блокъ выразитель любви, о которой еще не умѣемъ мы внятно сказать; и — въ любви его, личной, открылась Любовь: и въ Офеліи онъ увидалъ Беатриче, въ которой — Царевна, скликающая параклѣтовыхъ птицъ; въ Ней же — Та, о Комъ нѣтъ уже образовъ: Ту называемъ Премудростью; Блокъ повторилъ въ біографіи быта душевнаго всю біографію переживаній гностическихъ: снисхожденіе, томленье, восходъ, появленіе Ахамоть, встрѣчу съ Ней въ безднахъ; понятно его потемнѣніе золотисто-лазурнаго міра черезъ сѣро-зелено-лиловое — въ ночь: то — отходъ, безвозвратный, Софіи; а по пики, марева, зелья «Нечаянной Радости» — страхи томящейся Ахамоть, или Царевны Царицы, Которыя переходятъ въ свистъ вихря, въ метелицу звѣздъ; но гностическій смыслъ, въ немъ отжившій, — съ нимъ связана Ахамоть: онъ обусловитъ возможность вернуться въ плэрому. И «Снѣжная Маска» — второе свиданіе: съ Ахамоть!

Третье свиданіе — встрѣча съ Россіей: объ этомъ свиданіи — рѣчь впереди.

Поразительно: какъ повторяется въ лирикѣ Блока лирическая философія Валентина: до мелкихъ штриховъ! Въ стихотвореніи, напримѣръ, «Царица смотрѣла заставки», великолѣпною по образамъ, вы ничего не поймете: зачѣмъ здѣсь Царица, какая такая; и почему здѣсь подчеркнутое противоположеніе Царевны Царицѣ, пока не поймете: Царица — Премудрость, Царевна-же — Ахамоть:

Царица смотрѣла заставки —
Буквы изъ красной позолоты.

Такъ ей — полагается:

Протекали надъ книгой голубиной
Синія ночи Царицы.

Отворилось облако высоко
И упала Голубиная Книга.

Все — такъ: и цвѣта (золотой, синій) — традиціонные цвѣта Мудрости:

У Царицы синіе загадки
Золотые... заставки.

Иная — Царевна:

Царевнѣ такъ томно...

Томленіе сопутствуетъ Ахамоть; но къ ней слетитъ Параклѣтова бѣлая птица: слетаетъ:

А къ Царевнѣ съ вышки голубиной
Прилетѣли бѣлыя птицы.

.
И плескались бѣлыя перья...

.
... Изъ лазурнаго ока
Прилетѣла воркующая птица.

Но «о к о», которому вся протянулась Царевна — изъ нашего «о к н а» понявшаго с и н е е о к о стезею гностической; да, загаданъ «д у х о в н ы й р о м а н ъ» межъ Царевной и гностикомъ: и Царевна — Невѣста; она —

Твои числа замолить, царица.

Опять — почему? Лишь тогда, когда Ахамоть въ нашемъ сознаниі перенесется въ п л э р о м у, окончится міръ, міровая исторія, или послѣдствія неравно-вѣсія нѣкогда падшей царицы.

Смотрите во что превращаются образы Блока, когда подойдете вы къ нимъ съ ключемъ гнозиса. Въ каждомъ отрывкѣ о Ней можно увидѣть, о комъ идетъ рѣчь: такъ:

«Я ждалъ Тебя. Я духъ къ Тебѣ простеръ. Въ Тебѣ — спасенье!»

Кто? Софія. А это?

Ты въ бѣлой вьюгѣ, въ снѣжномъ стонѣ
Опять... всплыла.

Ахамоть!

.
Отъ перваго тома къ второму описана драма схождения Софіи, Ея измѣненіе въ Ахамоть, переплотнѣніе

въ косность скорби; да, да: разложеніе образовъ Духа въ гнетущую карму тяжелаго матеріальнаго міра — суровый законъ; безсознательно Блокъ даетъ формулу подтвержденія истины жизни.

ПРЕДСТОЯНІЕ ПЕРВОЕ ПЕРЕДЪ ПОРОГОМЪ

Вооруженіе сознанія предохранило бы рыцаря отъ подмѣны; а то разложеніе — законъ. Рыцарь ранѣе срока поднявшій свой мечъ — Арлекинъ.

Онъ мечомъ деревяннымъ
Начерталь письма.
Восхищенная страннымъ
Потуплялась она.

Восхищенью не вѣря,
Съ темнотою — одинъ —
У задумчивой двери
Хохоталь Арлекинъ.

Дверь — пороги духовнаго міра, къ которымъ нѣтъ доступа; здѣсь, у пороговъ — разбитіе образовъ; образы свѣта становятся ночью; и далѣе — нѣтъ ихъ.

Н е с у щ е с т в у ю щ и х ъ ш а г о в ъ
Тревожный шорохъ на дорогѣ.
Холодная черта зари,
Какъ память близкаго недуга,
И вѣрный знакъ, что мы внутри
Неразмыкаемаго круга.

Это — образы первого тома: второй лишь выводитъ послѣдствія; имагинація воды, у тайны порога намъ должно разбить; если нѣтъ, — то онѣ загниваютъ, какъ воды болота; буйственности имагинаціи—буйственность крови, завившей въ струѣ инспирацій, озоннаго, горнаго воздуха; надо умѣть отдѣлиться отъ крови, всегда заслоняющей п н е в м у моделями фізіологическихъ коррелатовъ; и образъ духовный дробится въ безобразность отвлеченныхъ понятій (въ «н е р а з м ы к а е м ы й к р у г ъ») и въ «б о л о т о»:

Мое болото ихъ затянетъ:
Сомкнется мутное кольцо.

Посмотрите жъ: Царевна покатится внизъ; вотъ — наклонная плоскость ея превращеній: она обернулась волшебницей; б ѣ л ы я п т и ц ы — лишь выюга:

Ты въ б ѣ л о й выюгѣ, въ снѣжномъ стонѣ.

И «Б ѣ л а я , Ты въ глубинахъ не смутима» — гдѣ, гдѣ? Вотъ на встрѣчу выходитъ лишь дѣвушка, сопровождаемая б ѣ л о й ладьей (бѣлый цвѣтъ — Параклэтовъ):

За тобой — живая ладья,
Словно б ѣ л а я лебедь плыла.

Б ѣ л о е сходить на землю ладьею и платьемъ (въ горахъ оно — трепеты свѣта). Тамъ —

Вдохновительное молчанье
•И скрыты помыслы твои,
И смутно чуется познанье
И дрожь голубки и змѣи.

Какъ у Владиміра Соловьева.

Нашу голубку свяжите
Ярыми кольцами древняго Змія.

Связыванье «Царевны» явленьемъ — законъ, точно вѣдомый гнозисомъ: здѣсь приставляется Фафнеръ къ Брунгильдѣ; здѣсь ярыя кольца — «огни» (заклинаніе огней). «Она» — «я любилъ твое бѣлое платье, утонченность мечты разлюбивъ»; гдѣ же птица изъ Синяго Ока?

Очертаніе бѣлаго стана.

И платье здѣсь — «бѣлый намекъ»¹⁾ (138), на плесканіе бѣлопераго свѣта; остался лишь «бѣлый цвѣтокъ» (138). «Безысходно туманная ты предо мной затѣваешь игру» (133); она — связана кольцами Логелюге: «Голубкѣ привольно въ пламенныхъ кольцахъ» (Вл. Соловьевъ): спить во лжи:

Какъ ты лжива и какъ ты бѣла,
Мнѣ же по сердцу бѣлая ложь.

Не по сердцу ложь Зигфриду, вырвавшему Брунгильду изъ царства огней; онъ есть «Я», самосознаніе, вооруженное мечомъ, или гнозисомъ; вооруженія нѣтъ у А. А.; и великое совершить — нѣтъ, нѣтъ: «Будетъ день — и свершится великое, чую въ будущемъ подвигъ души».

Въ настоящемъ, поэтому — разложеніе образа Ахатомъ, или Царевны-Голубки, въ просто безликую и въ просто дѣвушку безысходно туманную, бѣлую, сон-

¹⁾ Размѣтки здѣсь по первому тому „изданія Слово“.

ную, лживую; равноплоченіе въ безобразность Ночи, и оплотненъе въ «к а к ъ в с ѣ».

Ты покоишься въ б ѣ л о м ѣ гробу.

.
Я отпраздновалъ свѣтлую смерть,
Прикоснувшись къ рукѣ восковой.
Остальное — бездонная твердь
Схоронила во мглѣ... (245)

Раздѣленіе въ образѣ Юной Голубки — отчетливо: лейтъ-мотивъ темы Ахамоть, гармонически разслоенъ.

Во второмъ томѣ эта Бѣлая Голубка уже является королевной забытой страны

Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фіалкой.

Но то — «а л л е г о р і я», которой украшена «н е - к р а с и в а я д ѣ в у ш к а»:

Некрасивая дѣвушка
Съ непримѣтнымъ лицомъ

.
И еще, я навѣрное знаю,
Что когда-то ужъ видѣлъ ее,
И была она, можетъ быть, краше,
И, быть можетъ, грустили когда-то,
Припадая къ подножьямъ ея,
Короли...¹⁾

Посѣрѣла Голубка, имагинація, не отвергнутая у порога закономъ пути; «у м и р а е т ѣ с о в с ѣ м ѣ н е к р а с и в а я д ѣ в у ш к а»:

¹⁾ Ночная Фіалка.

Она веселой невѣстой была,
Но смерть пришла. Она умерла.

Ярость древняго Змѣя надъ Нею исполнилась:
«пьяный красный карликъ», не дававшій про-
ходу ей («дѣвушкѣ страшно»), совершаетъ
«ужасное дѣло»: «Безобразный карликъ
занять дѣломъ». Совершивъ это дѣло, ее
покидаетъ: «Плывутъ собачьи уши, борода
и красный фракъ...»

«Дѣвушка... очнулась отъ сна...»
«Стыдно возвратиться съ дьявольскимъ
клеймомъ»¹⁾ Паденье Голубки — въ замѣнѣ въ
ней бѣлопераго трепета бѣлою ложью красиваго
бѣлаго платья:

Моя невѣста картонной была.
(«Балаганчикъ»)

Бѣлое черезъ всѣ просѣренья становится чер-
нымъ. И это — предвидѣно: стихотворенье, выра-
жающее надежду словами «на утро ввысь пуцу
мои крики, какъ бѣлыхъ птицъ» обры-
вается:

До утра — безъ солнца — пуцу мои крики,
Какъ черныхъ птицъ, —
— потому что:
Во снѣ и въ яви — неразличимы
Заря и зарево.

Пути гнозиса вовсе не въ томъ, что — являю тся
образы: въ томъ, что они — различаются: зори

¹⁾ Томъ второй ст. 195.

духовнаго свѣта всегда отдѣлимы отъ зарева физиологической жизни, гдѣ вытравлено содержаніе образовъ, гдѣ — оболочки:

Тамъ вѣтеръ треплетъ пустой рукавъ.

За подмѣной стоитъ Подмѣнитель:

Берегись, берегись, — надъ бургосскимъ путемъ
Сидитъ одинъ черный монахъ.

Онъ у Блока засѣлъ надъ «бургосскимъ путемъ» въ первомъ томѣ уже:

Мой страшный, мой Близкій — черный монахъ . . .

Кто же Онъ? Стражь Порога.

Приближеніе къ Ликамъ внѣ твердой духовной работы — сжигаетъ подмѣною пыла томленіемъ адскимъ, которое есть одежда убитаго Несса: и — жжетъ, приликая; и слишкомъ близко увидѣвшій духъ, но не вставшій на путь, переживаетъ лишь муки. Уже не поэтъ (вмѣстѣ съ тѣмъ — не провидецъ) онъ — слѣпнетъ; преданье сѣдой старины намъ выводитъ «слѣпого» пѣвца: рокового слѣпца, кого водятъ, кто — нищій; лишь въ пѣснѣ порой разверзаются очи его; таковъ теперь Блокъ.

Чтобы стать пѣвцомъ Духа горняго, сперва надо въ жизни ослѣпнуть (ослѣпъ же Мильтонъ); отступить отъ порога, по новому выступить въ жизнь; но выступленіе—изъ внутреннихъ нуждъ: шагъ «в о в н у т р ь»; голосъ мудрости соединяетъ намъ внѣшніе вы ст у п ы съ тайнымъ отступомъ; отступники слѣдуютъ въ вы-

ступахъ неотступно пути; соединеніе внѣшняго съ внутреннимъ — ступаетъ Судьбою: обставшіе образы — внѣшніе знаки Судьбы (появленіе «вѣдьмъ»).

Рыцарь Дамы съ распадомъ Дамы — распадается: два двойника начинаютъ свой споръ: то — острякъ, утверждающій: «In vino veritas»; то — мистикъ, котораго голова провалилась въ сюртукъ; и духовное знаніе изображаетъ тутъ первые ритмы Порога: явленіемъ Видѣнія и Смерти.

Видѣнье и Смерть!

Первый томъ весь — Видѣніе. Смерть. — томъ второй.

Они — связаны. Смерть и Видѣнье даны въ одномъ звукѣ:

Предчувствую Тебя... Года проходятъ мимо

.

Но страшно мнѣ: измѣнишь обликъ Ты.

Написавшій сталъ «мистикомъ» послѣ; каламбурный острякъ написалъ «Балаганчикъ»; но — столкнуты въ Третьемъ; онъ — ищущій, все еще, — вопреки «остряку», вопреки провалившейся головѣ, или Храму Премудрости («Церковь упала въ зацвѣтшій прудъ», или — «небо упало въ болото»).

Отступая отъ тайны Порога по новому вновь выступаютъ въ обставшую жизнь: Александръ Добролюбовъ, Толстой, Августинъ и Францискъ (выступалъ тоже Фаустъ) переработать свой порогъ. Отступаетъ и Блокъ; тутъ порогъ ему видимый, отображается внѣшне: порогомъ реакціи (и Францискъ и Толстой передъ проблемой соціальной стояли: она — коллективная карма); онъ видитъ — глубокіе корни

проблемы; и — упирается: въ задания революцій; Фаустъ пытался черезъ смерть подойти къ Неопиcуемому Видѣнью; онъ пережилъ in concreto въ себѣ социальнаго челоуѣка; Неопиcуемое Видѣнье, видимое одному, станетъ явью для всѣхъ лишь тогда, когда снимутся три порога реакціи: политической, социальной, духовной; весь міръ матерьяльный — реакція Духа; онъ — остановка развитія у Духовъ. Индивидуально: реакціи отражаются: 1. въ косностяхъ быта, 2. въ его подоплекѣ (средѣ социальной), 3. въ реакціи «Я», остановленнаго Люциферомъ, замороженнымъ красотью прошлаго: — кончить съ коснѣющимъ «Я» — первый шагъ къ Революціи Духа; террористическій актъ надъ собою самимъ есть начало пути.

И внѣ этого — Она въ маскѣ; и маска та — малое, косное «Я» (иль — «б у р ж у й» въ насъ). И Дама — не «рыцаря»: Храма, Иоаннова Зданія. Въ мѣстѣ Видѣнья Блокъ себѣ снится въ грядущемъ своемъ; и — въ Иоанновомъ Зданіи («я ихъ хранилъ въ предѣлѣ Иоанна»)...

Я — мечъ, заостренный съ обѣихъ сторонъ.
Я правлю, Архангелъ, Ея Судьбой.

Штейнеръ указываетъ: Ангелы суть хранители индивидуальных Судебъ; судьбы народа же охраняютъ Архангелы; судьбы Человѣчества — въ лонѣ Началь; такъ что: сынъ Человѣческой связанъ съ Началомъ; и — Сынъ Народа, Народникъ, — съ Архангеломъ, Духомъ Народа.

Душа міровая является Блоку въ двухъ ликахъ пока: его личною Музою (ангелически), и — Душой Человѣчества. Архангелически — нѣтъ, не появлялась Она: и не могъ онъ связать свою Музу съ Ней — под-

линно: связь — черезъ Народъ. И свиданіе третье — должно быть, какъ встрѣча съ Народной Душою.

Я правлю, Архангелъ, Ея Судьбой —

— значить: судьбы народа зависятъ отъ дѣйствій Народниковъ — тѣхъ, кто мощью расширилъ сознанье свое до конкретнаго отраженія индивидуумовъ Н а р о д а : раскрытыя книги они; ихъ читаетъ — Архангелъ; тутъ слѣдуетъ отдѣлиться отъ личности: похоронить себя въ смерть; и — воскреснуть; въ законы пути.

Міровое Видѣнье — Софія. Индивидуальное — Ахамоть. Отношеніе къ ней въ коллективѣ народа — явленье Россіи.

О, Русь моя, Жена моя — до боли,
Намъ ясенъ долгій путь.

Александръ Александровичъ—оставался максималистомъ; онъ — разбилъ до конца образъ Музы; и — образъ Небеснаго Купола, или — бумагу, которую Арлекинъ протыкаетъ: Видѣнье ушло; Муза-дѣвушка — сѣро утасла:

К о н е ц ь предназначенный близокъ:
И война, и пожаръ впереди.

Тутъ н а ч а л о его политически-соціальныхъ стремлений — въ огромнѣйшемъ смыслѣ: въ духовномъ.

И — тяга къ «н а р о д у»:

Люблю Тебя, Ангелъ Хранитель, во мглѣ,
Во мглѣ, что со мною всегда на землѣ.

За то, что намъ долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы — мужъ и жена!

.
За то, что не любишь того, что люблю.

За то, что о нищихъ и бѣдныхъ скорблю.

.
Отомстить малодушнымъ, кто жилъ безъ огня.

Кто такъ унижалъ мой народъ и меня!

Кто заперъ свободныхъ и сильныхъ въ
тюрьму.

.
Кто хочетъ за деньги лишить меня дня.

За то, что я слабъ и смириться готовъ,

Что предки мои — поколѣнье рабовъ.

То—его выступленіе (отъ порога: въ революцію).

И ВОЙНА И ПОЖАРЪ ВПЕРЕДИ

Въ мірѣ перваго тома есть рыцарь и Дама; кругомъ — хоровое начало, какіе-то «мы»: послѣ рыцарь — Пьеро, Дама есть Коломбина, а хоровое начало суть «мистики»; но появляется Арлекинъ, или — Третій: уводитъ измѣнную Коломбину.

Гдѣ болѣе двухъ, — миллионы; иль — всѣ; и «онъ» — переходъ: къ «мы», «они»; путь «вдвоемъ» черезъ «третье»: къ всеобщему; тамъ — *chorus mysticus*, или — орхестра, совѣтъ, пути жертвы; тутъ, умирая въ отъединеніи, воскресаютъ въ рождаемомъ коллективѣ: «Эта связь активнаго человѣческаго начала (личнаго) съ воплощеною въ соціальномъ духовно-тѣлесномъ организмѣ всеединой идеей должна быть живымъ сизигическимъ отно-

ш е н і е м ъ» (Владиміръ Соловьевъ). Если образы цѣннаго воспринимаются жадно Невѣстой, является — третье: оно — Арлекинъ; онъ — общественность.

Вспышкой общественности — въ пору смерти въ немъ образовъ прежняго міра встаетъ непокорный, общественно-революціонный поэтъ, подходящий по своему къ революціи; революція внѣшняя и революція міра души, — отраженіе: разбиванія рокового порога, удерживающаго челоуѣчество отъ духовной конкретности; можно сказать, что А. А. будетъ — скиоѣ, утверждающій двѣ революціи — въ третьей, въ духовной.

Погасла заря; и вотъ — вспыхнуло пламя въ рукѣ у Петра:

Въ рукѣ протянутой Петра
Запляшетъ факельное пламя.

Пьеро умеръ, но — живъ Арлекинъ, или самъ же поэтъ (Арлекинъ и Пьеро — двойники: тѣ же: мистикъ, острякъ): Арлекинъ, снявъ костюмъ, здѣсь — Народникъ, а Коломбина — Россія; народъ — хоровое начало.

Революціонеръ призываетъ:

Бѣгите всѣ на зовъ! На зовъ!

Кто? Да тѣ, кто спаленъ:

Опаленнымъ, сметеннымъ, сожженнымъ до тла —
Хвала!

Страшный «К о л о к о л ъ», страшный недавно въ глубинахъ личнаго — вовсе не страшень: то — зовъ революціи.

И на башнѣ колокольной
Въ гулкѣй плясь и мѣднѣй зыкъ
Кажеть колоколъ раздольный
О кровавленнѣй языкъ.

Словомъ: —

Городъ въ красныя предѣлы
Мертвѣй ликъ свой обратилъ.

И уже:

Край небеснѣй распоротъ,
Переулкѣ гудять —

О чемъ гудять?

Опаленнѣмъ, сметеннѣмъ, сожженнѣмъ до тла —
Хвала!

А надъ этою, начинающѣмися политической и соціальною революціями, слышится и начало духовной:

Бился колоколъ. Гудѣли крики, лай и ржанье.
Тамъ на грязной улицѣ, гдѣ люди собрались,
Женщина-блудница — съ ложа пьянаго желанья
На колѣняхъ, въ рубашкѣ, поднимала руки ввысь.

А надъ всѣмъ міромъ:

Розовѣмъ зигзагомъ въ разверстой
лазури
Тонкая рука распластывала тонкѣй
крестъ.

А. А. откликается на этотъ звукъ революціи:

Я покину сонъ угрюмый,
Буду первый предъ толпой:

Онъ появляется и на митингъ революціи; видитъ, какъ падаетъ революціонеръ:

И въ вышинѣ внезапно вставшей
Быль свѣтель кругъ лица,
Быль тихій Ангелъ пролетѣвшій,
И радость — безъ конца.

Это радость свершеній иного пути вызрѣваетъ въ упорнѣйшихъ думахъ объ интеллигенціи и народѣ; подходитъ по новому къ старымъ проблемамъ земли, осознавъ, что Видѣнье, должно превратиться въ возстаніе и въ свѣтъ всей земли; соединеніе Лаврова, Владиміра Соловьева и Федорова — грядущія вѣхи исканій культуры.

Путь тотъ — путь крупныхъ. Фаустъ здѣсь безсознательно убиваетъ свою Маргариту, переживаетъ сонъ смертный; переживаетъ его и А. А.; Фаустъ послѣ — справляется; и — появляется въ обществѣ, гдѣ возникаетъ вопросъ о Еленѣ Прекрасной: какъ вызываетъ Ее? Мефистофель ему сообщаетъ: спускаются въ міръ Матерей, гдѣ кончается все: вещи, люди, событія, образы, боги и самая власть Мефистофеля; Матери — лоно, иль — небо внизу; царство Духа — низы подстилаетъ; оно — непосредственно-данное, первое; Фаустъ — спускается; здѣсь, прикасаясь къ источнику всѣхъ превращеній, иль тканей, сплетаемыхъ, видитъ онъ—Метерей-Парнокъ.

Поэзии Блока путь именно обращается къ «Матери», символу Матери; въ стихотвореніи «Моей матери» сказано: «возвратились... въ родное жилище»; изъ «матери» — подымается Мать: «И старая мать погребла...» «миновали сотни и сотни лѣтъ», «одна осталась старая мать»:

Какъ міръ стара, какъ лунь, сѣда,
Никогда не уметь, никогда, никогда.

Матери — не умирають.

И характерно: въ «прудъ» (лоно Матери) падаетъ «Церковь», иль «Храмъ»:

А хмурое небо низко
Покрыло и самый Храмъ.

Погружается Храмъ въ лоно Матери; остановилась мушино-мышиная жизнь; лепетаніе «бабье» становится: говоромъ Матери.

Фаустъ отсюда выводитъ Елену на сцену придворнаго «Балаганчика». Долго рѣшаютъ: а подлинно ли Елена — Елена; актриса? Но то — не актриса: Елена, иль — роза глубокаго лона. Въ стихотвореніи «Моей матери» (въ новомъ) рассказано: сынъ разбиваетъ сады

И бережно обходить мать
Мои цвѣты...

Это — розы изъ лона; и — далѣе: «Знаетъ ли она, что сердце зрѣетъ!» Сердце — роза;

зрѣть — Еленой, новой жизнью; Нечаянна радость:
«весна безъ конца и безъ краю». И —

Узнаю тебя, ж и з н ь !

Испытаніе первое кончено: такъ, уйдя въ запорож-
ную жизнь, онъ восходитъ оттуда съ Еленою; какъ
Эмпедокль, сочетавшійся съ міромъ огня, сочетался онъ
съ міромъ метели; и — въ лоно ночное онъ канулъ; вер-
нулся: съ Еленой!

Принимаю... просторъ поднебесій
И томленіе рабьихъ трудовъ.

Говоритъ уже Гетевскимъ языкомъ: мудрой ясно-
стью:

Я хотѣль бы,
Чтобы вы влюбились въ простого человѣка,
Который любитъ землю и небо.

Браку Фауста и Елены отвѣтствуетъ пыль любви къ
земной женщинѣ; и — образъ Мэри рождается; че-
резъ него говоритъ ему Та:

Къ созидающей работѣ возвратись.

Изъ брака Елены и Фауста возникаетъ — Эвфо-
ріонъ, пыль; возникаетъ отъ Н о в о й л ю б в и у А. А.
жарь стиховъ:

Ихъ тайный жарь Тебѣ поможетъ жить!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Встрѣча и охлажденіе

ПОЛЕМИКА СЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ

Въ мартѣ 1907 года я былъ въ Москвѣ. Съ А. А. не переписывался; личное расхожденіе съ нимъ опредѣлилось внѣшной формою: оказались мы въ разныхъ литературныхъ кругахъ; непониманія, о которыхъ шла рѣчь впереди, получили возможность себя выявлять чисто внѣшне; въ Москвѣ въ литературныхъ кругахъ «Скорпіона», «Вѣсовъ», «Золотогоруна», «Перевала» открыто я нападалъ на линію литературной позиціи Блока и выражалъ недовольство стихами его; пора личной переоцѣнки поэзіи Блока во мнѣ совпадала съ началомъ широкой извѣстности Блока; о Блокѣ вездѣ заговаривали; мнѣ особенно было порою мучительно вслушиваться въ дифирамбъ, распѣваемый стихамъ Блока, — не тѣмъ, которые нѣкогда поразили меня, — тѣмъ, которые меня отшатнули; я искренне думалъ: А. А. обмѣнялъ теургическое первородство свое, вѣнецъ жизни, на лавровый вѣнокъ поэтической славы. И я повторялъ строчки Брюсова:

Горе, кто обмѣнить
На вѣнокъ — вѣнецъ.

Видѣлъ я, что для многихъ А. А. есть поэтъ «Б а л а г а н ч и к а», «Н е з н а к о м к и»; межъ тѣмъ, думалъ я, «Б а л а г а н ч и к ѣ» — симптомъ упаданія поэтической музыки; а слухи, которыми въ это время питались кружки поэтическіе Москвы, утверждали какую-то исключительную близость между А. А., Г. И. Чулковымъ, усиленно проповѣдующимъ въ статьяхъ и въ газетахъ мистическій анархизмъ, В. Ивановымъ, выпустившимъ свою книжечку «Э р о с ѣ» и проповѣдывавшимъ, съ моей точки зрѣнія, эротизмъ подъ маскою религіозной символики, — все заставляло высказывать желчныя мысли о Блокѣ отчетливо, вслухъ. Моя нервность, измученность и очень сильная слабость, послѣдствія операциі, располагала меня къ раздражительнымъ выходкамъ; было особенно больно мнѣ видѣть: среди поэтической молодежи, уже начинавшей восторженно относиться къ поэзін Блока, нападкн мои на поэзію эту, полемика съ Петербургомъ, воспринимались не такъ, какъ хотѣлъ бы я видѣть полемику эту; иные во мнѣ наблюдали лишь резонера, дотошнаго теоретика, позабывая, что всѣ выступленія противъ двусмысленной мистики петербургскаго символизма не были выпадами «р и к к е р т і а н ц а», какимъ меня сдѣлали изъ полемическихъ цѣлей; я, все-таки, былъ авторъ «Симфоній», статей о «Священныхъ Цвѣтахъ», «Т е у р г і и», во мнѣ можно было усматривать все, кромѣ мертваго абстрагизма разсудка; и находились такіе, которые видѣли въ моей полемической агрессивности—что-то, подобное зависти къ всевозрастающему вліянію Блока; бывало говаривали: «Б ѣ л ы й и Б л о к ѣ», ставя рядомъ насъ, выразителей передовыхъ устремлений искусства; теперь говорили: «Да, — Б л о к ѣ, Г о р о д е ц к і й, И в а н о в ѣ, К у з ь м и н ѣ, — выказыватели новаго слова, а Б ѣ л ы й, а Брюсовъ—реакціонеры:

они устарѣли, отстали. Сужденія эти о мотивахъ полемики всего болѣе распаляли меня; и все рѣзче и рѣзче писалъ противъ Блока, Иванова и Г. Чулкова. Съ другой стороны этотъ дикій задоръ разжигали отчасти и Эллисъ, и Брюсовъ; отчасти — С. М. Соловьевъ; къ моему возвращенію изъ-за границы въ Москву произошла удивительная перемѣна въ Л. Л. Кобылинскомъ по отношенію «Вѣ совъ». Брюсовъ, Эллисъ, Л. Л. Кобылинскій, вполнѣ примирились другъ съ другомъ, организовали во время парижской болѣзни моей въ Москвѣ «Общество свободной эстетики»; Эллисъ, недавній противникъ «Вѣ совъ», оказался сотрудникомъ ихъ; и приблизился очень къ «Вѣ самъ» Соловьевъ; филологическія увлеченія послѣдняго совершенно сближали его съ тѣсной группой редакціи, гдѣ формальное отношеніе къ проблемамъ словесности, стиля и гдѣ тенденція формулировать принципы символистической школы съ отчетливой ясностью, — преобладали все болѣе; въ редакціонномъ составѣ «Вѣ совъ» отложилось ядро теоретиковъ, опредѣляющихъ литературную политику группы; и на нее вліялъ Эллисъ, политикъ особенно по «марксистскому» прошлому, безкорыстнѣйшій агитаторъ и безкорыстнѣйшій интриганъ; проповѣдуя культъ раздѣльности духа и плоти, онъ видѣлъ во всякомъ смѣшеніи плановъ мистическихъ съ литературными недопустимую богохульную мѣшанину; а идеаломъ отчетливости въ выраженіи своихъ эстетическихъ упованій сталъ Брюсовъ для Эллиса; Эллисъ готовъ былъ бросаться вполнѣ безкорыстно на всѣхъ, кто считалъ, что В. Я. не есть первый поэтъ среди насъ; онъ торжественно провозгласилъ его м е т р о м ъ ; а петербуржцы, провозгласивши Иванова руководителемъ судебъ символизма, и выдвигая вездѣ А. А. Блока не только по-

лемики ради, но и подчасъ въ пику намъ, москвичамъ, — ужъ тѣмъ самымъ естественно вызывали въ неугомоннѣйшемъ Эллисѣ желаніе объявить всѣмъ-всѣмъ-всѣмъ беспощадную брань; Эллисъ лично едва выносилъ В. Иванова и относился къ А. А. съ все растущей запальчивостью, подозрѣвая его въ «с о г л а ш а т е л ь с т в ѣ»; будучи посвященъ въ нелады мои съ Блокомъ, стоялъ на моей сторонѣ онъ всецѣло и окружалъ постоянно меня эманацией страстнаго своего негодованья на Блока; вполне безкорыстно во мнѣ раздувалъ онъ всѣ искры негодованія этого—въ пожаръ гнѣва; и самое рѣзкое, что когда-либо я написалъ въ отмежеванномъ мнѣ отдѣлѣ «В ѣ с о в ѣ», «На перевалѣ», — все было раздуто и вскормлено страстностью Эллиса.

Разошедшійся съ Блокомъ С. М. Соловьевъ, такъ открыто примкнувшій къ ядру необузданно-ярныхъ «в ѣ с о в ц е в ѣ», слагавшихъ «п о л и т и к у», разумѣется, не только примкнулъ въ этомъ пунктѣ къ гремящему Эллису, но и шель далѣе: видѣлъ онъ въ линіи популярнаго «м и с т и ч е с к а г о а н а р х и з м а» теченіе, разлагающее внутренніе устои морали, эстетики и религіи; въ Брюсовѣ, въ Эллисѣ видѣлъ онъ безобидное безразличіе по отношенію къ своему религіозному credo; и кромѣ того: эстетическія устремленья его, еще прежде измѣннаго Эллиса, явно склонились къ Брюсову; будучи самымъ близкимъ (почти что роднымъ) въ это время, естественно, сильно вліялъ на меня онъ, какъ Эллисъ.

А Брюсову было, конечно-же, на руку личныя наши чувства использовать противъ тенденціи Иванова, Блока, Чулкова: пріобрѣталъ въ насъ своихъ безконечныхъ идейныхъ оруженосцевъ онъ; во-вторыхъ: ему было неловко бороться безъ насъ за свое первородство; В.

Брюсовъ былъ тоже «политикомъ, но—«политикомъ» особаго рода (не безкорыстнымъ политикомъ). Очень умѣло использовалъ онъ настроеніе наше, способствуя образованію идеологіи, такъ называемой, группы московскаго символизма, подъявшаго мечъ на «соглашательскій» Петербургъ; Брюсовъ, официальный редакторъ «Вѣсовъ» (человѣкъ, не имѣющій своихъ собственныхъ философскихъ идей, а лишь — вкусъ, эрудицію), мастерски дирижировалъ нами троими; онъ мнѣ предоставилъ идейную философскую линію обоснованія символизма; а Эллису онъ предоставилъ свободу кавалерійскихъ наскоковъ на Петербургъ; Соловьеву онъ предоставилъ свободу для критики произведеній, В. Я. не угодныхъ; такъ три коренныхъ «аргоната», друзья еще прежде (я, Эллисъ, С. М. Соловьевъ), оказались штабомъ арміи, открывающей военныя дѣйствія противъ группы писателей, въ центрѣ которыхъ стояли: Ивановъ, Георгій Чулковъ, А. А. Блокъ. З. Н. Гиппіусъ (Антонъ Крайній) присоединилась къ намъ.

Первоначальное ядро символистовъ, въ которомъ себя ощущали Ивановъ, Блокъ, я, этимъ было расколото (черезъ нѣсколько лѣтъ мы сплотились опять); въ этомъ раннемъ расколѣ уже подготовился «Кризисъ Символизма»; о немъ было много впоследствии писано. Собственно символизмъ — никогда не былъ школой искусства, а былъ онъ тенденціей къ новому міроощущенію, преломляющему по своему и искусство; а новыя формы искусства разсматривали мы не какъ смѣну однѣхъ только формъ, а какъ отчетливый знакъ измѣненія внутренняго воспріятія міра отъ прорѣзи въ насъ новыхъ органовъ воспріятія; мы (А. А. я и Ивановъ) всѣ три соглашались: близится кризисъ сознанья и близится кризисъ культуры; и —

зрѣть: духовная революція въ мірѣ. Всѣхъ трехъ единица, конечно же, связность съ идеологіей Вл. Соловьева; а не одни наши вкусы сближали насъ; въ это время придавалъ я значеніе кризису философіи; В. Ивановъ основывалъ свое сгедо на данныхъ сравнительной филологіи, археологіи и новыхъ данныхъ въ изслѣдованіи религіозныхъ культовъ Эллады; А. А., какъ мы видѣли, болѣе всѣхъ обосновывалъ сгедо на опытѣ, переживаемомъ внутренне; да, во многомъ естественно отпращивались мы отъ единства въ восприниманіи памятниковъ культуры искусствъ, отъ вкусовой солидарности; но не въ ней, не въ одной вкусовой солидарности этой былъ базисъ объединенія насъ, символистовъ «*раг ех селленсе*»: въ религіозно-философской линіи всѣхъ устремленій: «символизмъ, какъ міровоззрѣніе, какъ міроощущеніе», — вотъ что связывало; подъ символизмомъ же разумѣли мы нѣкую истинную дѣйствительность воспріятія духовнаго міра сквозь образы, данные міромъ искусства; А. А. Блокъ воспріять ту дѣйствительность позитивно, конкретно, а В. И. Ивановъ былъ трансцендентный реалистъ (въ ученѣ о «*гес*», о символикѣ и т. д.); я же былъ безсознательнымъ антропософомъ въ то время уже; трое, — рѣзко мы отмежевывались отъ банальнаго трактованія позитивизма, отъ чувственно-вкусового базированія своихъ эстетическихъ воззрѣній; мы, трое, естественно отмежевывались отъ эстетовъ, импрессионистовъ и декадентовъ, невольныхъ лишь спутниковъ; съ ними насъ связывала лишь вкусовая культура и дружный протестъ противъ низкаго уровня этой культуры у тѣхъ, кто насъ сваливалъ въ общую кучу, какъ вообще «символистовъ, эстетовъ и декадентовъ».

«Школа» русского символизма не связывалась только съ частными задачами техники слова, иль пониманія метафоры, звука, инструментовки; хоть именно въ школѣ той уже съ достаточною серіозностью выдвигались задачи технической культуры стиха ¹⁾); школа русского символизма не связывалась съ частностями такихъ задачъ; акмеизмъ съ своимъ болѣе позднимъ протестомъ противъ русского символизма, какъ футуризмъ, имажинизмъ и т. д. протекалъ не внѣ «вѣхъ», обозначенныхъ символистами — внутри этихъ «вѣхъ», специализируя лишь задачи, выдвинутыя символистами; съ имажинистами, съ футуристами спорить нельзя, потому что не видятъ они изъ-за дерева своего — лѣса, въ которомъ засѣли они ²⁾); этотъ лѣсъ — символизмъ.

Что же есть «школа» нашего символизма по Блоку? Символистъ — обладатель какого-то тайнаго «клада» (духовной дѣйствительности); кладъ кажется символисту принадлежащимъ сперва одному ему. Въ своей статьѣ о символизмѣ Блокъ пишетъ: «Ты — одинокій обладатель клада; но рядомъ есть еще знающіе объ этомъ кладѣ... отсюда — мы: немногіе знающіе, символисты съ того момента... зарождается символизмъ, возникаетъ школа. Стало быть, школа русского символизма по Блоку есть нѣкое интимное братство «конкретно зарю увидавшихъ»; заря эта — родина: Духъ. Симво-

¹⁾ Изслѣдованія В. Иванова въ области метафоры, мои — въ области ритма и т. д.

²⁾ Характерно, что имажинистскій теоретикъ г. Шершеневичъ, славный полуцензурною руганью по адресу символистовъ, въ своемъ опредѣленіи «образа» всецѣло заимствуетъ это опредѣленіе изъ моего «Символизма» (безъ указанія источника).

лизмъ такъ возникъ; такъ, какъ встрѣтились мы (С. М., я и А. А.), такъ встрѣчаются лишь эсотерики, заговорщики Духа: «Здѣсь... «перемигиваются», согласные на томъ, что существуетъ расколъ между этимъ міромъ и «мірами иными» (изъ той-же статьи); «Символистъ уже изначала-теургъ, т. е. обладатель тайнаго знанія, за которымъ стоитъ тайное дѣйствіе» (idem). Весь стиль нашихъ встрѣчъ и бѣсѣдъ en trois (С. М., я, А. А.) въ 1904—1905 годахъ — «перемигиваніе» о знаніи, изъ котораго должно воспослѣдовать: дѣйствіе; выдуманный С. М. Соловьевымъ «Lарап» былъ лишь способомъ «перемигиванія». Увы, дѣйствія — не воспослѣдовало; и «теургическій» пылъ символизма смѣнился впослѣдствіи снѣгомъ и пепломъ «эстетики»; эта эстетика непроизвольно расширилась въ Петербургѣ до «стиля», «игры» въ символистическую мистерию (дѣйствіе), что сказалося, напримѣръ, въ упомянутомъ вечерѣ, на которомъ укалывали иглою и на которомъ водили писатели хороводъ; мы въ отвѣтъ изъ Москвы (въ знакъ протеста) сознательно сузили сферу «эстетики» символизма до самыхъ сухихъ разсужденій о формѣ, о ритмѣ, о методѣ, стилѣ; въ суженьи, во внѣшнемъ отмежеваньи отъ мистики, отъ «мистеріи», въ блокѣ съ Брюсовымъ (формалистомъ, эстетомъ), спасали мы въ катакомбѣ, въ молчаніи, — скомпрометированный теургическій моментъ символизма, поруганный, какъ казалось намъ, въ Петербургѣ съ отчетливаго попустительства... Блока; такъ нѣкоторымъ «Аргонавтамъ» казалось въ Москвѣ; петербуржцамъ же, главнымъ образомъ очень новымъ пришельцамъ въ страну «символистовъ» (являющимся для

насъ рагvenus), имъ казалось: въ нашей придирчивости и въ устремленіи къ формулѣ есть отказъ отъ недавнихъ путей; такъ началось образованье двухъ фракцій: Московскаго и Петербургскаго символизма (Скorpionъ и «Оры»); казались петербуржцы намъ большевиками и экстремистами; и въ экстремизмѣ казались они намъ губителями дорогого, всѣмъ общаго дѣла; казалось, что къ нимъ примыкають случайные, пришлые люди, непосвященные въ «эсотерику» символизма, вчера еще наши хулители, контръ-революціонеры въ искусствѣ, сегодня — смѣнившіе «вѣхи», и объявившіе насъ, революціонеровъ, вчера выносившихъ всю тяжесть борьбы за свободу искусства, — въ отставшемъ; таково — содержаніе паѳоса рѣзкихъ статей, изъ которыхъ въ «Вѣсахъ» мы стрѣляли по «Орамъ». А петербуржцы отвѣтили на эту войну объявленіемъ насъ нарушителями добрыхъ нравовъ литературы, разбойниками, лишенными вкуса, слуха, рационалистами. Правы же были и тѣ, и другіе; и такъ же: неправы остались и тѣ, и другіе; предвидѣніемъ паденія съ высоты символизма — паденія, погубившаго теченіе (въ цѣломъ) — правы мы были; но были правы и въ Петербургѣ, естественно возмущаяся «тономъ» полемики, нами затѣянной; а широкая публика — не понимала всѣхъ тонкостей фракціонной борьбы, ей казавшейся бурей въ стаканѣ воды.

Я былъ искрененъ въ воплѣ, что: «Многимъ изъ насъ принадлежитъ незавидная честь превратить самыя грезы о мистеріи въ козловакъ.»¹⁾

Петербургская, какъ намъ казалось въ то время, распушенность заползала въ Москву, образуя гебридные соединенія изъ новаторовъ, пошедшихъ на соглашеніе

¹⁾ См. „Вѣсы“. „На перевалѣ“. „Искусство и мистерія“.

съ инертной толпою, и «с м ѣ н о в ѣ х и с т о в ѣ» изъ бывшихъ отчетливыхъ реакціонеровъ въ искусствѣ, старающихся спекулировать на «символизмѣ», на новизнѣ; и по адресу первыхъ я скоро писалъ потомъ: «Нынче талантъ окружень ореоломъ рабовъ. Рабъ же знаетъ: любезнѣйшаго изъ друзей патронъ отпускаетъ на волю. А вольноотпущенникъ въ наши дни — это первый претендентъ на литературный тронъ патрона.. Не имѣй рабовъ, не останавливайся въ покоренной странѣ, оставайся воиномъ вольнымъ: все впередъ, все впередъ»¹⁾). Талантъ, окруженный рабами и вольноотпущенниками — А. А. Блокъ; мистическій анархизмъ съ его формулами расширенія символизма въ Москвѣ признавались реакціей, способствующей образованію нечистаго символизма; къ Иванову, къ Блоку мы предъявляли категорическіе ультиматумы: разорвать явно съ тѣми, которые, какъ намъ казалось, ихъ лестью заманиваютъ въ свой лагерь для спекуляціи новизной; разумѣется: ультиматумы имъ казались насильемъ; мы требовали покаянія: «На высотахъ стоятъ попрежнему воины движенія, побѣдоносно поднявшіе знамя символизма... потянулся обозъ войска. Литературный обозъ... всякаго движенія изобилуетъ гешефтъ-махерами...»²⁾). Эти гордые рѣчи, — какъ въ послѣдствіи я упрекалъ себя горько за нихъ: именно, въ пору, когда Эллисъ, я, Соловьевъ съ фанатизмомъ отстаивали чистоту символизма, у насъ за плечами шла явная откровенная спекуляція нашимъ же фанатизмомъ; мы были слѣпыми орудіями.

1) „Вѣсы.“ „На перевалѣ“: „Вольноотпущенники“.

2) Idem.

Этого мы не видѣли; и казалось Иванову, что мы предаемъ реализмъ символизма субъективистическому распыленію его въ философію, «мистику» — рационализму и кантіанству, творчество — методологическому приему; къ такому же взгляду на насъ очень часто склонялся и Блокъ; такъ въ немъ преломлялись слова мои: «Символизмъ въ искусствѣ не касается техники письма... Борьба художественныхъ школъ вовсе не касается проблемъ символизма... Когда мы освѣтимъ поставленныя проблемы въ свѣтѣ психологіи и теоріи познанія — только тогда мы поймемъ, что такое проблемы символизма. Но на этихъ вершинахъ мысли слышенъ свистъ холоднаго урагана, котораго такъ боятся Митрофанушки-модернъ,.. насвистывающіе похоронный маршъ символизму».¹⁾ Митрофанушка — «мистическій анархизмъ», въ сознаньи котораго «нашъ» символизмъ обертывался «кантіанствомъ», на что я отвѣчалъ съ негодованіемъ: «Пѣвчая птица, качайся себѣ на вѣточкѣ, но, Бога ради, не подражай свистомъ фугѣ Баха, которую ты могла услышать изъ окна. Чтобы быть музыкантомъ мысли, мало еще дуть: «дуть — не значитъ играть на флейтѣ; для игры нужно двигать пальцами» (Гете)». Пѣвчая птица, недовольная нашей московской платформой — опять-таки есть А. А. Такъ А. А. былъ единственной тайной фигурой полемики; я на него нападалъ, но не для того, чтобъ его повалить, уничтожить въ борьбѣ, — чтобъ вернуть его къ его прежнему свѣтлому міру;

¹⁾ „Вѣсы“. „На перевалѣ“: „Дѣтская свистулька“.

черезъ міръ тотъ опять отыскать къ нему путь; да, конечно же, тайной любовью къ бывшему дышала моя горечь фразъ, обращенныхъ къ нему; въ рукахъ Брюсова, въ атмосферѣ взаимнаго подзадориванія другъ друга противъ Петербурга (С. М., Эллиса и меня) эта горечь «у т р а т ы д р у г а» пресуществлялась въ атаки; передавали, что тамъ, въ Петербургѣ, меня называли «р а з б о й н и к о м ъ», нападающимъ на дорогахъ. Попавъ изъ Парижа въ Москву, очутился я въ гущѣ литературной политики; часто встрѣчались мы съ Эллисомъ (у меня и въ «Д о н у»¹), вынашивая тезисы литературной платформы, задумывая полемическую компанію; и порою присоединялся къ намъ Брюсовъ, желавшій воистину «д о б р а г о» мира между нами (для «д о б р о й» грызни съ Петербургомъ); засѣданія О-ва С в о б о д н о й Э с т е т и к и, происходившія въ Литературно-Художественномъ Кружкѣ, рефераты тамъ, — все то привлекало, какъ способъ забыться отъ души снѣдавшей тоски; такъ, «э с т е т и к а» занимала серьезно меня; (туда втягивалъ Эллисъ); и я очутился совсѣмъ неожиданно въ комитетѣ «э с т е т и к и»; въ комитетъ же входили: любитель искусства, докторъ И. И. Трояновскій, художники В. А. Сѣровъ, В. В. Переплетчиковъ, Гиршманъ, В. Брюсовъ, изъ музыкантовъ — Н. Кочетовъ и, кажется, что — Корещенко (а можетъ быть, Мейчикъ); секретаремъ былъ В. В. Пашуканисъ, разстрѣлянный черезъ нѣсколько лѣтъ²). Къ тому времени начинаются мои первыя публичныя лекціи, которыя имѣли успѣхъ, пока еще не затравили газеты и не былъ объявленъ бойкотъ (эти прелести «п р е с с ы» еще предстояли); тѣ лекціи вы-

¹) Меблированныя комнаты на Сѣнной площади, гдѣ жилъ Эллисъ.

²) Въ 1919 году.

звали рядъ новыхъ встрѣчъ: съ интеллигентною молодежью, съ рабочими, съ революціонерами; жизнь начинала уже принимать этотъ видъ утомительной суеты, отъ которой въ послѣдствіи такъ я страдалъ: жизнь среди телефонныхъ звонковъ, посѣтителей, приглашеній туда и сюда, теоретическихъ «принципальныхъ» бесѣдъ; но подъ всей этой умственно интересной возней ощущалась тоска; сердце все еще не могло помириться съ едва пережитою драмой сознанія: съ разувѣреніемъ въ Блокъ и въ прежнихъ путяхъ. Мы частенько встрѣчались съ С. М. Соловьевымъ, едва оправляющимся отъ тяжелаго ревматизма, который схватилъ онъ въ одну изъ поѣздокъ своихъ (зимнихъ) въ Дѣдово. По пріѣздѣ въ Москву я засталъ пригвожденнымъ къ одру его; онъ меня встрѣтилъ съ уютнымъ, немного трагическимъ юморомъ:

— «Да, вотъ, — дошли мы: тебя тамъ въ Парижѣ изрѣзали; ты обливался тамъ кровью, а я вотъ свалился безъ ногъ».

— «Да, дошли мы до точки...»

И намъ обоимъ казалось, что годы предшествующіе, вызывавшіе въ насъ родъ какой-то горячки исканья путей, насъ столкнувшіе съ революціей и поставившіе передъ лицомъ необходимости совершенія какого-то акта, — окончились кризисомъ, выпавшимъ въ формѣ болѣзни; свалился въ Парижѣ я; въ скоромъ времени свалился С. М. Соловьевъ, здѣсь, въ Россіи; къ тому же: сгорѣлъ его дѣдовскій домикъ, гдѣ сживалъ и В. С. Соловьевъ еще: домикъ, гдѣ столько пережили мы вмѣстѣ! Задумывались надъ судьбою своею: но мало мы вспоминали пережитое когда-то у Блоковъ; А. А. для С. М. Соловьева теперь былъ общественной литературною силой, враждебной С. М.; безпощадную критику наводилъ онъ на Блока,

стихотвореньямъ котораго противопологаль онъ стихотворенія Вячеслава Иванова.

О Петербургѣ болталось такъ много; ходили какія-то сплетни о томъ, что тамъ — «Богъ знаетъ что», и что «с р е д ы» Иванова—невѣроятнѣйшій кавардакъ; я, конечно, не вѣрилъ ни слухамъ, ни сплетнямъ, стараясь не слушать о томъ, что болтають кругомъ; но я чувствовалъ: что-то ужаснѣйше надломилось въ кругу, гдѣ когда-то встрѣчались съ А. А. мы; въ чемъ суть — я не зналъ (да и знать не хотѣлъ); зналъ одно я: Л. Д. потеряла отца (старика Менделѣева), измѣнилась совсѣмъ (говорили, — ее не узнать), поступила на сцену (и факта того я Богъ вѣсть почему все не могъ ей простить: мнѣ казалось, что фактъ поступленья на сцену — предательство: выдача тайны «м и с т е р і и»); говорилось еще, что А. А. увлекается сценою (постановкою «Б а л а г а н ч и к а»), что онъ весь погруженъ въ интересы театра Комиссаржевской. Опять таки: въ «сценѣ» я видѣлъ для жизни А. А. и Л. Д. лишь кулисы; и самое тяготѣніе къ подмосткамъ разсматривалъ, какъ болѣзненное извращеніе чистоты теургическихъ устремленій недавняго прошлаго; про А. А. поговаривали, что и онъ весь — измѣнился, что сталъ попивать, что бросается въ угаръ жизни, иль — мрачно молчить, удаляясь отъ всѣхъ; говорили: какъ будто бы онъ увлекается кѣмъ-то.

Но все, что случайно ко мнѣ долетало изъ жизни А. А., воспринималось мной, какъ «н а д р ы в ъ», какъ жестъ боли и кощунства, какъ попанье святынь, подъ которыми встрѣчались всѣ мы недавно еще для совмѣстнаго «дѣ й с т в а»; и вотъ это «дѣ й с т в о», связавшее насъ четверыхъ, обернулось въ А. А. и Л. Д. «б а л а г а н н ы м ъ п а я с н и ч е с т в о м ъ», отчего мы съ С. М. Соловьевымъ свалились (въ Москвѣ и въ

Парижѣ): болѣзнь — лишь итогъ, выпадающій въ тѣло: итогъ дѣйствию Духа. И потому то слова Соловьева, которыми встрѣтилъ меня онъ въ Москвѣ. —

— «Да вѣдь вотъ — мы дошли: тебя рѣзали тамъ, въ Парижѣ, — а я вотъ свалился: безъ ногъ» — тѣ слова въ моей жизни казались словами Сибиллы (хотя С. М. часто просилъ меня «ну-ка Боря, про-вѣщивайся», апеллируя якобы къ моему сибиллизму, однако «про-вѣщиваться» мастеръ былъ — онъ: онъ «про-вѣщивался» — гениально!).

Намъ ясно казалось, что «миѳъ» нашей жизни, «миѳъ» вѣщій, сперва не случайно насъ свелъ съ нимъ (и В. С. Соловьевъ, и М. С. Соловьевъ тутъ стояли «миѳически» между нами), потомъ этотъ «миѳъ» свелъ насъ съ Блокомъ для какой-то большой, малымъ разумомъ не осознанной цѣли, и мы, выражаясь словами А. А., «перемигивались», какъ заговорщици огромнаго дѣла; для этого «дѣла» мы выбрали «Блокотъ», какъ старшихъ; и что же случилось: огромное дѣло — комедія; «инспиратриса», которую мы такъ чтили, — комедиантка; теургъ — написалъ «балаганчикъ», а мы — осмѣяны: «мистикки» балаганчика!..

Чувствовалось: прошлое наше сгорѣло такъ точно, какъ дѣдовскій домикъ, съ его обстающими «бѣлыми колокольчиками» — тѣми самыми: Пустыньки! Пепель былого во мнѣ былъ тѣмъ «Пепломъ», который уже почти весь былъ написанъ (писалъ въ это время я «Урну»); и пепель былого для Блока былъ «снѣжною пылью», въ которой развѣялъ онъ то, что когда-то насъ сблизило. И поднимался вопросъ къ Небесамъ: «О, за что же, за что?»

И мы чувствовали съ С. М., что теперь на развалинахъ прошлаго оба сидимъ мы; и — ждемъ; и — рѣшили, что лѣто намъ слѣдуетъ провести снова вмѣстѣ, чтобъ прислушаться къ ритму грядущаго.

Съ Коваленскими я разошелся въ то время. С. М. тоже былъ имъ далеку; его домикъ сгорѣлъ; и онъ въ Дѣдовѣ только отстраивалъ новый. Рѣшили мы снять пустой домикъ въ Петровскомъ (въ имѣннѣи кн. Голицына), необитаемомъ, около деревни Петровское, вблизи пруда и на опушкѣ густого, густого высокаго лѣса (Петровское лежало отъ Дѣдова въ разстояннѣи двухъ верстѣ).

Запомнилось это дождливое лѣто: туманы, молчанье, раздумье и тихая грусть о быломъ. Здѣсь доканчивалъ «Кубокъ Мятелей»; и здѣсь я писалъ стихи «Урны»; да, здѣсь тихая грусть и усталость годами смѣнилась глубокой-глубокой цѣлительной грустью — на перекресткѣ путей.

Какая тишина! Какъ просто все вокругъ!

Какія скудныя, безогненныя зори!

Какъ все, преи�дешъ и ты, мой другъ, мой
бѣдный другъ.

Къ чему-же опять въ душѣ кипитъ волненнѣи
море?¹⁾

Помню я тѣ особыя тихія грусти дождливаго лѣта въ Петровскомъ, когда выступающими изъ береговъ ручьями бывали на нѣсколько дней мы отрѣзаны отъ окружающихъ деревень (Надовражина, Дѣдова).

Какой тамъ зовъ, — какой?..

О чемъ?

¹⁾ Изъ стихотвореннѣи, написаннаго въ Петровскомъ и посвященномъ С. М. Соловьеву въ знакъ общаго намъ настроеннѣи.

Какая грусть!..
Какъ хорошо!..

Помню широколиственные кущи:

И тамъ, гдѣ громами растущій
Яснѣетъ облачный пріютъ, —
Широколиственные кущи
Невнятной сладостью текутъ.

Много разъ вспоминали съ С. М. Соловьевымъ мы
полтора мѣсяца, проведенные въ Петровскомъ:

Соединилъ насъ рокъ недаромъ,
Насъ общій врагъ губилъ... И нѣтъ —
Ввѣряли заревымъ пожарамъ
Мы души юныя, поэтъ,
Въ отдохновительномъ Петровскомъ,
И послѣ — улицамъ московскимъ,
Не довѣряя... и т. д.

Дѣйствительно: скоро опять очутился я среди московскихъ улицъ, когда С. М. отъ меня для излѣченія ревматизма двинулся въ Крымъ, а я, пріѣхавъ въ Москву, засталъ у себя на квартирѣ (пустой: мать уѣхала на Кавказъ) перемореннаго Элліса, который, оставшись безъ комнаты и безъ денегъ, совсѣмъ перебрался вдругъ къ намъ; я остался при немъ, — почти тоже безъ денегъ; и вотъ потекла наша жизнь, лихорадочная и болѣзненная такая, среди грохота жарового июльскихъ пролетовъ; здѣсь съ Эллісомъ мы разжигали другъ въ другѣ негодованіе по отношенію къ измѣнникамъ «С и м в о л и з м а», просиживали по ночамъ до утра, подымались полуголодные и среди дня уже стро-

чили стремительные манифесты отъ имени «Символизма»; потомъ, отдохнувши, шли каждый вечеръ въ кинематографъ, который настраивалъ опять таки насъ противъ Блока: «Кинематографъ» — демократическій театръ будущаго, балаганъ въ благородномъ... смыслѣ этого слова. Все, что угодно, только не Балаган«чикъ». Ужъ пожалуйста, безъ «чикъ»; всѣ эти «чики» — ...гадкая штука; будто достаточно къ любому слову приставить маниловское «чикъ» — и любое слово ласково... заглянетъ въ душу: «балаганчики» мистерию превращаютъ въ кинематографъ; кинематографъ возвращаетъ... здоровую жизнь безъ мистическаго «чиканія»... Послѣднее слово новѣйшей русской драмы, это — внесеніе пресловутаго «чика» въ наиболѣе священную область — въ трагедію и мистерию. Слава Богу, такой драмы вы не встрѣтите въ кинематографическомъ дѣйствѣ»... и т. д. ¹⁾

Отстрочивъ очередной манифестъ въ газеты, въ которыхъ я сталъ работать, или въ «Вѣсы», или въ «Перевалъ», мы продолжали съ Эллисомъ, полуголодные и изстуженные взвинчивать себя до послѣдняго градуса ожесточенія; и намъ начинало казаться, что Ивановъ, Блокъ и Чулковъ составили заговоръ: погубить всю русскую литературу: и такъ рѣшивъ, — шли въ кинематографъ.

Экзальтація моя была понятна: я находился въ тройной полемикѣ: со всѣмъ Петербургомъ, съ Э. К.

¹⁾ См. „Вѣсы“ за 1907 годъ: „На перевалѣ“.

Метнеромъ изъ-за замѣтки моей «Противъ Музыки» и съ «Золотымъ Руномъ».

Когда я пріѣхалъ въ Москву, то три журнала «Вѣсы», «Золотое Руно», «Переваль» могли бы быть органами выраженія идей нашей группы (Петербургъ не имѣлъ своихъ органовъ); и я мечталъ создать блокъ трехъ журналовъ противъ громамаго Петербурга, чтобы изъ трехъ баттарей обстрѣлять злую «башню» Иванова; но — была конкуренція межъ журналами («Вѣсы» все старались подкалывать «Переваль», «Переваль» же косился обиженно на «Вѣсы» и ярился совсѣмъ уже бѣшеннымъ гнѣвомъ на «Золотое Руно»); три журнала хотѣли, чтобы я въ нихъ ближайше участвовалъ; но партійный мой долгъ меня связывалъ непременно съ «Вѣсами»: тамъ былъ водруженъ нами стягъ символизма; впоследствии мнѣ удалось смягчить нелады между Брюсовымъ и С. А. Соколовымъ (редакторомъ «Перевала»); и состоялось негласное соглашеніе: не пускать въ «Переваль» идеологію петербуржцевъ (въ перевальской же группѣ, какъ помнится, были: С. А. Соколовъ, Н. И. Петровская, Муни, В. Ф. Ходасевичъ, П. П. Муратовъ, Б. К. Зайцевъ, я, Янтарева и др.). Съ «Руномъ» разорвалъ я; предлогъ для разрыва — безтактный поступокъ редактора-издателя Н. П. Рябушинскаго по отношенію къ одному изъ сотрудниковъ, а также отказъ мой на приглашенія быть завѣдующимъ литературнымъ отдѣломъ; я ставилъ условіемъ Рябушинскому — уходъ Рябушинскаго отъ завѣдыванія журналомъ и мотивировалъ невозможность работать съ нимъ, какъ съ лицомъ, не могущимъ быть компетентнымъ въ вопросахъ литературы; ко мнѣ присоединился Брюсовъ и нѣкоторые изъ художниковъ (какъ помнится — Сапуновъ, Судейкинъ,

Феофилактовъ и др.); мотивы бойкота «Руна» были мотивы борьбы корпорации писателей съ малопонимающимъ въ искусствѣ меценатомъ - издателемъ (мотивы идейные); «Руно» превратило мотивы бойкота въ идейное разногласіе (руководители же «Руна» были, помнится, безидейны совсѣмъ); и — пригласило въ завѣдующіе литературнымъ отдѣломъ А. А.; и А. А. согласился; и петербургская группа теперь получала свой органъ въ Москвѣ. Я былъ въ бѣшенствѣ; мнѣ казалось: появленіе петербуржцевъ въ «Руно» послѣ нашей мотивировки о нежеланьи работать съ «самодуромъ - редакторомъ», — появленіе петербуржцевъ въ «Руно» мнѣ казалось штрейкбрехерствомъ; съ того времени стали печататься здѣсь литературные обзоры А. А., посвященные писателямъ реалистамъ (по нашему тогдашнему представленію реакціонерамъ въ искусствѣ) и съ выпадами противъ насъ, бывлыхъ спутниковъ по пути. Подлиннаго же уклона А. А. къ темамъ быта, народа, къ проблемѣ «интеллигенціи» не понималъ я еще; статьи Блока казались: фальшивыми и заискивающими въ лагерь нашихъ литературныхъ враговъ.

Такъ въ разгарѣ полемики я написалъ А. А. (жившему въ Шахматовѣ въ то время) немотивированное, до оскорбительности рѣзкое письмо, обвиняющее его и въ штрейкбрехерствѣ, и въ потворствѣ капиталисту, и въ заискиваніи передъ писателями, сгруппированными вокругъ Леонида Андреева, за которыми шла въ это время вся масса читателей. А. А. возмущился до глубины души тѣмъ письмомъ; онъ прочелъ въ немъ мое обвиненіе его въ подхалимствѣ; и тутъ же: я получилъ его дикій по гнѣву отвѣтъ, обвиняющій меня въ клеветничествѣ; и оканчивающійся — вызовомъ на дуэль.

Я задумался надъ письмомъ своимъ; да, я нашель его рѣзкимъ, несправедливымъ; друзья тутъ вмѣшались, заставили меня написать объяснительное письмо Блоку; поводовъ къ дуэли, дѣйствительныхъ, не было; въ третьихъ же: я далъ слово, что никогда между нами не будетъ «д у э л и»; и слова нарушить не могъ.

Письмо Блока ко мнѣ (оно — первое послѣ мѣсяцевъ совершеннѣйшаго молчанія), было началомъ дѣйствительныхъ « м и р н ы х ъ » переговоровъ, окончившихся письмомъ Блока ко мнѣ; въ немъ меня извѣщалъ онъ, что ѣдетъ для личнаго объясненія со мною: оканчивался годъ положеннаго между нами молчанія. Встрѣтиться были должны мы: мы — встрѣтились.

ПРИМИРЕНІЕ

Помню, что въ день пріѣзда А. А. — волновался ужасно; поднимались всѣ эти года, столь измѣнные; и — казалось, что съ 1901 года — пережито столѣтіе. Возвращаясь въ этотъ день по Арбату (домой), я увидѣлъ пролетку и въ ней А. А. — въ бѣломъ; и въ бѣлой своей панаме; мнѣ подумалось: да; такимъ его видѣлъ я разъ въ Петербургѣ, на Караванной, когда, какъ казалось мнѣ, онъ не замѣтилъ меня; въ той же бѣлой онъ былъ п а н а м а ; и такой же, — весь блѣдный. Пересѣкалъ онъ Арбатъ, по направленію къ Новинскому, гдѣ помѣщалась редація «З о л о т о г о Р у н а». Было — пять часовъ дня. Въ семь онъ долженъ былъ быть у меня.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я его. Мама тоже была въ нетерпѣніи (она — только что вернулась съ Кавказа). Въ семь, ровно, раздался звонокъ; я — пошелъ отворять: это былъ А. А. Блокъ. Но какъ я удивился: онъ былъ въ своемъ темномъ пальто, въ темной шляпѣ

своей, въ черномъ, гладкомъ своемъ пиджакѣ, — не такой, какимъ видѣлъ его на Арбатѣ; и главное: тотъ, кого видѣлъ, былъ мертвенно блѣденъ; а этотъ, передо мною стоящій А. А., — былъ совсѣмъ загорѣлый; и — скорѣе розовый (вовсе не блѣдный); такъ — стало быть: образъ А. А. мнѣ почудился на Арбатѣ; потомъ, въ э т о т ъ же вечеръ, я спрашивалъ у А. А., былъ ли онъ — на Арбатѣ; онъ — былъ: но не въ эти часы, когда видѣлъ его. Такъ, горячее ожиданіе видѣть А. А. мнѣ подставило его образъ.

Всегда удивлялся я первому впечатлѣнію; оно — вѣрный синтезъ, итогъ того, что переживается впослѣдствіи; такъ: если бы я себѣ рассказалъ въ этотъ мигъ впечатлѣніе отъ А. А. очень - очень конфузливо, съ вѣжливой ласковостью стоящаго на порогѣ квартиры моей, въ темной шляпѣ съ широкими очень полями и темномъ пальто, — то я долженъ сказать: видъ его измѣнился до крайности за этотъ годъ, когда мы не видались. И въ сторону прошлаго: безсознательную радость въ себѣ вѣроятно бы я нашель, если бы могъ за собой наблюдать въ это время; и удивленіе, и радость — о томъ, что весь образъ А. А., передо мной здѣсь стоящій, напоминалъ мнѣ скорѣе А. А. первой встрѣчи (въ 904 году); и не было въ немъ ничего отъ А. А. 1906 года, такого тяжелаго для меня; видъ ущербнаго мѣсяца, перекривившаго ротъ, — такимъ видѣлся мнѣ одно время А. А. — вдругъ куда-то исчезъ; и глаза не казались зеленоватыми; нѣтъ, голубые, большіе и дѣтски довѣрчивые, они смотрѣли съ той вѣжливой пристальностью, съ какой глядѣли когда-то, казались слишкомъ близкими; и наклонъ головы, и улыбка, и застѣнчивое потопатыванье передъ дверью, и даже конфузливо сказанное невпаздъ: «З дра ст в у и те, Борисъ Николаевичъ», (вмѣсто «Боря» и

«ты»), — это все показалось возвратомъ къ былому; обращеніе «Борисъ Николаевичъ», «Вы», скорѣй вызвало радость; съ нелѣпой улыбкой отвѣтилъ ему:

— «Здраствуйте, Александръ Александровичъ!»

И почувствовалось: что бы ни было между нами теперь, — все окончится примиреніемъ; сразу я понялъ, что разговоръ — совершился, — мгновенный въ передней, во время нелѣпѣйшаго обращенія другъ къ другу «Борисъ Николаевичъ», «Александръ Александровичъ»; все остальное — лишь слѣдствія; странно: во встрѣчахъ съ А. А. 1906 года — обратное: первое впечатлѣніе отъ А. А. мнѣ гласило, что чтобы ни было сказано между нами — все тщетно: все только запутаетъ.

Первому впечатлѣнію вѣрю: оно — не обманываетъ.

Пригласилъ я А. А. въ кабинетъ; затворился; ощущалась неловкость отъ предстоящаго объясненія; неловкость себя проявляла въ бросаемыхъ исподлобья конфузныхъ взглядахъ, въ полуулыбкахъ, и въ томъ, что не сразу коснулись темы пріѣзда А. А.: говорили о «Золотомъ Рунѣ», о завѣдываніи А. А. литературнымъ отдѣломъ; А. А. въ кабинетѣ моемъ мнѣ казался большимъ; и — какимъ то совсѣмъ неуклюжимъ; локтями склоняясь на столъ и разставивши ноги, онъ взялъ въ руки пепельницу, и, крутя ее, высказалъ что то шутовское: «юмористъ» въ немъ проснулся; но — «юмористъ» отъ смущенія; точно видомъ своимъ выразилъ онъ:

— «Подите вотъ, — дошли до дуэли: совсѣмъ по серьезному...»

И эту «юмористическую» нотой подхода къ событіямъ, бывшимъ межъ нами, онъ мнѣ облегчалъ разговоръ.

Но начинать, какъ всегда, не хотѣль; ждалъ моихъ словъ съ терпѣливой серіозною тихостью, ясно вперяясь въ меня, чтобы я приступилъ къ разговору; а я, какъ всегда, подступить не могъ прямо, а началъ издалека, распространяясь на тему о трудности говорить и ощущающая одновременную радость, что вижу А. А., что такой же онъ, какъ и прежде, что ощущаю по прежнему близость къ нему, будто не было между нами труднѣйшаго года, и будто не были мы раздѣлены обостренной полемикой; началъ — туманно:

— «Да, да» — подтвердилъ А. А. — «въ сущности это все не о томъ, потому что слова, да и всѣ объясненія — пустяки: если главное занавѣсится, то и всѣ объясненія не помогутъ, а если главное есть, все — понятно»...

Подлинныхъ словъ я не помню, но смыслъ былъ — такой. И я понималъ опять таки: объясненія съ нимъ — только внѣшняя форма для отысканія улыбки довѣрія; «главное», т. е. вѣра другъ въ друга, другъ къ другу, проснулась въ передней еще; все, что часами теперь обсуждали, естественно протекало подъ знакомъ довѣрія.

Этого разговора, опять таки, привести не могу; лишь запомнились внѣшнія вѣхи его; объяснилъ я А. А. состоянье сознанія моего, меня медленно убѣждаващаго въ томъ, что въ поступкахъ А. А. есть нечеткость, протекающая отъ молчанія. И А. А. постарался съ терпѣніемъ мнѣ доказать, что въ «молчаньи» его вовсе не было возмущающей меня затаенности; онъ считалъ: основная ошибка былого есть спутанность отношеній, гдѣ отношенія личныя наши естественно спутались съ отношеніями близкихъ и стали синонимомъ какого-то коллектива; такъ то, что возникло между нами

въ сложившемся коллективѣ, не возникало въ А. А.; я старался поставить знакъ равенства межъ, такъ сказать, социальными отношеніями близкой группы людей и личными отношеніями нашими; возникавшую между всѣми нами невнятицу онъ старался отчетливо отдѣлать отъ своихъ отношеній ко мнѣ; но онъ видѣлъ: я не приемлю такой изоляціи отношеніи; такъ его нежеланіе говорить вытекало изъ осознанія моей неготовности понимать:

— «А когда есть невнятица въ главномъ, то разговоръ безъ довѣрія другъ ко другу безсмыслененъ!»

Онъ постарался мнѣ выяснитъ то, въ чемъ неправъ былъ предъ нимъ; и упрекалъ меня бережно въ психологизмѣ, заставившемъ видѣть его въ мною созданномъ свѣтѣ; но я возражалъ: онъ могъ во мнѣ во-время пресѣчь міръ иллюзіи внятнымъ словомъ, которое хотѣлъ я слышать; молчанье его и питало иллюзіи; онъ пытался мнѣ выяснитъ: иллюзіи возникали во мнѣ, и онъ видѣлъ, что р а з г о в о р а м и ихъ не разсѣять. Разборъ накопившихся недомолвокъ былъ легкій и освѣщенный улыбкой его, такой доброй и мягкой; и главное — мужествомъ: вскрыть тайное между нами; я видѣлъ рѣшенье А. А.: переступить черезъ косность молчанія, выявитъ правду его и мою въ нашей длительной распрѣ: понять объективно меня; и — заставить меня понимать его дѣйствія; я же съ своей стороны постарался ему показать и себя. Обнаружилось: виною неразберихи межъ нами до нѣкоторой степени оказались Л. Д. и С. М. Соловьевъ (это думалъ А. А.); я старался С. М. защищать, но наткнулся въ А. А. на извѣстный упоръ; въ свою очередь: онъ наткнулся во мнѣ на тенденцію обвинять Л. Д. въ многомъ, испортившемъ нашу личную дружбу; между прочимъ: высказывалъ и я свое отчуж-

деніе отъ Л. Д. Наконецъ, мы рѣшили, что въ будущемъ, чтобы ни было между нами, другъ другу мы будемъ отчетливо вѣрить; и — отдѣлять наши личныя отношенія отъ полемики, литературы, отъ отношеній къ Л. Д., къ С. М., къ Александрѣ Андреевнѣ и т. д. Въ этомъ рѣшеніи чувствовалась дѣйствительная готовность другъ друга понять; я считаю, что съ этого мига впервые мы повернулись другъ къ другу — вплотную: повѣрили основному другъ въ другѣ. До этого времени стиль отношеній межъ нами — душевный; теперь мы ощупывали другъ въ другѣ какъ бы духовный рычагъ, обуславливающій нашу дружбу; и мы протянули другъ другу теперь наши руки, сказали себѣ, что во многомъ еще не улегшемся между нами, мы будемъ другъ въ другѣ взывать только «к ъ д у х у»; и вѣрить взаимному уваженію другъ къ другу.

Потомъ перешли мы къ полемикѣ; я постарался подробнѣйшимъ образомъ выяснитъ всѣ мои объективныя основанія для одобренія литературной программы «В ѣ с о в ѣ» въ нападеніи ихъ на мистическій анархизмъ, представляющій дешевую помѣсь идей; вмѣсто подлиннаго воспитанія интереса среди молодежи къ искусству, мистическій анархизмъ, разбавляя тенденціи символизма дешевенькимъ ницшеанствомъ, замѣшанномъ на дешевенькомъ христіанствѣ, способенъ внести только быструю деморализацію въ символизмъ; онъ является контръ-революціонной тенденціей въ новомъ искусствѣ; А. А. мнѣ старался отчетливо доказать, что мистическому анархизму онъ чуждъ и, что личныя отношенія къ Чулкову его не при чемъ, что онъ — самъ по себѣ, Чулковъ — самъ по себѣ; рѣзкая же полемика и тонъ Элліса, — неприличны; они заставляютъ иныхъ петербуржцевъ держаться вдали отъ «В ѣ с о в ѣ»; возражалъ: весь мистическій анархизмъ крѣп-

ко держится за имена Вячеслава Иванова, Блока; пусть А. А. сознаетъ, что мистическій анархизмъ ему чуждъ, тѣмъ не менѣе — публика видитъ его солидарнымъ съ Чулковымъ; онъ долженъ бы былъ заявить о своей непричастности ко всей чулковщинѣ; я указывалъ на заявленіе Чулкова, написанное для «*Mercure de France*», гдѣ А. А. и Ивановъ причислены были Чулковымъ къ мистическимъ анархистамъ. А. А. возразилъ: съ заявленіемъ Чулкова вполне не согласенъ онъ; я же замѣтилъ: такъ почему же не протестуетъ онъ? Затѣмъ появившееся заявленіе А. А., напечатанное въ «*Вѣсѣхъ*», о его несогласіи съ заявленіемъ Чулкова совпадало съ тѣмъ временемъ; можетъ быть, оно — слѣдствіе разговора со мной; я выражалъ порицаніе безшабашности петербургскаго стиля, столь выразившагося въ рукоплесканіи «*Тридцати трехъ уродамъ*» Зиновьевой-Аннибалъ и «*Крыльямъ*» М. А. Кузьмина; и А. А. соглашался со мной, но — указывалъ: моралистическая тенденція «*Вѣсовъ*» въ полемикѣ съ петербуржцами не выдерживаетъ тоже критики, пока дѣйствія Брюсова — въ полномъ разрѣзѣ съ негодованіемъ «*вѣсовскіхъ*» Катонъ; сколько могъ защищать В. Я. Брюсова я; возражалъ: Брюсовъ вовсе не есть выразитель «*Вѣсовъ*», потому что «*Вѣсы*» это — группа; А. А. мнѣ замѣтилъ: да, группа, но группа — загнипнотизированная В. Я. Брюсовымъ; и перешли къ обсужденію мы моего расхожденія съ «*Руномъ*», къ появленію тамъ петербуржцевъ: старался выяснитъ я, что недовольство мое петербуржцами — въ томъ, что попытка насъ обуздать, монархизмъ Рябушинскаго, бросившаго столько денегъ на «*Золотое Руно*» и не сумѣвшаго изъ него создать нужнаго и полезнаго органа, — вотъ мотивъ нашей ссоры съ «*Руномъ*» (не идейное рас-

хождение); и использовать выходъ нашъ изъ «Р у н а» для созданія органа «м и с т и ч е с к и х ъ а н а р х и с т о в ъ» есть верхъ некорректности; но А. А. — возражалъ: здѣсь опять-таки брюсовская интрига; мы вышли тогда изъ «Р у н а», когда Брюсовъ разсорился съ Рябушинскимъ; до ссоры же, онъ фактически былъ редакторъ, мирясь съ Рябушинскимъ.

Такъ во многихъ вопросахъ литературной политики мы расходились съ А. А.; но теперь въ расхожденіи этомъ ужъ не было страстности; мы рѣшили; что будемъ и впредь въ разныхъ группахъ; и будемъ мы даже идейно бороться; но пусть же борьба не заслонитъ довѣрія и уваженія другъ къ другу.

Въ этомъ длительномъ разговорѣ опять незамѣтно мы перешли на «т ы»: на «Б о р я» и «С а ш а».

Ужъ было 11 часовъ ночи, когда моя мама, все ждавшая окончанія разговора, насъ вызвала къ чаю. Мнѣ помнится: было очень уютно втроемъ; моя мама, любившая Блока, съ довольствомъ и радостью наблюдала насъ; видѣла, что мы теперь помирились (она огорчалась всегда расхожденіемъ съ Блокомъ); А. А. былъ уютный; касаясь того, иль иного, — юморизировалъ онъ; я — смѣялся; и чайный столъ мнѣ казался уютенъ и легокъ; и было странно мнѣ видѣть А. А., о которомъ за этотъ рядъ мѣсяцевъ во мнѣ столькоеросло; и вотъ — все, что стояло межъ нами — разсѣялось.

Послѣ чаю опять перешли ко мнѣ; говорили уже не о трудномъ: о легкомъ; впервые я понялъ, что устремленье къ народу въ А. А. проистекаетъ изъ углубленнѣйшаго итога работы его моральной фантазіи, что переоцѣнка писателей «Зн а н і я» имъ въ «Р у н ѣ» есть продуктъ увлеченія; понялъ: разувѣренье въ «з а р ѣ» не есть крахъ, а исканье «п у т и», что оно — неизбѣжно; А. А. мнѣ высказывалъ мысли, которымъ

созвучье нашель въ замѣчательномъ докладѣ о символизмѣ, написанномъ черезъ нѣсколько лѣтъ уже. Такъ пытался онъ «антитезу» исканій своихъ объяснить, какъ развитіе тезы; и — стало быть: нащупываль гдѣ-то синтезъ; въ послѣдствіи выразилъ онъ то исканіе синтеза: «Въ лазури чьего-то лучезарнаго взора пребываетъ теургъ: этотъ взоръ, какъ мечъ, пронзаетъ всѣ міры... Міры, предстоящіе взору въ свѣтѣ лучезарнаго меча становятся все болѣе зовущими... Вмѣстѣ съ тѣмъ они начинаютъ окрашиваться (здѣсь возникаетъ первое глубокое знаніе о цвѣтахъ); наконецъ, преобладающимъ является цвѣтъ, который мнѣ легче назвать пурпурно-лиловымъ. Золотой мечъ, пронизывающій пурпур лиловыхъ міровъ... пронзаетъ сердце теурга... Возникаетъ діалогъ, подобный тому, который описанъ въ «Трехъ Свиданіяхъ» Вл. Соловьева... Таковъ конецъ тезы».¹⁾ Далѣе — измѣненіе облика («Но страшно мнѣ, измѣнишь обликъ Ты...»... «Лезвіе лучезарнаго луча меркнетъ...» Врывается сине-лиловый сумракъ (лучшее изображеніе всѣхъ этихъ цвѣтовъ — у Врубеля): въ лиловомъ сумракѣ... качается катафалкъ, а въ немъ лежитъ мертвая кукла съ лицомъ, смутно напоминающимъ то, которое сквозило среди небесныхъ розъ»... Поэтъ возводитъ въ принципъ то, что лично переживалось (лиловый міръ «Ночной Фіалки»

¹⁾ Курсивъ мой

и «дѣвушка съ подурнѣвшимъ лицомъ»). «Переживающій все это полонъ... «двойниками»... «Итакъ, свершилось: мой собственный волшебный міръ сталъ ареной... «анатомическимъ театромъ», или балаганомъ... лиловые міры хлынули въ сердце... возникло то, что я (лично) называю «Незнакомкой»... Это — вѣнецъ антитезы». (Изъ статьи о символизмѣ). Далѣе А. А. замѣчаетъ въ статьѣ своей: въ этотъ періодъ осознается ограниченность искусства и за отысканіемъ реальности «Золотого меча», возвращаются къ жизни, гдѣ осознаются вопросы общественнаго служенія, связанные съ народомъ и интеллигенціей: осознается русская революція. И онъ кончаетъ: «И сама Россія въ лучахъ этой новой... гражданственности оказалась нашей собственной душой». Встрѣча съ Россіей есть синтезъ: «Лиловый сумракъ разсѣивается»...

Я не помню словъ, которыми мы обмѣнялись съ А. А. въ эту ночь; но я понялъ одно: міръ лиловый, который такъ меня напугалъ въ немъ когда-то, — разсѣялся въ немъ: были признаны «Незнакомка» и «Балаганчикъ»; что происходило въ немъ, какъ явленіе кощунства, оскорбленіе святыни, теперь оказалось испытаньемъ пути. Разговоръ съ А. А., ясно раскрывшій его углубленіе въ тему Россіи, вернулъ мнѣ А. А.; сквозь лиловыя тѣни, одѣвшія мракомъ лицо его, выступилъ прежній, исканьемъ овѣтренный, розовый отблескъ; и внѣшнее что-то въ немъ перекликалось съ былымъ; отпустилъ себѣ волосы онъ (въ 1906 году былъ онъ стриженный); и глаза голубѣли отчетливымъ строгимъ рѣшеніемъ; былъ для меня прежнимъ Бло-

комъ въ ту ночь: милымъ братомъ; и — не прежнимъ; въ немъ явственно подчеркнулись: закаленность и мужество; и въ отношеніяхъ нашихъ намѣтилась новая нота: довѣрія. Говорили мы въ эти ночные часы очень мало; и больше молчали; и переваливало къ исходу четвертаго часа; а поѣздъ его уходилъ только въ семь. Я пошелъ провожать по свѣтавшей Москвѣ его; около Николаевского вокзала сидѣли мы въ чайной съ извозчиками; говорили теперь о простомъ, о домашнемъ; я чувствовалъ: А. А. радуется примиренію.

Медленно разгуливали по перрону вокзала; и дожидались поѣзда. Передъ отъѣздомъ довѣрчиво протянули мы руки другъ другу:

— «Такъ будемъ же вѣрить...»

— «И отдѣлять все наносное, что возникаетъ, отъ основного...»

— «И не позволимъ мы людямъ, кто-бъ ни были люди, стоять между нами...»

Такъ мы, обмѣнявшись паролемъ, простились. Тронулся поѣздъ.

Я шелъ по Москвѣ, улыбаясь и радуясь: показались прохожіе: просыпалась Москва.

Такъ закончился этотъ двѣнадцатичасовой разговоръ.

ВСТРѢЧА ВЪ КІЕВѢ

Примиренье съ А. А. охладило на время во мнѣ полемическій пылъ; мнѣ хотѣлось внести ноты ббльшаго примиренья съ Петербургомъ; но страсти — горѣли; присоединилась къ полемикѣ З. Н. Гиппіусъ; подъ псевдонимомъ своимъ (Антонъ Крайній) писала она очень ѣдко; присоединился къ полемикѣ Б. Садов-

ской; Эллисъ рвался все болѣе въ бой; раздѣленіе группы писателей (на «Москву», «Петербургъ») углублялось; мы съ Блокомъ оказывались въ разныхъ лагеряхъ; перекликнулись въ это время существенно, съ восхищеніемъ встрѣтивши «Жизнь Человѣка» Андреева. Въ воспоминаньяхъ А. А. объ Андреевѣ есть указаніе на одинаковость переживанія нами тогда появившейся драмы. Мы оба встрѣчались съ Андреевымъ, переѣзжавшимъ въ ту пору на жительство въ Петербургъ; такъ, встрѣчаясь со мною въ Москвѣ, Л. Андреевъ сочувственно отзывался о Блокѣ, съ которымъ онъ только что познакомился; съ любопытствомъ спрашивалъ онъ о моемъ отношеніи къ Блоку, осведомленный о сложностяхъ между нами.

Я думаю, что одинаковость переживанія «Жизни Человѣка» и мной, и А. А. вытекала изъ ощущенія одинаковаго разочарованія въ мишурахъ и «богатствахъ» душевнаго, только душевнаго міра; душевный «импрессионизмъ» я развѣнчала; весь каталогъ доселѣ невиданныхъ образовъ въ литературѣ былъ вызванъ стремленьемъ къ великому; что у Нитцше казалось естественнымъ и далекимъ отъ вычуръ, то, на примѣръ, ужъ у Петера Альтенберга и Роденбаха казалось манернымъ; между тѣмъ: появились подражатели Петера Альтенберга въ Россіи (покойный писатель Кожевниковъ), облакавшіе пустяковыя темы эскизовъ и мыслей своихъ въ велелѣпіе символическихъ ризъ; если прежде заря намъ казалась иною, вѣщающей, если ее облакали мы въ пышные неологизмы и называли зарю «апельсинной», «атласной», то въ направленіи, пытавшемся провозгласить себя новой волной символизма, наоборотъ «апельсины», «атласы» теперь назывались за-

ревыми; еще Шопенгауэръ отмѣтилъ два стиля въ искусствѣ: стиль вышняго, горнаго; и — стиль прелестнаго; стиль искусства — «высокое»; въ «прелестное» выгралася природная «воля»; а къ отрѣшенью отъ воли и къ чистому созерцанію Платонова міра идей призываетъ искусство: къ свободѣ; и символизмъ — стиль высокаго; импрессионизмъ — стиль прелестнаго; во введеніи «прелестнаго» въ элементы «высокаго» стиля мы видѣли разложеніе чистоты символизма; межъ тѣмъ: направленіе, складывающееся въ Москвѣ, въ этомъ именно видѣло новый путь символизма; а представители направленія этого называли себя «символистами третьей волны» (первая волна — «Скорпіонъ», вторая же — «Оры»); принимая Иванова, Блока, Чулкова они отрицали «Вѣсы» и все то, что намъ дорого. Эдлись билъ ужъ тревогу; и я собирався громить направленіе это; Б. Зайцевъ ему покровительствовалъ; произошло столкновенье мое съ «Художественно-Литературной Газетою», редактируемой Б. К. Зайцевымъ и В. И. Стражевымъ; нападенья мои сосредоточились на В. Стражевѣ; Б. К. Зайцевъ его защищаль; произошло столкновенье мое съ Б. К. Зайцевымъ, Стражевымъ, Б. А. Грифцовымъ и П. П. Муратовымъ, — столкновенье, въ которомъ во многомъ неправымъ былъ я; Б. К. Зайцевъ повель благородно себя по отношенью ко мнѣ и къ В. Стражеву; столкновенье съ группой писателей произвело удручающее впечатлѣніе на меня; я размахивался статьями по очень широкому фронту: отъ Вячеслава Иванова (замѣтка моя «Штемпелеванная колоша» задѣла Иванова больно), театра Комиссаржевской, до... Виктора Стражева; какъ «мистическій анархизмъ», такъ и «третья

волна символизма», естественно тяготѣвшая изъ Москвы къ «петербуржцамъ», казались враждебными мнѣ; обѣ группы пересѣкались въ «Шиповникѣ»; тамъ сливались и «мистическій анархизмъ» и «вторая» и «третья» волна символизма, и слегка заgrimированный импрессионизмомъ натурализмъ недавняго прошлаго: Блокъ, Ремизовъ, Л. Андреевъ, И. Бунинъ, В. Стражевъ, Б. Зайцевъ, едва появившійся на горизонтѣ писательскомъ Осипъ Дымовъ, встрѣчались другъ съ другомъ; «Шиповникъ» казался «Вѣсамъ» соглашательскимъ предприятиемъ: линіей наименьшаго сопротивленія; мы — волили линію сопротивленія наибольшаго; «Знаніе» съ Горькимъ казалось намъ болѣе заслуживающимъ вниманія, чѣмъ легкой «Шиповникъ», стремящейся подавать въ альманахахъ своихъ винигреть направлений (кусочекъ отъ реализма, кусочекъ отъ символизма подъ все покрывающимъ импрессионистическимъ соусомъ); мы задѣвали писателей, близкихъ «Шиповнику»; мы задѣвали огромное большинство уже модныхъ въ то время писателей; всѣ на насъ злобились; изоляція наша, переходящая въ негласно провозглашенный бойкотъ, подготовлялася.

Въ эту осень запомнились гастролы Театра Комиссаржевской; впервые увидѣлъ на сценѣ я «Балаганчикъ», задѣвший когда-то такъ больно меня; постановка была — удивительна; прочія постановки («Сестра Беатриса», «Чудо Св. Антонія» и т.д.) мнѣ казались парадоксами, а не «сценическимъ дѣйствомъ»; и больно было мнѣ видѣть Комиссаржевскую, замороженную «стилистикой» Мейерхольда; великолѣпна была она въ пьесахъ Гольдони; была она связана въ драмочкахъ Метерлинка, къ которому въ то время закрадывалось недовѣріе; проб-

лема театра меня волновала; осознавались невозможности символизма въ театрѣ; театръ символическій — есть мистерія; символизмъ, допустимый естественно въ эпосѣ, въ лирикѣ, переходитъ въ теургію здѣсь; здѣсь актеръ, — не актеръ, а нашедшій пути человекъ; театръ символическій допустимъ лишь въ грядущемъ; онъ — грань межъ искусствомъ и новою жизнью; новые люди не могутъ вершить символическихъ дѣйствъ, ибо дѣйства — литургика.

А. А. въ эту пору былъ близокъ къ исканіямъ Комиссаржевской и Мейерхольда; я — видѣлъ: исканія обречены на полнѣйшую неудачу (Комиссаржевская черезъ два съ лишнимъ года пришла сама къ этому); было больно, что тутъ мы расходимся съ Блокомъ; я видѣлъ въ стремленіи къ театру — болѣзнь; я хотѣлъ оттащить отъ театра А. А.; и сомнѣнья въ возможности «символическаго» театра я изложилъ въ фельетонахъ, которые напечатаны были въ тогда возникавшей газетѣ, которую редактировалъ Алексѣевскій (въ «Утрѣ Россіи»); Комиссаржевская заинтересовалась фельетонами; въ нихъ — опять-таки выявилась полемика съ Блокомъ.

Въ ту пору устроили въ Кіевѣ «вечеръ искусства»; и получили приглашеніе на него москвичи; должны были поѣхать: С. А. Соколовъ, я, Петровская, И. А. Бунинъ, который такъ и не поѣхалъ; тогда, посоветовавшись съ Соколовымъ (организовавшимъ поездку), я телеграммою просилъ Блока пріѣхать; и получилъ телеграфный отвѣтъ, извѣщающій: «Ѣду». Мы двинулись въ Кіевъ (въ концѣ сентября), въ жаркій день; устроители вечера встрѣтили насъ на вокзалѣ съ приподнятой пышностью; чужалось мнѣ: «Э, тутъ что-то не то!» Группа кіевского журнальчика «Въ мірѣ искусствъ» въ эстетическомъ отношеніи не внушала

довѣрія; и пахнуло на насъ непріятной дешевкою и непріятной рекламою; перепугалъ стиль афишъ; ими былъ заклеенъ весь городъ; огромный оскаленный козлоногій лохмачъ, безобразно гримасничалъ на афишахъ; я думалъ: «Оповѣщенье о вечерѣ напоминаетъ скорѣй оповѣщенье о зрѣлищѣ балаганнаго свойства». И въ томъ, какъ везли насъ по городу, какъ усадили насъ вечеромъ въ ложу, какъ насъ накормили, — во всемъ былъ налѣтъ театральнаго пафоса и безвкусицы; что-то скандальное завивалось вокругъ насъ; сообщили: билеты — распроданы до одного; и театръ городской будетъ полонъ; и будутъ всѣ власти; С. А. Соколовъ, не понявшій сперва «х л е с т а к о в щ и н ы», насъ окружающей, чувствовалъ великолѣпнымъ героемъ себя; мы съ Петровской конфузились; переговариваясь о томъ, что — скандалъ; кіевляне пойдутъ на насъ такъ, какъ идутъ на забавное зрѣлище (подлинно прѣнимавшихъ насъ, знавшихъ по книгамъ насъ было такъ мало); я не сумѣю подкидывать гирь, кувыркаться, заглатывать шпаги и голосъ мой — не труба іерихонская; стало быть: будетъ всѣмъ скучно; и «н о м е р а» изъ себя не представлю; межъ тѣмъ: стиль афишъ обѣщаль «н о м е р а»; и мнѣ было не по себѣ (пропалъ голосъ къ тому же: страдалъ я запущеннымъ гриппомъ). А. А. опоздалъ, не прѣехалъ; пришла телеграмма: онъ — будетъ въ день «в е ч е р а».

Онъ и прѣехалъ, довѣрчивый, милый, немного пере-конфуженный тѣмъ «б у м ѣ-б у м о м ѣ», въ которомъ держали насъ; все старался быть вѣжливымъ; и, по возможности, держаться въ тѣни, что ему удавалось; мы трое (А. А., я, Петровская) жались другъ къ другу, стараясь не участвовать въ «б у м ѣ»; и кіевляне, по моему, разочаровались въ насъ (не глотаемъ мы шпагъ); провалились во мнѣніи кіевлянъ мы до вечера; наобо-

ротъ: Соколову везло: онъ ходилъ, окруженный внимающими репортерами; и гремѣлъ побѣдительно басъ его: про него говорили: «А Соколовъ этотъ — славный мужчина такой». Онъ естественно представлятельствовалъ «о т ъ и м е н и» и «в о и м я»...

А. А. остановился въ одномъ корридорѣ со мною въ гостиницѣ, кажется, на Крещатикѣ, недалеко отъ театра. Мы пили съ нимъ чай; оживленный, веселый, раскладывался, снявъ пиджакъ и вытаскивая сюртукъ. Доминировалъ — юморъ: и умываясь съ дороги, повертывалъ на меня добродушно лицо, загорѣлое, темное, встряхивалъ вьющимися волосами своими (на немъ была шапка волосъ), мылилъ руки и улыбался лукаво:

— «А знаешь, — вѣдь какъ-то не такъ: даже очень не такъ; не побили бы насъ...»

И — вырывался смѣшокъ — тотъ особый глубокой смѣшокъ, отъ котораго становилоя невыразимо уютно; смѣшокъ этотъ рѣдокъ былъ въ Блокѣ; и мало кто знаетъ его; въ немъ — довѣрчивость дѣтская и беззлобная шутка надъ міромъ и надъ собою, надъ собесѣдникомъ; все становилоя отъ смѣшка освѣщеннымъ особо: и — чуть-чуть «д и к к е н с о в с к и м ъ», чуть-чуть фантастическимъ; мерещились Пикквики; А. А. передразнивалъ ѣдко меня и себя, кievлянъ, окружавшихъ насъ «б у м о м ъ», особенно передразнивалъ «п р е д с т а в и т е л ь с т в о» отъ лица «с и м в о л и з м а» С. А. Соколова.

За чаемъ А. А. мнѣ сказалъ:

— «Знаешь Боря, пріѣхалъ то я вѣдь совсѣмъ не на вечеръ: пріѣхалъ къ тебѣ; ты позвалъ меня, я и пріѣхалъ».

Предъ «о т в ѣ т с т в е н н ы м ъ» выступленіемъ нашимъ мы провели тихо время въ незначущихъ пустякахъ разговора, котораго содержанье не вспомнится; не

говорили мы о тяжеломъ быломъ, ни о томъ, что естественно насъ раздѣляло; шутили, обмѣнивались впечатлѣнными дня; и — строили шаржи, уподобляя себя «джентель менамъ», прїѣхавшимъ въ Итансвиль; говорили, что, вѣрно, перегрызутся теперь «Итансвильскій журавль» съ «Итансвильскою синицею»¹⁾).

Поговорили серьезно о Леонидѣ Андреевѣ по драмѣ его; я увидѣлъ, какое глубокое впечатлѣніе произвела на него эта драма; и удивлялся я тождественности воспрїятія ее нами.

— А ты знаешь, онъ (Л. Андреевъ) — милый и настоящій: я очень его полюбилъ».

Наступилъ часъ позора; мы облеклись въ сюртуки; и за нами прїѣхали; съ жуткимъ чувствомъ мы ѣхали на проваль, говоря, что въ огромномъ театрѣ, набитомъ людьми, мы не сможемъ читать (голосъ мой пропадалъ окончательно); А. А., помню, смѣялся, юморизировалъ и страшалъ меня; ничего не боялся С. А. Соколовъ. Я былъ долженъ открыть вечеръ словомъ, рисующимъ новое направленіе въ искусствѣ; вообразите мой ужасъ, когда я услышалъ фанфару, оповѣщавшую о началѣ; вслѣдъ за фанфарой я вышелъ и долженъ былъ восходить надъ оркестромъ (на сценѣ) — на какое-то весьма пышное возвышеніе, чтобы оттуда, рискуя пасть въ бездну (свалиться въ оркестръ) оповѣстить кїевлянъ о томъ именно, что требовало бы написанія книги. Хрипя, кое-какъ я все это исполнилъ (мой голосъ достигъ лишь пятнадцати первыхъ рядовъ, такъ что, собственно, меня не разслышали); былъ награжденъ очень жидкими аплодисментами; и — спасся въ ложу, гдѣ всѣ мы четыре сидѣли (С. А. — горделиво, Н. И., я, А. А. — переживая какое-то чувство скандальности нашего по-

¹⁾ Изъ „Записокъ Пикквикскаго Клуба“

ложенія); программа была невѣроятно длинна; Н. И. тихо прочла очень тонкое что-то; никто не услышалъ ее; и никто ей не хлопалъ; А. А. прочиталъ «Незнакомку», еще что-то, съ видомъ несчастнымъ, замученнымъ, точно просилъ:

— «Отпустите скорѣе на покаяніе».

Похлопали очень мало: и — отпустили охотно.

Съ успѣхомъ прочелъ стихотворныя басни свои, бывший въ Кіевѣ въ то время профессоромъ графъ де ла Бартъ¹⁾); произвелъ лишь фуроръ Соколовъ, зычно грянувшій своего «Дровосѣка» (пропѣлъ онъ его); «Дровосѣкомъ» своимъ покорилъ кіевлянъ; говорили потомъ: «Что такое тамъ Бѣлый и Блокъ. Соколовъ — вотъ такъ славный мужчина: поетъ, — не читаетъ». Стихотворенія мои почему-то поставили подъ самый конецъ, когда голосъ пропалъ уже вовсе; я жалкое что-то пицалъ, что разслышали въ первыхъ рядахъ лишь; представьте мое положеніе: видѣть, какъ рядъ за рядомъ отъ хохота клонится.

Вечеръ былъ полнымъ «скандаломъ»; и представители новаго направленія, вызванные изъ Петербурга и изъ Москвы съ такой помпой, — торжественно провалились бы въ Кіевѣ, если бы не выручилъ С. А. Соколовъ, поддержавшій одинъ лишь престижъ «модернизма».

Естественно, что онъ чувствовалъ себя выразителемъ всего новаго; и за ужиномъ, даннымъ въ честь насъ послѣ вечера (мы съ А. А. просидѣли, какъ на иголкахъ весь ужинъ) сказалъ онъ, насъ чествовавшимъ, что да, да: мы пріѣхали, де, покорять кіевлянъ, такъ что я ужъ взялъ слово, чтобы умѣрить самоувѣренность новаго направленія. На другой день газеты

¹⁾ Нынѣ покойный.

ругали насъ крѣпко; такъ мы — провалились (поѣздка эта въ памяти сохранилась, какъ нѣчто стыднѣйшее).

Черезъ день я былъ долженъ прочесть свою лекцію въ Кіевѣ, и — уѣхать въ Москву; А. А. мило остался со мною; мы много гуляли по Кіеву; вечеромъ забрели мы къ Днѣпру; гдѣ-то въ мощныхъ оврагахъ, обвисшихъ желтѣющей зеленью, мы подъ луною стояли всѣ трое: А. А., Н. Петровская, я.

Ночью этой случился страшнѣйшій припадокъ со мною; я, улегшись въ постель, вдругъ почувствовалъ, что начинается что-то неладное; я вскочилъ; но ставъ на ноги, снова почувствовалъ: вотъ сейчасъ, вотъ сейчасъ — упаду; въ это время по Кіеву разгулялась сильнѣйшая холерная эпидемія; поэтому вообразилъ: со мной, де, начало холеры; и понялъ, что надо мнѣ много ходить (быстро-быстро) по комнатѣ и тереть себѣ руки, что началъ я дѣлать; и зналъ, если сяду, остановлюсь, — упаду: въ очень сильномъ волненіи бѣгалъ по комнатѣ, соображая, что дѣлать; и безсознательно полуодѣвшись, я бросился въ корридоръ по направленію къ номеру, занимаемому А. А.; сталъ стучаться къ нему; онъ открылъ мнѣ:

— «Скажи, что съ тобою?...»

— «Не знаю, должно быть начало холеры...»

Онъ — сѣлъ на постели, открывъ электричество; я же забѣгалъ предъ нимъ, потирая руками; не попадая зубами на зубы; онъ очень спокойно, участливо наблюдалъ меня:

— «Это — нервный припадокъ: не уходи же къ себѣ; тебѣ вредно лежать. И остаться теперь въ одиночествѣ невозможно...»

Онъ — одѣлся; похаживалъ рядомъ; онъ взялъ мои руки, онъ растиралъ очень крѣпко ихъ — минутъ де-

сать; и видя, что никакой холеры не начинается, онъ сказалъ:

— «Нѣтъ, незачѣмъ доктора: просто съ тобою мы просидимъ эту ночь; я тебя одного не оставлю въ такомъ состояніи...»

Мы — просидѣли; не забуду вниманія, которымъ меня окружилъ онъ; въ припадкѣ я бѣгалъ по комнатѣ; онъ — спокойно сидѣлъ предо мною на стулѣ, спокойно и ровно глядя на меня, облокотясь своимъ локтемъ на столъ, положивъ ногу на ногу; и — покачивая носкомъ; суетливости, внѣшней заботы и не было въ немъ; была — внутренняя забота; и отъ А. А. на меня исходило тепло; и — припадокъ стихалъ; въ изнеможеніи опустился на стулъ; и — смотрѣлъ на него, какъ онъ ровно и ясно сидѣлъ надо мною, какъ нянька: всю ночь напролетъ. Мнѣ запомнилось это сидѣніе Блока, запомнилась ровная поза; уже измѣнился, разительно измѣнился онъ весь, — не лицомъ, а — пожалуй, манерой держаться (въ тотъ годъ, когда мы не видались); сталъ проще, задумчивѣй; подчеркнулося мужество; появилась суровая закаленность; исчезла былая душевность; она въ немъ сказалася перегаромъ; что прежде сіяло вокругъ, какъ невидная аура, какъ атмосфера, то, прогорѣвъ, стало пепломъ, тѣнившимъ лицо; вся душевность лежала, какъ пепелъ, на немъ; онъ сожженнымъ казался за пепломъ душевности, какъ пролеты синѣйшаго неба ночного за отгорѣвшими тучками; ясно мерцали мнѣ звѣздные свѣточы; прежде душевность — сіяла; и такъ сіяютъ вишневья облака на зарѣ; они — ярче зари; золотисто-зеленое блѣдное небо — за ними; но вотъ — отгораютъ, темнѣютъ; а небо за ними — глубинится синевой, открывается звѣздочками; звѣзды — изъ ночи, изъ ночи трагедіи; я изъ ночи трагедіи чувствовалъ Блока въ ту ночь; я

почувствовалъ, что какая-то внѣшняя огрубѣлость, или меньшая красочность есть безкрасочность контуровъ ночи; и понялъ, что кончился въ А. А. Блокѣ періодъ тѣней, или нечисти изъ «Нечаянной Радости»; ночью темной вѣдь нѣтъ и тѣней; есть спокойная, ровная тьма, осіянная звѣздами; предо мной сидѣлъ Блокъ, перешедшій черту «Снѣжной Маски», услышавшій голосъ:

«Къ созидающей работѣ возвратись».

И воистину: созидающее молчаніе это лилось на меня.

Наблюдалъ я его: онъ сидѣлъ — неподвижно (сидѣлъ онъ всегда неподвижно); но — неподвижность, и та, въ немъ иная какая-то стала; онъ прежде казался оцѣпенѣлымъ и деревяннымъ; затянутый въ темно-зеленый сюртукъ сидѣлъ прямо; теперь появилась въ позахъ сидѣнья его — зигзагообразная линія; онъ сидѣлъ, изогнувшись, не прямо, порою откинувшись корпусомъ, а порою перегнувшись къ столу, положивши руку локтемъ на столъ, подпирая другою рукою большую курчавую голову; я сказалъ бы: теперь лишь вполне появился въ немъ профиль; я чаще всего помню Блока теперь, повернувшего мнѣ профиль свой; появился отчетливо предо мной его носъ (почти выгнутый); и появилась четкая линія губъ и ушей; прежде помню я Блока en face; а теперь изучаю я профиль его (аполлоновскій профиль); и замѣчаю я вспухлость губы его (нижней), которую неумѣренно подчеркнулъ въ немъ К. Сомовъ. Какъ прежде я видѣлъ въ немъ что-то напоминавшее Гауптмана, такъ теперь находилъ отдаленное сходство съ портретами Оскара Уайльда.

Ужъ близился день: разсвѣло; мы хотѣли спросить себѣ кофе; но всѣ еще спали; тогда, успокоившись,

началь я говорить о себѣ, о своемъ одиночествѣ и о томъ, какъ мнѣ трудно дается простое, житейское:

— «Да, понимаю я, —тебѣ трудно живется» — сказалъ мнѣ А. А. И внимательно посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ вдругъ рѣшительно:

— «Знаешь что: возвращаться въ Москву одному тебѣ — не хорошо; вотъ что я предлагаю: мы ѣдемъ съ тобой въ Петербургъ». Съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него: годъ назадъ онъ противился моему появленію въ Петербургѣ; теперь — меня звалъ; въ его зовѣ я чувствовалъ опредѣленное, продуманное рѣшеніе; ясно, что съ этою мыслью меня, меня увезти въ Петербургъ и пріѣхалъ онъ въ Кіевъ.

— «Ну, правда, поѣдемъ-ка вмѣстѣ: вѣдь вотъ я пріѣхалъ къ тебѣ сюда: въ Кіевъ. Такъ почему же тебѣ не поѣхать со мной въ Петербургъ?»

Почему не поѣхать? Поѣхалъ бы я, да — я былъ въ крѣпкой ссорѣ съ Л. Д.; мы поссорились окончательно въ бытность мою еще въ Мюнхенѣ; впечатлѣніе было, что мы поссорились — окончательно; и я зналъ, что А. А. это знаетъ; такъ почему же зоветъ онъ опять (охъ, ужъ эти мнѣ зовы пріѣхать: однажды пріѣхалъ по зову я, — произошла канитель); я опять посмотрѣлъ на А. А. Онъ стоялъ на своемъ:

— «Рѣшено: мы поѣдемъ».

— «Но какъ же мнѣ ѣхать, послушай: вѣдь знаешь же самъ, что бывать у тебя мнѣ нельзя...»

— «Ты про Любу?»

— «Да».

Тутъ осторожно, съ нѣжнѣйшею деликатностью подошелъ онъ къ моимъ отношеніямъ съ Л. Д., мнѣ стараяся доказать, что мотивовъ для ссоры съ Л. Д. уже нѣтъ, (миновали они), что пора помириться, что

для этого одного мнѣ бы слѣдовало съ нимъ ѣхать — теперь:

— «Поѣзжай: будетъ весело».

— «А что скажетъ Л. Д. при моемъ неожиданномъ появленіи».

— «Да она уже знаетъ: мы съ ней говорили...»

Тутъ понялъ вполнѣ я, что планъ увести въ Петербургъ меня А. А. прежде придумалъ. И я — согласился: рѣшили мы ѣхать; поѣздка разстраивала тогдашніе планы мои (въ одной московской газетѣ завѣдовать литературнымъ отдѣломъ); а что касается лекціи, предстоящей мнѣ вечеромъ, то А. А. мнѣ рѣшительно посоветовалъ не читать:

— «Какъ же быть: вѣдь билеты распроданы; оповѣстить уже поздно...»

А. А. посмотрѣлъ на меня:

— «Ты читаешь по рукописи?»

— «Да, по рукописи».

— «Ну такъ вотъ что: прочту за тебя я. Ты хочешь?»

— «Конечно».

Рѣшили.

Рѣшивъ, мы спросили къ А. А. въ номеръ кофе: и мирно его распивали; припадокъ прошелъ; но А. А. настоялъ, чтобы я шелъ къ себѣ — отоспаться, провелъ меня въ комнату, уложилъ, посидѣлъ у постели моей и потомъ, посоветовавшись съ уѣзжающими въ Москву Соколовымъ и Н. А. Петровской, онъ за докторомъ послалъ; докторъ меня осмотрѣлъ и рѣшилъ, что — бронхитикъ и нервное переутомленіе; переменна мѣста полезна, де, мнѣ; такъ рѣшили съ А. А. ѣхать въ ночь, послѣ лекціи тотчасъ же.

А. А. приготовился прочитать мою лекцію: взялъ мою рукопись; и — внимательно ее изучалъ, чтобы

гладко прочесть; но я къ вечеру поздоровѣлъ; и рѣшилъ — самъ читать; вмѣстѣ съ нимъ мы отправились, предварительно отославъ на вокзалъ наши вещи; А. А. въ этотъ вечеръ съ нѣжнѣйшей заботливостью не оставлялъ ни на шагъ одного меня; сидѣлъ въ лекторской рядомъ со мною, приносилъ мнѣ горячаго чаю; и на эстрадѣ сидѣлъ рядомъ съ кафедрой, наблюдая меня, и рѣшаясь меня замѣнить въ любой мигъ, если я ослабѣю.

Провалился на вечерѣ я; а на лекціи, наоборотъ, если память не измѣняетъ, имѣлъ я успѣхъ: собиралась молодежь, а не жадная къ «зрѣлищамъ» публика; послѣ лекціи, не возвращаясь въ гостиницу, мы отправились на вокзалъ; А. А. все продолжалъ проявлять свою милую, неназойливую заботливость: онъ закуталъ мнѣ горло, чтобъ я послѣ лекціи не простудился; едва мы попали въ вагонъ, какъ уже залегли (до отхода курьерскаго поѣзда); и — заснули; проснулись въ двѣнадцатомъ часу дня (вѣроятно сказалась бессонная ночь наканунѣ); и просидѣли весь день въ ресторанномъ вагонѣ, потягивая рейнъ-вейнъ и болтая; опять было весело; и — шутливо (немного по-Диккенсовски); мы себя ощущали, какъ мальчишки, затѣвившіе веселую, но немного рискованную игру; и — чувствовалось: какъ-то встрѣтитъ внезапное появленіе насъ Любовь Дмитриевна, о которой не говорили мы.

Я въ послѣдствіи понялъ А. А. И въ желаніи перетащить меня въ Петербургъ было много участія къ моему состоянію; А. А. считалъ вреднымъ для нервовъ моихъ погруженіе въ полемику и въ «политику» литературы, которой чрезмѣрно я отдавался въ то время подъ наущеніемъ Элліса, Брюсова; и — прочихъ «вѣсцевъ»; съ другой стороны: онъ хотѣлъ, чтобы я приглядѣлся къ тому, что изъ Москвы отрицалъ такъ

рѣшительно; на примѣръ, — къ театру Комиссаржевской, къ которому былъ такъ близокъ въ то время онъ, не раздѣляя моихъ опасеній; онъ думалъ, — угомонюсь очень скоро я; но, увы, — ошибался: я — разразился полемикою, побывъ въ Петербургѣ.

Въ слезливое, въ очень холодное утро мы прибыли въ Петербургъ. А. А. самъ меня везъ — по направленью къ Исаакію, въ Hôtel d'Angleterre.

— «Здѣсь тебѣ близко отъ насъ: здѣсь всегда останавливался Владимиръ Сергѣевичъ¹⁾, возвращаясь отъ Саймы.»

Со мною прошелъ онъ въ мой номеръ; и, посидѣвши, поднялся:

— «Теперь я поѣду — предупредить надо Любу, а ты приходи-ка къ намъ завтракать; да — не бойся!»

И, улыбнувшись, онъ скрылся.

ОПЯТЬ ПЕТЕРБУРГЪ

Блоки жили тогда на углу Николаевской площади, около Николаевского моста: мнѣ помнится — на Галерной, а можетъ быть, — нѣтъ: въ географіи Петербурга — не твердъ, я москвичъ; но я помню, что домъ ихъ былъ вовсе угольный, одной стороною выходящій на площадь, где церковь (коричневая), съ золотой, острой крышей.

Квартира ихъ состояла изъ небольшихъ комнатъ убранныхъ просто, со вкусомъ; ходъ былъ со двора.

Никогда не забуду я чувства смущенья, съ которымъ звонился я; встрѣча съ Л. Д. волновала меня. Но мы встрѣтились просто; во всемъ объясненіи съ Л. Д. проявилась одна удивительная черта; объяснялись мы какъ-

¹⁾ В. С. Соловьевъ.

то формально; и чувствовалось, что объяснение подлинное, до дна, — ускользаетъ; ну словомъ: мы кажется помирились, — не такъ, какъ съ А. А. И еще я замѣтилъ: разительную перемѣну въ Л. Д. Прежде тихая, ясная, молчаливая, углубленная, разверзающая разговоръ до какихъ-то исконныхъ корней его, — нынѣ она, наоборотъ, на слова все какъ будто набрасывала фату легкомыслія; мнѣ казалось, — она похудѣла и выросла; что особенно поразило въ ней, это стремительность словъ; говорила она очень много, поверхностно, съ экзальтаціей; и была преисполнена всяческой суеты и текущихъ заботъ; объяснение съ Любовью Дмитріевной 1906 года могло бы вполнѣ состояться, а объяснение съ Любовью Дмитріевной 1907 года, казалось мнѣ, — объяснение со свѣтской дамой, исполненной тревоженій, заботъ, удовольствій (до объясненій-ли ей!). Такъ я, объясняясь, — недообъяснился: и водворился межъ мной и Л. Д. полушутливый легкій стиль — даже не дружбы, скорѣе *cause gîe*.

Видѣлъ я, что А. А. въ Петербургѣ подхваченъ былъ вихремъ своихъ обязательствъ, намѣреній, плановъ, заботъ; словомъ, — тотъ, кто ко мнѣ пріѣзжалъ объясняться въ Москву, потомъ въ Кіевъ — исчезъ; появился передо мной въ Петербургѣ захваченный шумной жизнью поэтъ, которому просто времени нѣтъ углубляться въ детали общенія; словомъ: я понялъ, что жизнь и Л. Д. и А. А. измѣнилась; была она тихой, семейною жизнью; теперь стала бурной и свѣтской, и кромѣ того, понялъ я, что А. А. и Л. Д. живутъ каждый своею особою жизнью; А. А. былъ захваченъ какой-то стихіей; былъ весь динамическій, бурный, сказалъ бы я, что влюбленный во что-то, въ кого-то; и въ немъ самомъ явственно я замѣчалъ нѣчто общее съ «ритмами» «Снѣжной Маски»;

онъ былъ очень красивъ и былъ очень наряденъ въ изящномъ своемъ сюртукѣ, съ бѣлой розой въ петлицѣ, съ закинутой гордо прекрасною головою, съ увѣренной полуулыбкой и съ развѣвающимся пышнымъ шарфомъ; такимъ его часто я видѣлъ — въ гостяхъ, иль въ театрѣ, иль возвращающимся домой; я былъ больше съ Л. Д., составляя отчасти компанію ей; очень часто А. А. оставлялъ насъ; и — несся куда-то по личнымъ дѣламъ; онъ казался мнѣ въ этотъ періодъ весьма возбужденнымъ, овѣяннымъ лейтъ-мотивомъ мятели, которую онъ такъ воспѣлъ; все мятелилось вокругъ него; онъ мятелилъ; и отъ него на меня часто вѣяло вѣтромъ мятели; мы мало съ нимъ были вдвоемъ; онъ, какъ будто, всѣмъ видомъ и тономъ хотѣлъ мнѣ сказать:

— «Будемъ вмѣстѣ — потомъ: наговоримся — потомъ... Теперь — некогда: видишь, захваченъ весь я...»

Я его понималъ; и его наблюдая, я имъ любовался.

Л. Д. говорила мнѣ часто:

— «Переѣзжайте же къ намъ, въ Петербургъ: я ручаюсь вамъ, — будетъ весело...» Слова «в е с е л о», «в е с е л и т ь с я», — казались мнѣ наиболѣе частыми словами въ словарѣ Любовь Дмитріевны; мнѣ казалось: А. А. и Л. Д. окружали себя будто вихремъ веселья; но скоро замѣтилъ я, что этотъ вихрь ихъ несетъ неизвѣстно куда, что они отдались ему; и несетъ этотъ вихрь ихъ не вмѣстѣ; Л. Д. улетаетъ на вихрѣ веселья отъ жизни съ А. А.; и А. А. летитъ прочь отъ нея; я замѣтилъ, они — разлетаются, собираясь за чайнымъ столомъ, за обѣдомъ; и — вновь разлетаются.

Словомъ, — я сталъ наблюдателемъ жизни ихъ. Я замкнулся отъ нихъ (не враждебно, а дружески); я старался не нарушать своимъ стилемъ ихъ стилия;

я даже входилъ въ этотъ стиль, я участвовалъ въ общемъ весельѣ, старался быть свѣтскимъ, но — видѣлъ: веселье то есть веселье трагедіи; и — полета надъ бездной; я видѣлъ — грядущій надломъ, потому что веселье, которому отдавались они, было только игрой, своего рода *comedia del arte*, не болѣе:

По улицамъ мятель мететь,
Свивается, шатается.
Мнѣ кто-то руку подаетъ
И кто-то улыбается.

Это стихотвореніе А. А. мнѣ читалъ въ кабинетѣ своемъ; оно было написано приблизительно въ этотъ періодъ.

Пойми, пойми, ты одинокъ,
Какъ сладки тайны холода...
Взгляни! взгляни въ холодный токъ,
Гдѣ все на вѣки молодо...

Запомнились мнѣ эти рифмы: «м о л о д о» и «х о л о д а»; и Л. Д., и А. А. были молоды; оба пылали расцвѣтами красоты, силъ, здоровья; но вмѣсто тепла въ жизни ихъ я разслышалъ вихрь холода, подхватившаго ихъ и помчавшаго путемъ «а р т и с т и з м а»; вотъ слово, которое опредѣляетъ то именно, чѣмъ, казалось, жили они: артистизмъ, театральность; да дѣ й с т в і е, о которомъ мечтали мы нѣкогда вмѣстѣ, теперь наступило для нихъ; но это дѣ й с т в о ихъ не оказывалось мистеріей, а *comedia del arte* оно оказалось. Я помню лицо А. А., строгое, съ вытянутымъ носомъ, съ тѣнями, когда онъ читалъ мнѣ надтреснутымъ, хриплымъ голосомъ:

Тамъ воля всѣхъ вольнѣе воля
Не приневолитъ вольнаго;
И болѣе всѣхъ больнѣе боль
Вернетъ съ пути окольнаго.

Эту боль я почувствовалъ подѣ весельемъ, подѣ легкомысленнымъ стилемъ Л. Д.; мнѣ однажды она говорила въ ту пору, что многое она вынесла въ предыдущемъ году; и что не знаетъ сама, какъ она уцѣлѣла; и отъ А. А. очень часто я слышалъ намеки о томъ, что они перешли Рубиконъ, что назадъ, къ прошлымъ зорямъ возврата не можетъ быть; я понималъ, что пока проживалъ за границею, въ жизни Л. Д. и А. А. произошло что-то крупное, что измѣнило стиль жизни; однажды, придя рано къ Блокамъ, засталъ я въ постели ихъ; я дожидался ихъ въ смежной комнатѣ; тутъ раздался звонокъ: появилась Марья Андреевна; мы съ ней встрѣтились впервые; она все разспрашивала меня о заграничномъ житьѣ моемъ; и потомъ перешла на жизнь Блоковъ; и тутъ закивала съ какою-то вѣщею грустью:

— «Да, да: ужъ не то, ужъ не то... Нѣтъ цвѣточности... Вы вѣроятно замѣтили?»

— «Что?»

— «Да не та эта жизнь: облетѣли цвѣты, поизмялись...»

Мнѣ Марья Андреевна показала какою-то вѣщей: ну, паркою, что ли: съ досадою я на нее посмотрѣлъ. Въ это время раздался мучительный, хриплый кашель А. А. за стѣною; мнѣ стало не по себѣ; этотъ кашель — пустякъ; но въ отгѣнкѣ его мнѣ послышалось столько страданія, что припомнилась строчка:

И болѣе всѣхъ больнѣе боль...

Скоро вышелъ А. А., очень желтый, съ мѣшками подь сонными и, какъ мнѣ казалось, страдающими глазами; онъ говорилъ хриплымъ голосомъ; голосъ его сталъ не тотъ, какимъ прежде онъ былъ: сталъ грубѣе онъ, сталъ такимъ хриплымъ онъ.

Я Александру Андреевну въ эти дни въ Петербургѣ не помню; быть можетъ, ее не встрѣчалъ я у Блоковъ; поэтому я заключалъ, что между ней и Л. Д. вѣроятно — не лады.

Но почти я всегда натыкался по вечерамъ на артистку театра Комиссаржевской, Веригину, которая по моимъ представленіямъ очень дружила съ Л. Д.; очень часто встрѣчалъ я и Волохову (то же артистку, того же театра), дружившую очень съ А. А. Волохова, Веригина, — вотъ наше общество; порою встрѣчалъ и Ауслендера, съ которымъ носились артистки театра Комиссаржевской. Театръ стоялъ въ центрѣ всей жизни А. А.; очень часто туда уходилъ онъ. Однажды меня онъ позвалъ съ нимъ: смотрѣть «Балаганчикъ», дававшійся послѣ — «Чуда Св. Антонія» Меттерлинка. Приѣхавши, мы застали еще представленіе «Антонія», которое видѣлъ я и которое не любилъ; мы поэтому забрались въ буфетъ: пили вмѣстѣ коньякъ; видѣлъ я, что А. А., возбужденный, встревоженный чѣмъ-то (какими-то личными переживаніями, связанными съ театромъ) пьетъ: рюмка за рюмкою; я опьянѣлъ очень скоро; А. А. выпилъ больше, чѣмъ я, но совсѣмъ не пьянѣлъ; скоро онъ, посадивъ меня въ первомъ ряду, быстро скрылся (ушелъ за кулисы); смотрѣлъ «Балаганчикъ» одинъ: я былъ пьянъ; и изъ перваго ряда кивалъ я артистамъ; я помню, какъ сквозь туманъ, что А. А. появился въ пустомъ бенуарѣ налѣво; и ласково, дружески покивавъ, быстро скрылся; я болѣе въ этотъ

вечеръ не видѣлъ его, на другой уже день мнѣ А. А. говорилъ:

— «Мнѣ рассказывали артистки, что ты сидѣлъ развалясь; и курилъ папиросу — предъ. самую сценою...»

Этого я не помню.

Другой разъ поѣхали вмѣстѣ мы (Л. Д., А. А., я) на первое представленіе «Пелеаса и Мелизанды»; передъ началомъ спектакля къ А. А. забѣгалъ очень, очень взволнованный Мейерхольдъ; поднимаясь на ципочки и кивая изогнутымъ носомъ, хватался за голову онъ, восклицая:

— «Да что: прыгать въ бездны, — вотъ что теперь надо».

Онъ очень взволнованъ былъ предстоящей премье-рою; представленіе мнѣ не понравилось вовсе; былъ весь Петербургъ; мнѣ запомнился въ этотъ вечеръ А. А.; я его наблюдалъ издалёка, въ антрактѣ: въ фойэ; онъ стоялъ у стѣны и помахивалъ бѣлою розою, разговаривая съ какою-то дамою, на него налѣзавшей; стоялъ онъ, поднявъ кверху голову и обнаруживая прекрасную шею, съ надменною полуулыбкою, которая у него появилась въ то время, которая такъ къ нему шла; его черный, прекрасный сюртукъ, не застегнутый, вырисовывался тонкою таліей на фонѣ стѣны; шапка свѣтлыхъ и будто дымящихъ курчавыхъ волосъ гармонировала съ порозовѣвшимъ лицомъ; сквозь надменное выраженіе губъ я замѣтилъ тревогу во взглядѣ его; помахивая бѣлою розой, не обращалъ онъ вниманія на налѣзавшую даму, блуждая глазами по залу; и точно отыскивая кого-то; вдругъ взглядъ его измѣнился; сталъ онъ зоркимъ; глазами нацѣлился онъ въ одну точку и медленно повернулъ свою голову: тутъ онъ мнѣ опять напомнилъ портреты Оскара Уайльда. Глядѣлъ на него

я и думалъ, что вовсе не узнаю его, прежняго: гдѣ за- стѣнчивость, робость и дѣтскость, которыя такъ явственно выступали въ немъ; «свѣтскій левъ, а не Блокъ» — такъ мнѣ думалось; онъ же, все цѣлился взглядомъ во что-то, разсѣянно очень откла- нялся и быстрыми, легкими, молодыми шагами почти побѣжалъ черезъ толпу, разрѣзая пространство фойэ; развѣвались отъ талии фалды его незастегнутаго сюр- тука.

Мнѣ запомнился этотъ образъ: какъ будто смо- трѣлъ онъ не въ залъ, а черезъ залъ — въ вихрь ме- тели: и когда побѣжалъ онъ, то побѣжалъ, какъ во тьму «моего города»; почему-то я вспомнилъ слова посвященія перваго изданія «Снѣжной Маски»: «Посвящаю эту книгу жен- щинѣ съ крылатыми глазами, влю- бленной во тьму... моего города»; (такъ кажется). Про А. А. говорили въ то время, что онъ — влюбленъ.

Въ тотъ приѣздъ свой я очень любилъ А. А. Но говорилъ съ нимъ я мало; мнѣ было — такъ грустно; я чувствовалъ: жизнь, имъ лелѣемая, — не настоящая жизнь; это легкій запой надъ подкрадывающейся къ нему новой драмой сознанія; и онъ зналъ, что я думаю; онъ какъ бы просилъ меня:

— «Не разочаровывай: самъ отдайся той жизни, которую я здѣсь веду».

И Л. Д. мнѣ говаривала не разъ:

— «Приѣзжайте же, будетъ весело...»

Мнѣ весело не было: наоборотъ, было — грустно; я зналъ: подъ метельнымъ виномъ, подъ «глазами крылатыми, въ тьму влюбленными» ждуть А. А. его строки:

Эй, берегись! Я вся — змѣя!
Смотри: я мигъ была твоя,
И бросила тебя!
Ты мнѣ постыль! Иди же прочь!
Съ другимъ я буду эту ночь!
Ищи свою жену.
Ступай, она разгонитъ грусть,
Ласкаетъ пусть, цѣлуетъ пусть,
Ступай, — бичемъ хлестну.

Почему-то А. А. того времени связывается для меня со стихами его отдѣла «Ф а и н а». И образъ «Ф а и н ы» встаетъ предо мною:

Вотъ явилась. Заслонила
Всѣхъ нарядныхъ, всѣхъ подругъ,
И душа моя вступила
Въ предназначенный ей кругъ.
И подъ знойнымъ, снѣжнымъ стономъ
Расцвѣли черты твои.
Только тройка мчитъ со звономъ
Въ снѣжно-бѣломъ забыты.
Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня въ поля...
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя.

Образъ фаины, — лукавый, не вѣрный; у нея — темная вуаль и узкая рука («Пусть навѣкъ не знаютъ люди, какъ узка твоя рука»); одѣта она — въ «темный шелкъ»; и «нагло скромень дикій взоръ» ея; она — «черноокая» («черноокая моя»); душа ея —

«буря»; шелка ея «поютъ»; и музыка преобразуетъ лицо ея; она говорить:

Найди. Люби. Возьми. Умчи.

Въ ней просыпается образъ Клеопатры, которую А. А. увидѣлъ въ музеѣ-паноптикумѣ; и кажется, будто Фаина есть вставшая кукла музея-паноптикума; она — напоминаетъ поэту Египетъ.

Въ косыхъ лучахъ вечерней пыли
Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьемъ Нильскихъ лилій
Меня плѣнять и опьянять.

Ей сопутствуетъ пѣнье шелковъ; и театръ сопровождаетъ ее: «Живымъ огнемъ разъединило насъ ramпы свѣтлое кольцо»; «Когда твой занавѣсъ тяжелый раздвинулся — театръ умолкъ»; она говоритъ о себѣ: «Я въ дольний мѣръ вошла, какъ въ ложу»; и — далѣе: «Театръ взволнованный погасъ». Словомъ, она — артистка:

Тобою пьяная толпа.

И —

Дрожить серебряная лира
Въ твоей протянутой рукѣ.

Эпитетъ «темный» сопровождаетъ повсюду образъ ея «твой темный шелкъ», «за темною вуалью», я.. мракъ тревожу», «темной ложи», «сумракъ глазъ твоихъ», «темнымъ взоромъ».

Вползи ко мнѣ змѣей ползучей,
Въ глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.

У меня создалось впечатлѣніе: въ это время А. А. относился прекрасно ко мнѣ; но ему все казалось, что идеологія москвичей мнѣ губительна; Брюсовъ губить меня, завлекая въ «политику» литературы, а Эллисъ, Рачинскій, С. М. Соловьевъ и философы кантіанцы влекутъ меня каждый въ свою идеологическую тряси́ну; въ его представленіи, вѣроятно, меня надо было изъять изъ столь вредной, абстрактной, въ полемику вталкивающей атмосферы; и — приобщить: живой жизни; подъ этою жизнью въ моемъ представленіи онъ разумѣлъ «артистизмъ»; и — кулисы театра Комиссаржевской; но именно: въ этой кулисной, обманчивой жизни я видѣлъ лишь пыль — пыль «кулисъ»; да: въ моемъ представленіи не я, а А. А. подмѣнилъ жизнь живую кулисными «суррогатами» жизни; я видѣлъ, что спорить нельзя съ нимъ; и я позволялъ завлекать себя въ эту мнѣ вовсе не близкую жизнь, наблюдая ее; и, естественно, не поддаваясь обману. Поэтому, мы, превратившись въ «политиковъ», не заговаривали напрямикъ, а — таились; любилъ я А. А., но не вѣрилъ пути его; мы оставались въ противоположныхъ и даже враждебныхъ партіяхъ; и тѣмъ не менѣе, часто бывало уютно намъ вмѣстѣ; я помню, что часто просиживали вечерами у Блоковъ мы впятеромъ: я, Л. Д., А. А., Волохова, Веригина, милая, молодая блондинка, дружившая очень съ Л. Д. Въ ней мнѣ видѣлся юморъ, задоръ, доброта; съ ней легко было; Волохова — не то: очень тонкая, блѣдная и высокая, съ черными, дикими

и мучительными глазами и синевою подъ глазами съ руками худыми и узкими, съ очень поджатыми и сухими губами, съ осиною таліей, черноволосая во всемъ черномъ, — казалась она *reservée*. Александръ Александровичъ ее явно боялся; былъ очень почтителенъ съ нею; я помню, какъ вставъ и размахивая перчатками, что-то она повелительно говорила ему, онъ же, вставъ, наклонивъ низко голову, ей внималъ; и — робѣлъ:

— «Ну — пошла».

И шурша черной, кажется, шелковой юбкой, пошла она къ выходу; и А. А. за ней слѣдовалъ, ей почтительно подавая пальто; было въ ней что-то явно лиловое; можетъ быть, опускала со лба фіолетовую вуалетку она; я не помню, была ли у ней фіолетовая вуалетка; быть можетъ, лиловая, темная аура ея, создавала во мнѣ впечатлѣніе вуалетки; мое впечатленье отъ Волоховой: слово «темное» съ ней вязалось весьма; что-то было въ ней — «темное».

Мнѣ она не понравилась.

Тѣмъ не менѣе были уютны и веселы вечера, проведенные вмѣстѣ.

Дѣла вызывали въ Москву (былъ октябрь уже). А. А. звалъ меня жить въ Петербургъ.

— «Пріѣзжай, Боря, къ намъ...»

— «Тебѣ вредно застрять въ вашей душной Москвѣ».

А. Л. Д. прибавляла:

— «Истерики тамъ, у васъ».

— «Пріѣзжайте сюда...»

— «Будетъ весело...»

— «Объщаю вамъ это...»

— «Увидите сами...»

И я обѣщаль, что пріѣду: переселюсь въ Петербургъ.

Я поѣхалъ въ Москву ликвидировать всѣ дѣла; и — и скорѣй перебраться; пріѣхавъ въ Москву, я застрялъ; очень странно: я прежде стремился къ А. А. и Л. Д., а теперь переѣздъ въ Петербургъ — не плѣнялъ меня какъ-то; во-первыхъ: меня не плѣняла жизнь Блоковъ; я видѣлъ, что въ жизни А. А. происходитъ какой-то разгромъ; предотвратить его не было въ силахъ; я думалъ о томъ, что я буду, приблизившись къ Блокамъ, въ глухой оппозиціи; наконецъ, ощущеніе, что еще предстоятъ объясненія съ Л. Д. останавливало мой пылъ переѣзда; во мнѣ постепенно откладывалось недовѣрье къ Л. Д.; перемѣнились отношенія наши другъ къ другу; какъ въ 1906 году я, дружа съ Л. Д., чувствовалъ отдаленіе отъ А. А., такъ теперь: примирившись съ А. А., явно чувствовалъ я недомолвки съ Л. Д.

Кромѣ этого: Мережковскіе, единственно близкіе мнѣ изъ петербуржцевъ въ то время (кромѣ А. А.) проживали въ Парижѣ; съ Ивановымъ я разошелся идейно; и — видѣть его не хотѣлъ; кругъ Иванова, пресловутая «башня», былъ чуждъ мнѣ; я, въ сущности, въ Петербургѣ остался одинъ бы; наоборотъ: въ Москвѣ — крѣпли всѣ связи мои; предстояла кипучая газетная дѣятельность, интересовавшая въ то время меня; здѣсь, въ Москвѣ, находились «Вѣсы», штабъ-квартира движенія нашего; кругъ друзей «аргонавтовъ» былъ здѣсь; здѣсь встрѣчался я постоянно съ С. М. Соловьевымъ, съ Рачинскимъ, съ Петровскимъ, съ Сизовымъ и съ Эллисомъ; пріѣзжалъ мой другъ Э. К. Метнеръ изъ за-границы; и — наконецъ: организовывалась дѣятельность разнаго рода.

Во-первыхъ: «Эстетика» предполагала расширяться; я, какъ членъ Комитета, былъ связанъ съ ней; засѣданія «Московского Религіозно-Фи-

лософскаго Общества» становилися интереснѣе и интереснѣе съ переѣздомъ Булгакова, ставшаго членомъ Совѣта его; въ это Общество втягиваль меня Г. А. Рачинскій и М. К. Морозова, съ которой все болѣе я дружилъ; наконецъ: въ Москву переселились д'Альгеймы, съ которыми я познакомился еще раньше, черезъ Рачинскихъ. П. И. д'Альгеймъ, человѣкъ замѣчательный, съ проблесками геніальности, устраиваль въ Москвѣ свой «Д о м ъ П ѣ с н и»; съ 1902 года я сталъ посѣтителемъ всѣхъ концертовъ Олениной; и — горячимъ поклонникомъ ея пѣнія; П. И. д'Альгеймъ старался группировать вокругъ «Д о м а П ѣ с н и» литературныя и музыкальныя силы Москвы; въ гостепріимной квартирѣ (въ Гнѣздниковскомъ переулкѣ) мы собиралися вечерами, заслушиваясь блистательными рѣчами П. И. объ искусствѣ, о мистикѣ, о музыкальной культурѣ; здѣсь я встрѣчался съ С. К. Мюратомъ, съ гр. С. Л. Толстымъ, съ В. Я. Брюсовымъ, С. И. Танѣевымъ, съ Ангелемъ, съ Кашкинымъ, съ проф. Л. А. Тарасевичемъ; здѣсь встрѣчался и съ Н. А. Тургеневой и съ А. М. Поццо, съ Рачинскими. Иногда М. И. Оленина начинала пѣть. Незамѣтно П. И. захватилъ меня, привлекая къ организаціи литературнаго отдѣла «Д о м а П ѣ с н и». Такъ, на открытіи «Д о м а П ѣ с н и» я долженъ былъ выступить съ лекціей. «П ѣ с н ь ж и з н и»¹⁾; вторую часть лекціи М. А. Оленина иллюстрировала своимъ исполненіемъ «п ѣ с е н ь».

И — наконецъ: философскіе интересы мои находили пищу въ Москвѣ; незамѣтно сближался я съ Г. Г. Шпетомъ, наиболѣе бойкимъ и всестороннимъ среди тогдашнихъ философовъ (изъ молодыхъ); у М. И. Морозовой (на Смоленскомъ бульварѣ) происходили частыя засѣ-

¹⁾ Первая часть этой лекціи напечатана въ „Арабескахъ“.

данія «философскаго кружка» молодежи, въ которомъ бывалъ я; здѣсь бывали И. Л. Ильинъ, Гордонъ, Б. А. Фохтъ, Г. Г. Шпеттъ, А. К. Топорковъ, Б. П. Вышеславцевъ, А. Р. Кубицкій; бывали и старики — Л. М. Лопатинъ, появившійся въ Москвѣ къ тому времени кн. Е. Н. Трубецкой, И. В. Хвостовъ, всегда принимавшій дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ, Б. А. Кистяковскій и пр.

Словомъ: въ Москвѣ для меня жизнь кипѣла. А Петербургъ того времени былъ мнѣ враждебенъ и чуждъ; только Блоки влекли меня, но... но... но...; и — все-таки: я въ Петербургъ переѣхалъ.

Остановился я на Васильевскомъ Островѣ, въ мебелированныхъ комнатахъ, противъ моста; изъ оконъ моихъ открывался унылѣйшій видъ на Неву, къ тому времени полузамерзшую; стоило перебѣжать этотъ мостъ и — я попадалъ прямо къ Блокамъ; но къ Блокамъ, представьте, я мало ходилъ; обнаружился тотчасъ же мои контры съ Л. Д.; и настолько серіозныя, что я мрачно засѣлъ въ своей комнатѣ и съ отчаянною рѣшимостью застрочилъ нападательную статью на Театръ, подъ заглавіемъ «Театръ и современная драма» (статья предназначалась для сборника, выпускаемаго «Шиповникомъ»).

А. А. былъ въ вихрѣ своихъ увлеченій и, видя контры мои съ Л. Д., мягко старался стоять въ сторонѣ онъ; мы съ нимъ дружили издалека; но болѣе, чѣмъ когда либо, расходились въ путяхъ. А съ Л. Д. я имѣлъ очень крупное объясненіе, послѣ котораго рѣшилъ ликвидировать все съ Петербургомъ. Я скоро наѣздомъ тамъ былъ (былъ два раза): читалъ свои лекціи; и уѣзжалъ очень быстро въ Москву. Мы съ А. А. находились въ дружеской перепискѣ; но мы чувствовали, что говорить и видаться — не стоитъ. И уже понималъ,

что отдалилися другъ отъ друга безъ ссоры мы; медленно замирало общеніе наше, чтобы возобновиться лишь черезъ нѣсколько лѣтъ; наступала страннѣйшая мертвая полоса отношеній (ни свѣтъ и ни тьма, ни конкретныхъ общеній, ни явнаго расхожденія)...

Письма писали другъ другу мы рѣдко; и, наконецъ, — перестали писать.

Цоссенъ — Свинемюнде, 22 г.

Май — Іюнь.

А н д р е й Б ѣ л ы й.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Максимъ Горькій	7
Свѣтовой Ливень, <i>Марины Цвѣтаевой</i>	10
Объ Анненскомъ, <i>Вл. Ходасевича</i>	34
Къ теоріи комическаго, <i>В. Шкловскаю</i>	57
Временникъ, <i>Алексѣя Ремизова</i> 1/VI — 10/VII. 1917 . . .	68
Воспоминанія о А. А. Блокѣ, <i>Андрея Бѣлаго</i> , главы VI — VII	125